

Григорий
ДИКШТЕЙН

ВСЁ БОЛЬШЕ ПРОШЛОГО

СТИХИ
песни
очерки

Чикаго
2015

Григорий Дикштейн

Всё больше прошлого...

Стихи, песни, очерки

*

Grigori Dikshtein

More of the past

Dikshtein Grigori

More of the past. Stikhe. Pesni. Grigori Dikshtein. p. st.

ISBN 0-9643971-4

В книгу Григория Дикштейна вошли новые и ранее не опубликованные стихи, песни и очерки написанные в период с 1959 по 2015 годы.

СТИХИ . ПЕСНИ

Всё больше прошлого

Всё больше прошлого, о будущем молчу,
чтоб не смешили Бога наши планы...
И без того размыты и туманны
и завтра, и сегодня ... Я хочу
мгновения прославить и запомнить:
любимую, и близких, и друзей,
и не искать, как мудрый Одиссей
того, что может чашу дней заполнить
вдали от вас... Мы истины хлебнём,
осознавая: миг приносит счастье!
Сиюминутность. Разве в нашей власти
столетья? Ограничиваюсь днём.
Он "дольше века"... Избегая лжи,
прославлю день, который ладно прожит.
Ещё когда мой ангел крылья сложит!
Так постоим "над пропастью во ржи..."
Под этим солнцем, где невольные грехи,
сулящие грядущие открытия,
цикадовы трескучие соитья,
и детский смех, и новые стихи,
и просто жизнь, где ноша по плечу...
Идёт спектакль. Увы, без репетиций.
И шелестят сценария страницы...
Всё больше прошлого. О будущем молчу...

Июль 2012

Беспокойный, каверзный и бойкий
век угрюмой классовой борьбы.
Ну а мы... как были там прослойкой,
так и здесь не миновать судьбы
между молотом и наковальней
как-то жить и сосуществовать,
избегая доли криминальной,
а на остальное наплевать.
Мир непрочным был,
а нынче хрупкий.
Знаем больше, видно потому,
здесь в своей упрятаться скорлупке
больше не удастся никому...
Ибо сквозь задраенные люки
достают сигналы и звонки...
Мы то что! А дети наши? Внуки?
Пустяки... О, нет, не пустяки.
Что ж мы зря меняли то на это?
Нет другого глобуса, увы!
И в дыму любые части света,
ибо затуманены умы!
Разум спит. И колокол не будит!
Ночи опустившийся шатёр
утешает: спите... будь что будет...
"Будь что будет?" Кто же память стёр?
Чувства упростив до "зрелищ, хлеба",
обнажая стадности инстинкт?
Где границы: Неман, Волга, Эльба?
Вот видна река... Да это ж Стикс!
Пахнет нефтью, в кулаке ни centa.
Где найти пятак за перевоз?
И Харон, с ухмылкой президента,
Вам не отвечает на вопрос...

2008

Волны времени смывают нас, не так ли?
Но иного Боги не изобрели...
Жизнь течёт и утекает не по капле,
очень просто оказаться на мели.

Только в сказке можно крикнуть: "крибле-крабле!"
и наступит вечный мир и благодать...
С морем жизни бьётся крохотный кораблик,
а земли обетованной не видать...

Весь ракушками забот оклеен остов,
но он чует, что кочует налегке.
А по курсу не земля, а только остров
с фонарём на неизменном маяке...

Он нестойкою погодою освистан,
он ни золотом не славен, ни деньгой.
Там и радости всего-то только пристань,
но не тихая – иная нам на кой?

Эта пристань - дом, и с тайнами подушка,
и последняя надежда на пути.
Может этому цена всего полушка,
но иной уже сегодня не найти.

Там и волны расшибаются о стену,
солон хлебшек и сладкая вода.
Мы до времени тому не знаем цену,
и быть может не узнаем никогда...

30 июля 2005

Взгляд со стороны

Бывший житель городской,
я живу теперь в деревне,
и поглядываю с древней
неизбывною тоской
на страстишек невода,
жизни всплески и изгибы
утекающие, ибо
Лета- всё-таки вода....
А до Бога далеко,
положенья не исправить...
Впрочем, можно нас поздравить,
не скисает молоко.
Жаль испортился продукт
человеческого тела,
хоть оно и не хотело
преждевременно в сундук.
Не о том моя печаль.
А о чём же? Сделай милость!
Упрости... нет, упразднилась
на челе ума печать.
Обозлённых пруд пруди,
отмороженных поболе,
то чему учили в школе
не доходит до груди.
И, подавно, до мозгов.
А вокруг такие лица!
Им и пояс не граница
в рассужденья про любовь.
Каждый третий - технократ,
каждый пятый Мартин Лютер.
Впереди идёт компьютер -
наша совесть, друг и брат.
И понятия о том,
кто чего и сколько стоит

стёрты на фиг... Волком воеет
пёс прикинувшись котом.
Дух бензиновый авто
ловим ртом... Сливайте воду!
И давайте про погоду.
А погоды нет... И то,
что прогнозами звалось
стало паникой и жутью
и, наполненное сутью,
между строчек улеглось.
Лишь тарелка Эн Эл О
реет словно буревестник...
Где правитель, где наместник,
и куда нас занесло?

"...Трубит труба, откинут полог!"

Булат Окуджава

Вот жизни детская сорочка
на год короче, не на миг.
Так был ли круг или цепочка
друзей-товарищей моих?
Что непреложно, а что ложно,
кто властью пользуется всласть?
Мы рвали цепь неосторожно...
Кровь под ногтями запеклась.
Жалеть, завидовать, бояться, -
ни в коем разе! Никогда!
Ведь дал Господь нам состояться,
не раствориться без следа.
Не забывая о Прокрусте,
попробуй, выкроить совет,
или скорбеть без ложной грусти,
о тех кого в помине нет...
Так будем не велеречивы
в своих моленьях и делах.
Пусть мысли противоречивы, -
они на совесть, не на страх.
И быть сему... Урок не долог.
Звонок – и двери прочь с петель!
И голос, прошлого осколок:
«Трубит труба, откинут полог...»
Храни нас, Боже, от потерь..

"Не оставляйте стараний..."

Борису Г.

Век прошедший, с улыбкой шакала,
не догнал и не тронул пока,
жизнь достойную кисти Шагала,
чудака, твоего земляка...

И видать по велению свыше,
холст покинув, весь день напролёт,
на асфальте, на сцене, на крыше,
плачет скрипка твоя и поёт.

Под неё совершается действие,
лицедейства отведенный час,
и забытое напрочь еврейство,
оживая, пульсирует в нас.

Пост нелёгко, обычаи строги,
но едва ты поднимешь смычок,
нет верней и нужней той дороги,
где и племя и время течёт...

В черно-белой парадности чинной
и накинув простой лапсердак,
ты, царапая деку щетиной,
мою душу разгладить мастак.

До тепла, до сверкания граней,
разгоняя зловещую тьму...
Так что «не оставляйте стараний...»
пел Булат, и я вторю ему...

8 ноября 2002 год

В ресторане

Мише Герту

Поздним вечером картошечка-соломка,
рюмка водки - и расклад уже другой.
Кто-то сетует: играют слишком громко,
продолжая в такт постукивать ногой.
Разве место украшение таланта?
Вопросительно- изогнутая бровь...
Я сижу и убеждаюсь, ресторан без музыканта
невозможен, как без женщины любовь.
На клавишах играйте, на струнных, духовых!
Я трезвый, и трезвее не бывает.
Сижу, прижав ладонью десятку чаевых,
прикрыв глаза, а музыка играет.
Забегу осенним вечером дождливым,
иль зимой, что белит инеем виски.
Может быть уже не стану я счастливым,
но зато тоски разведены тиски.
Сяду в угол, кликну сам официанта,
и пока он подойдёт на этот зов,
я сижу и убеждаюсь: ресторан без музыканта,
невозможен, как без женщины любовь!
На клавишах играйте, на струнных, духовых!
Я трезвый, и трезвее не бывает.
Сижу, прижав ладонью десятку чаевых,
прикрыв глаза, а музыка играет.
И сегодня поражаюсь мысли странной,
хлеба корочку задумчиво дробя:
почему я, человек не ресторанный,
захожу сюда и слушаю тебя?
Хриплый голос не похожий на бельканто,
и куплет попсовых немудреных слов...
Я сижу и убеждаюсь: ресторан без музыканта
невозможен, как без женщины любовь!

14 февраля 2001

Сожаленья

Вот и птицы домой не летят...
Откурлыкали да отрыдали.
Удлиняется тень, изменяя пейзаж,
остальное – как прежде, увы!
Не линяют надежды, хотя
мы своё ещё не пострадали.
Разбиваются мифы о счастья мираж
в пересудах досужей молвы...

А душа, где не тронешь – болит.
Погляди: день на день не похожий.
Непогожих вестей раскалённый болид
норовит ну не в дверь, так в окно...
Из различных позиций палит
дальний, ближний и даже прохожий,
а парящий вчера в небесах, не парит,
уколовшись о веретено.

Не буди задремавший поток
сожалений, обид, непощений.
У ружья на штыке примиренья платок,
но рука досылает патрон.
Мудрых слов, не накопишься впрок,
на царапины от огорчений.
Жаль души теремок запирать на замок
до двусмысленно-лучших времён.

«Всепрощенье» - не действие, звук,
угасающий ветер при штиле.
Паруса в ожиданье натруженных рук
замирают в унылой тоске.
Нет спирали, а замкнутый круг
ни уму неподвластен, ни силе...
И что пьяному произнести недосуг –
то у трезвого на языке...

Оленёнок-Аленок

Небо залито вином красным...
Оленёнок-Аленок, здравствуй!
Резво в прошлое несут кони...
Время чинит самосуд... Тонем.

Разлетится на куски панцирь.
Ты легко на плечи кинь пальцы.
После думать да решать будем,
как в любви нам избежать буден.

Трудно... Около стоят сети.
И у каждого семья, дети.
Как одной идти домой жутко!
Из-под ног уходит дно, шутка ль?

1968

Весеннее

Стоит лишь проклюнутся проталинам,
чувствую себя сентиментальным, м-м!
Вон кокетка, в плащике приталенном,
просто недоступно-хороша.
Никаких фантазий эротических,
там, напротив колледж юридический...
А с костёлов вычурно-готических,
голуби срываются шурша...

Просто овцы ожили и пастыри,
ведь весне плевать на даты в паспорте,
в индивидуальном еду транспорте,
впитывая музыку Си Ди.
Непогоды происки лоббируя,
справа от меня моя любимая,
яркими фиалками вибрируя,
вроде недоступная сидит.

Вот оно весеннее восстание!
Горе - в пуританском воспитании.
Правда в этом сладком испытании
что-то упоительное есть!
Видимо упьёмся не берёзовым,
не портвейном белым или розовым,
а иным, что не опишешь прозой!
Может только музыкой? Бог весть!

Апрельская

Пущен ветер над страной
злою тетивою,
аж гитара за стеной
не поёт, а воет.

Ты не плачь, струна, пока
солнышко не село,
мы ж не в дебрях кабака,
губим наше тело!

Пой, кудрявый, не грусти,
шевели плечами,
мельхиором не части,
двигай челюстями.

Белы зубы, что рояль,
иль фарфор английский.
Шашлычком испортить жаль
куцые огрызки?

Нам бы раз, да ещё раз,
да ещё – ан нечем!
Но зато в точенье ляс
промытарим вечер.

Зря печалишься, корнет!
Погоди, успеешь.
Глянь нетрезво в интернет, -
сразу протрезвеешь.

И к цыганам на простор,
подзатеять шашни!
Но цыгане да шатёр -
это ж день вчерашний.

Раздроби печаль-тоску,
с радостью и болью,
о дубовую доску
русского застолья.

И тогда ещё не раз
вспыхнет уголёчек,
что в камине прозапас
тлеет между прочим!

Семиструнная, звени,
песня – вроде малость!
Ты, дружок, её цени,
что душе досталась...

В добрый час!

Словно с чемоданом, со своей судьбой.

(Для неё носильщик не положен).

Мы границу века перешли с тобой

и ни виз не надо, ни таможен.

Словно в эмигрантах каждая семья,

ибо век навеки покидает...

А снежинки-письма из небытия

падают на землю и не тают.

Вечность под дугою, миг на облучке,

ни столба, ни полосы нейтральной...

Отчего же капля влаги по щеке

прокатилась звездочкой астральной?

Трогай, друг любезный, дальше в добрый час!

Не меняй коней на переправе.

Навсегда исчезнуть – это не про нас.

Время нас на звёзды переплавит.

Мы бесценным грузом увезли с собой,

в генах сохранив и хромосомах,

дорогих и близких, радости и боль...

Память только с виду невесома.

Нам вослед команда нашего двора,

что давно безгрешна и крылата,

машет, а над нею юности сестра –

песенка знакомая Булата.

Валентинка

Посвящается Марине

Давай не будем дожидаться февраля,
весенних гроз, цветенья роз... Не нужен повод
испить любви напиток и свалиться в омут,
где мы друг другу, как земля для корабля.

Давай не будем дожидаться годовщин,
а каждый день, не соблюдая очерёдность,
покуда тело не пришло ещё в негодность,
любить, не видя ни седин и ни морщин.

Давай не будем, оставляя на потом,
мгновенья сладкого душевного насада,
поспешным шагом уводить себя из сада,
чтобы назад бежать, хватая воздух ртом.

Давай не будем погибать от давних ссор...
Обратный взгляд несёт печаль... Кому охота,
застыть колоной соляной, женою Лота,
платить сторицею за огорчений сор?

Давай не будем утверждать: «Пора Любви
не бесконечна, если видно дно колодца...»
Так может стать только если не бороться,
отворотиться, не встречаться vis-a-vis...

Давай не будем, в потухающий костёр
глядеть и ждать, когда под пеплом умирая,
его тепло поглотит мать-земля сырая...
Давай обнимемся... Всё остальное вздор.

14 февраля 2008

Вот наших песен океан... Пора отлива...
И далеко до покаянья... хоть с обрыва!
Как жаль, волна без глубины... Песок да камни.
Души стенанья не слышны за пустяками...
А ворот тесен, лоб в огне, а о святых
лишь разговоры... Там в окне природа стынет.
Так льва упавшего легко пинать ногами!
Кто Божьей искрою влеком не бросит камень...
Как птицы жалобно кричат... Пора отлёта.
Все, от дрозда и до грача, винят кого-то...
А люди празднуют... Страна, звенит набатно ...
Живёт, не ждёт, когда волна придёт обратно.
Нас ожидающих немного... только горстка.
Она почти уже в дороге наша гостья.
Придёт, догонит, наверстает дни и дали...
Она вернётся, но застанет нас едва ли...

Ж.К.

Вот и сани пригодились,
жаль, мы сами притомились,
добираясь до зимы...
По дороге, по бумаге,
на одной колёсной тяге,
от Москвы до Колымы.

Одуванчики шарами
рядом с нашими шатрами
щекотали щёки нам...
Были там весна и лето,
глядь - и осени-то нету,
только ветер по волнам...

Дом-судёнышко-каюта,
он достался – не кому-то,
за алтын, а не за грош.
Огонёк горит в тумане,
чужаков к себе не манит,
видно этим и хорош.

Да одна беда, веками
все мы были чужаками
там, куда б не занесло...
Всюду лиц знакомых тыщи,
а родного не отыщешь,
коль отыщешь – повезло...

Отыщи, когда метели,
больно бьют, да мягко стелют,
отыщи, когда дожди...
Хлопья, словно цвет акаций,
хорошо б не потеряться...
глянь, сугробы до груди.

Веронике Долиной

Гололёд – не так уж плохо,
распускаться не велит.
Гололёд, мой друг, эпоха,
оттого-то всё болит.
Ты вальяжно- эпатажна
и пугающе грустна...
Осень поздняя - неважно!
Холодна, но не страшна.
Табак пропахли книжки,
сыроежками – подол,
не московским, а парижским
миру видится Содом.
Как ты держишь равновесье?
Я ей Богу, не пойму!
Сам Булат, из поднебесья
усмехается сему.
Все мы в поисках иконы,
нам без оных нет житья.
Одиноки, беспокойны,
словно тётушка твоя.
Но уже не выйдут боком,
ни талант и ни струна...
Ибо ты родня эпохам,
подарившим Имена.

2006 г.

Германское

Внизу земли оживший глобус.
Рассвета кант...
Сел, с желтой птичкой аэробус
на Фатерланд.
Юнцов весёлое соседство,
девичий альт...
А мне война кричит из детства:
«щюрюк» и «хальт».
Не тронул стены древних башен
столетий бег...
А под землёю наши, наши...
Двадцатый век.
Там лик узрев единовеца -
не осужу,
Но в разговоре память сердца
не обнажу...
Соборы каменные строги
и холодны...
Там полицей у синагоги,
как часть вины.
Там время прошлое вспахало
в умах людей!
И не под Мюнхеном Дахау,
а Бог весть где.
Проси, проси прощенья, Папа,
а Он решит
И пеплом здание гестапо
припорошит...
.....
Когда в закатном освещенье
рейхстаг горел,
подумал я о всепрощеньи...
Но не созрел.

2004

День Св. Валентина

Давай наденем лучшее, что есть
в нехитром гардеробе, уподобясь
волхвам, несущим радостную весть
еще не совершившегося. Доблесть
в том есть немалая, и возвышает нас
над миром, что погряз в грехе и смутах,
сей праздник! Он в мгновеньях, он в минутах.
Коль зуб неймёт, то постигает глаз.
Цветок в старинной вазе на полу,
в углу седло, на лавке кнут и пряник -
суть символы пока... Они воспрянут,
едва вино расплещем по столу.
И коромыслом дым. Прижмешься вдруг,
колдуя , как обычно, по хозяйству,
предпочитая и вино и явству
мгновенья ласки. Чуешь, милый друг,
прикосновенья эти... и по пальцам
уже течёт, пульсирует и бьёт
заряд, и точно знаю наперёд,
хоть чувствую себя неандертальцем,
куда он дальше... Вечности секрет,
он видно в том, что такового нет
ни в Брадиса таблицах, ни в иных
простых и сложных числах извлеченных
из под в квадрате корня. В знаках черных
поверхность испрещенная стены.
На ней, порой скабрезностей полны,
прямая речь, и часть литературы...
Всё кажется невинным, вплоть «дуры»,
Об остальном... дисплеи всей страны
не отвергая прелестей влеченья,
хлопочут об инстинкте основном.
И, слава Богу, мы не исключенье.

14 февраля 2007

Дни рядовыми не бывают

Дни рядовыми не бывают,
они в похожести своей
лишь равнодушно убывают...
Пускай поёт, как соловей
Пророк о том, потустороннем,
нас на мякине не провесть!
Покуда знак в тестостероньем
анализе не плох, Бог весть,
какие дали нас помянут,
какие страсти увлекут.
Вот, ошалевший, от вниманья
души трепещется лоскут.
Увы! По зеркалу в прихожей
ползут морщины , а печаль
в глазах вчера ещё, быть может,
вас огрчала... Вот, причал
с прекрасным белым пароходом
вдали маячит... Счету несть
бегущим дням, и с каждым годом
ценней бессовестная лесть,
что нездоровье за усталость
воспринимает... Милый бред
несём, как флаг! Какая жалость,
что не спасающий от бед
настой весёлого коварства,
интриг любовных и того,
что есть от старости лекарство,
уже на донце! Каково
о том в кругу таких же пьяниц,
как я , бокалы поднимать,
балдеть от приближенья пятниц,
мечи из ножен вынимать,
на вертеле ворочать тушу
кабанью, дрыхнуть как сурок
и, растопырив уши, слушать

шалъную музыку дорог...
Мараю лист и уповаю
на лозунг выдуманный мной:
«Дни рядовыми не бывают...»
Бывают? Кто ж тому виной!

10 февраля 2007

Дождик с ветром в обнимочку

Машеньке

Дождик с ветром в обнимочку...
День до нитки промок...
Незаметно за ниточку
слов расхожих клубок.
потяну, и по случаю,
милый образ лепя,
строго выберу лучшие
для тебя, для тебя.
Словно рыбка на отмели
словом ловится миг.
Если разум не отняли -
в души ломится стих...
Под стенания скрипочки,
и мечта и резон,
поднимаясь на цыпочки,
смотрим за горизонт.
И тогда... Может статься ли?
Мчим по рельсам судьбы,
где года, словно станции,
а мгновенья - столбы.
То погосты, то рощицы,
выше - птиц караван...
Словно парус полощется
за плечами туман...
Зло и зависть - поотдали,
что ни дай им - не в прок...
Но зачтётся, что отдали,
не пришел ещё срок...
Ведь, не скоро нас листьями
по остывшим лесам
время тропами лисьими
унесёт к небесам...

2012

Письмо для дочери

Дорогое взрослое дитя!
Я листаю дни и понимаю,
возвращаться к трепетному маю
бесполезно, видимо, хотя...

Где то на десятом этаже,
там, на атресолях ли, в байдарке,
тот приведший к триумфальной арке,
маршальский давно пылится жезл.

Не жалею... Путь избрав иной,
может непосильный и корявый,
граждане совсем иной державы,
мы не расквитались со страной.

Той, где даже прогнанный сквозь строй,
я придумал лучшие из песен,
где на белый лист из поднебесья
к нам спускались ангелы порой.

Если так, но нечего пенять!
Нам прививку сделал край сосновый,
ставшей и Надеждой и Основой
близким, для тебя и для меня...

Не страшись лаврового венца...
Он соединив цветок и шпагу,
ляжет новым словом на бумагу,
Радуя на старости отца.

PS.

*Высока взросления цена,
потому не будет жизни праздной.
А Любовь... Она бывает разной.
Главное, что в жизни есть она...*

Другу

Как ты живёшь, мой бывший друг,
который больше мне не друг?

Переходя из лета в осень
мы меньше сеем, больше косим,
и тем друзей сужаем круг....

Как ты живёшь, мой старый друг?

Ужели без сердечный мук?
Ты мне не враг, на том спасибо!
Мост из ошибок хил и зыбок,
и тем друзей сужает круг...

Как ты живёшь, мой лучший друг?

И кто кому не ко двору?
Ты мне никто, как это просто!
Твой дом не крепость - просто остров!
И тем друзей сужает круг...

примерно 1970 г.

Проблемы больше нет...

Ещё вчера была проблема усадить
толпу гостей, чтоб в тесноте да не в обиде...
Но за окном уже разрез багровый виден,
и впору времечко сдержать и осадить...
Оно несётся, закусивши удила.
Мы, как подорванные трудимся-хлопочем.
И вот компании обмылку, между прочим,
вполне достаточно кухонного стола.

Покуда год на этой пасеке судьбы,
наполнен мёдом и дерьмом деньков по сотам,
дрянь-диалектика толкает нас к высотам,
а те, известно, не сдаются без борьбы.
С порога сдует паутину ветерок
и грубый посох в руку ткнёт судьба-шалава...
но мы то видим, что три буквы, а не слава,
венчают этот недомерок- бугорок.

Хотя ни лавры и ни трубы не нужны,
внутри, как прежде, шевелится греховодник.
Он в школе жизни шалопай и второгодник,
но чует: подвиги не все совершены.
И каждый день без этих подвигов - не в счёт,
они вершатся то в ночи, то на рассвете...
Мы первородного греха шальные дети,
пускай тропа к нему вовек не зарастёт...

1 апреля 2006 года

Жили не подрывая устоев...
Да пустое... они не в цене.
Беспощадное время густое,
нас размазывало по стене.
Мы держались, аж руки немели,
но державе потуги смешны...
Оттого соловьи онемели,
что на фоне ворон не слышны.

За глаза ли абсурда театр
скомкал занавес, вымарал роль?
К чувству глух режиссер-терминатор.
Хочешь сопротивляться? Изволь!
Поколение скукожено где-то
в песнопениях разных мастей.
Всё пытается в крохотном гетто
сохранить и себя и детей.

Не дано уцелеть в одиночку
посреди мелочей дорогих,
там где время поставило точку
для одних, и тире для других...
Празднуй беса страна и столица,
та, где рабства не смыто тавро...
Богу слава, дырява граница
да словами слезится перо...

2005

В ночь под Новый Год.

За дверью лает простужено
“Огненная собака”...
Обдумай лысеющей репою
жизнь своё и бытё:
Ведь муза твоя перегружена
заботами, но однако,
я всё ж вдохновение черпаю
из дыр карманов ее.
И в этой смеси немислимой
прошлого с настоящим
по рельсам, по кочкам памяти
из детства летит товарняк
с портянками, щами кислыми,
Кобой, сыгравшим в ящик,
и горсткой калек на паперти,
с глазами битых дворняг...
Богатая тётка с факелом,
с тушенкою по лендлизу
протягивала руку помощи,
мы же гордые, впрямь князья!
И плакало небо, плакало,
когда облака без визы
ползли по-пластунски ночью,
туда, куда нам нельзя...
Нам счастье - вода с сиропом,
нам радость – кусок макухи.
И хлеб получив по карточкам,
хранили их словно клад...
Как девка лежала Европа,
и брагой тянуло из кухни...
Но скоро «поджаристой корочкой»
страну угостит Булат...
Ах, прошлое! Что в нём проку?
Где тот патефон трофейный,
девчонки в носочках белых,

на чёрных “костях” фокстрот?
В отечестве нет пророка,
оно до сих пор «на фене»,
базарит со мною беглым,
а может наоборот.
Мелькали года, как шпалы:
меняла страна портреты,
и хрипы: «Порвали парус»
нам слышались из окон...
Капели ж, как небывало,
и лето осталось где-то,
лишь осень, накинув талес,
всё молится ни о ком...
И что мы только ни делали:
строили перестраивали,
Родину перекраивали,
объявляли дефолт...
Напялив одежды белые
в ангелах ходят дьяволы...
Что продано, что украдено!
Чей Черноморский флот?
И вот уже лает простужено
“Огненная собака”...
Год петушинный кончился,
такие вот, брат, дела...
Много ль собаке нужно?
Кость и тепло, однако,
и человечку всё хочется
и косточки, и тепла.

2006 г.

Звезда над дорогой

По весеннему зябко и сыро,
и колышет дорог забытьё.
Беспокойные дети эфира
поднимают антенны копьё.
Выбираясь из шорохов станций,
возникают тепло сохраняя,
и сомнений холодные пальцы
уступают надежде меня.

Пусть иные, как прежде далече,
те же не из заоблачных сфер,
кто скучает по музыке речи
с беспокойно рокоचущим "эр".
Подарив свою долю известий,
убегает волна в никуда...
Но я знаю: среди южных созвездий
есть моя небольшая звезда.

Мне луны золотая заплата
раздвигает дорожную тьму,
и раздумий шестая палата
пусть не надолго, но ни к чему!
Я живу по березкам не плача,
лишь "былое и думы" во мне,
да шаланда с названьем "Удача"
иногда на знакомой волне...

Из вчерашних сновидений,
Мастер кройки и шитья
для грядущих поколений
шил бы... только из тряпья
нет ни смысла, ни резона
что-то новое мостить.
От фасона до фасона
дай Бог тело донести...
Что вчера считалось главным,
можно вешать на...сучок.
Мы как валенки забавны,
сюртучок иль армячок...
Что ж ты, кстати и некстати,
по привычке роковой,
ищешь общий знаменатель,
номер почты полевой?
«Не теряйтесь, не меняйтесь!
-обращался я к друзьям, -
Прессинг жизни, жизни натиск
не стрельба по воробьям!»
Ах, ты новое столетье,
ах, ты новая метла!
Все твои шальные дети
лепят пули из «бобла».
Мы, как зубы коренные,
стёрты- сбиты, не шутя,
лишь любимые-родные
их коронкой защитят.
Пусть коронка не корона,
нам и это хорошо...
Дрогнул поезд у перона
и пошел, пошёл, пошёл...

2008 г.

Прими меня таким

Прими, таким, как есть... Прими меня таким.
Когда обид не счесть - всё хрупко и непрочно...
Дом на семи ветрах ... и денно там и ночью,
дразня свечей огонь, гуляют сквозняки...

Мы в доме том с тобой не баловни судьбы,
ведь твой портрет и мой творили в прошлом веке.
И мы глядим на мир, не смеживая веки,
привычек и страстей вчерашние рабы.

Грунтуем старый холст... чтоб свежие мазки
легли на полотно картины жизни новой,
но чтоб не лицевать у модного портного
мой старый пиджачок, прими меня таким.

Здесь слово и строка – высоким чувствам гимн,
а музыка легка, как праздник новогодний!
Я все отдам тебе, чем дорожу сегодня,
но об одном прошу: прими меня таким.

Камыши

Дней прошедших листья вороши
пряной прелой прелестью пьянея...
Что я вспоминаю: камыши,
воду, лодку лёгкую над нею...
Камыши лениво, не спеша,
о своём бормочут и судачат.
И о чём поют они и плачут,
бархатные стрелы камыша?
Может не прощенная душа
в них стена рвётся на свободу?
Слышите, веслом тревожа воду,
тихие молитвы камыша?
Я хочу дождаться и дожить,
отложив дела с водою первой,
вновь уткнуться лодкой в камыши,
как в плечо надежды или веры.
Город засыпает в этажах
в дымное укутан одеяло...
Заполняйте памяти провалы
тихие и молитвы камыша.

Крик

*«И Бог сотворённый из глины
Сказал мне: Иди и убей!»
А.Галич «101-й псалом»*

Человек сотворенный из глины,
человек сотворённый из страха,
Не защита ни в чём не повинным
стены, рубище, порох и храм...
Что ты есть перед силой лавины?
Ни наука, ни музыка Баха,
не убьют хладнокровия льдины,
разрывающей мир пополам.

Человек сотворённый из праха,
из руды и никчемной породы,
скудный выбор: топор или плаха,
отвечающему головой...
По закону критической массы,
стала ненависть силой природы...
Не спасут ни проклятья, ни мессы,
тех, кто станет землёй и травой.

Человек сотворенный из боли,
человек сотворенный из веры,
варит кашу в последней юдоли
на крови из войны и беды...
Вся земля нынче – бранное поле.
Оглянись – разве люди не звери?
Не проси для себя лучшей доли
у смертельно опасной воды.

Человек сотворенный из клона,
человек сотворенный из мифа,
позабывший скрижали Сиона,
о содеянном зле не скорбя...

Человек сотворенный из тлена,
человек сотворенный из лиха,
Ты заглядывал в Бездну Вселенной?
Вот и Бездна глядит на тебя...

Декабрь 2004

Моей дочечке

Куда воспоминанья делись?
Ужель завязли в пустячках?
Вот пенопластовый индеец,
вся грудь в медалях и значках.

В прихожей ледоруб бывалый,
и не один, а целых два!
И с фестиваля вымпел алый,
и седины едва-едва..

Твой бантик - больше вертолѐта!
Этюды: Черни, Майкопар...
Всего ключом – два поворота:
Левада- Занки, звон гитар.

Туман над озером и вышка
высоковольтная гудит...
На котелке танцует крышка,
и день, и жизнь- всё вперди!

Потом Олеша! Помнишь, «Зависть»?
И резкий поворот в судьбе...
Как уцелеть до дна расплавясь
мы испытали на себе.

Где мы зарыли под сосною
пиратский золотой реал?
Я по ночам кино цветное
смотрю, как вечный сериал.

И это знак или известье,
иль Богом данная стезя?
Ведь очутившись в новом на месте
остаться прежними нельзя.

Не принимать болезни роста
за символический финал.
О, если было бы всё просто,
я песни чем бы начинал?

Ни миллиметра не теряя
высот достигнутых, спешу
прожить, себя не повторяя...
Об этом, Господи, прошу!

28мая 2009 г.

Лабиринт

Марине

Темно... Иду на ощупь, как же выжить ещё?
Погас клочок надежды - туго скрученный жгут...
За свет в конце тоннеля оплачен мой счёт,
чего ж его никак не зажгут?
Мне нужен, Ариадна, твой волшебный клубок.
Я "ёжиком в тумане" пробираюсь один.
Я думал: Бог поможет! Не видит нас Бог...
По ниточке на свет выводим!

Попутчики отстали... Ни друзей, ни врагов.
Давно ли славословили за общим столом!
Ни Минотавр не страшен, ни насилье рогов,
А мысль та, что нам поделом!
Ты слышишь Ариадна, ты надежда моя!
Пока река сомнений не дошла до груди,
пока враги мне саван из крапивы кроют,
по ниточке на свет выводим!

И ты не Ариадна, да и я не Тессей,
но лабиринт коварен, он не выдумка- миф.
Коль не найдём спасенья у родных и друзей,
как судно, разобьёмся о риф!
Не надо, Ариадна, ни хвалы ни хулы!
Я не сужу кого-то, и меня не суди...
Пусть катится клубочек огибая углы.
По ниточке на свет выводим!

4 ноября 2007

Свадебная песня

Моей внучке Нечке и Грише

Лес остатками крон утопает в тумане по пояс,
там сентябрь отодвинул ненастье на миг, на часок...
Свадьба – это перрон, от которого тронется поезд,
к тихой станции Счастье, и славно бы, только разок.
От сегодня и вплоть до грядущего века... Ступенью
Разум будь не однажды опорой этих двоих.
Ниспошли им Господь по дороге взаимотерпенья,
утоления страсти и жажды во стенах своих.
Вы ни крика совы, ни грозы и ни грома не ждите,
словом не обессудьте за якобы менторский тон...
Но со станции (хоть второпях) матерям позвоните,
в суете не забудьте... За это воздастся потом.
Чтоб над миром летя и друг друга любовью наполнив,
и шалаш и дворец освещали собой до утра,
а во чреве дитя без антенны почувствует волны,
волны добрых сердец, из отзывчивости, и добра...
Лес остатками крон утопает в тумане по пояс,
там сентябрь отодвинул ненастье на миг, на часок...
Свадьба – это перрон, от которого тронется поезд,
к тихой станции Счастье, и славно бы, только разок.

2011

Листок осиновый дрожит

Листок осиновый дрожит,
он помнит лето...
Срываясь, делать виражи,
охоты нету.
Зима и в кроне и корнях
тепло остудит.
Звенит в ушах, и товарняк
ночами будит...

Пора унылая всегда
зовёт к расплате.
А холода... Они когда
бывали кстати?
Трещит ледок под каблуком,
скулит собака.
И как закон: здесь из окон
ни слов ни знака.

Лишь тень чужая на стене,
под шляпы фетром...
И по стране и по спине
дождейки ветром
несёт, а он в поводырях
их пил иль не пил,
чтоб на плечах и на кудрях
дымился пепел.

Не пепел – это седина...
Поднимет за день
осадок прошлого со дна:
томленья ссадин,
крупницы золота и муть,
слова с дурманом...
А кольца памяти сожмут
за океаном..

2005

Миг у времени займы
ни за грош и ни за тыщи
не вернуть, считали оба.
разомкнув объятий круг...
Ошибались видно мы...
Что стоять на пепелище!
Погляди, дымится обувь
от касанья тел и рук.

Разве в битве за покой
боль была не настоящей?
Той разлуки горькой клетка –
золотой металлолом!
И ниспослан нам судьбой
дым, который мёда слаще,
ибо падает монетка
решкой чаще, чем орлом.

Страсти голос урезонь...
Час былому в Лету кануть,
коль под этой нежной кожей
до сих пор таится боль.
А подпепельный огонь
может просто сердца память?
Время судит много строже
недоигранную роль.

Время судит... Но азарт
в продолженьи лицедейства.
Сбросив прочь камзол дырявый,
тронув кружев бахрому,
сокрушается Моцарт,
будто Гений и Злодейство
несовместны... Боже Правый!
Но мне верится ему...

Мир соткан из противоречий...
Покуда гений, бисер мечет,
не облекая части речи
в поэмы, ножны без ножа -
лишь оболочка формы, ибо
что без него они смогли бы?
Влекут фантазии изгибы
туда, где прошлого не жаль.
Где век прошедший зол и душен,
где храм светлел, но он разрушен...
Навозом тянет из конюшен,
что расположены, увы,
на том на самом лобном месте.
И это что-то вроде мести
за веру. Прячутся в подъезде
с живою ношею волхвы.
Они - свидетели подмены,
умрут гвоздём вскрывая вены,
и ложь свинцом, мечом, поленом
пойдёт, прокладывая путь.
Зверьё, что в каждом дремлет тихо,
проснётся, скаля зубы дико,
и не пропляшет Эвридика
ни завтра, ни когданибудь...
Всё повторяется... И змеи,
и легковёрные Орфеи.
Укус... ни музыки нет, ни феи.
Противоядия пока
от слова злого и навета,
не создал мир... Как страшно это...
И тетива у арбалета
дрожит, как жилка у виска.

2008 г.

Наваждение

Мне приснилось: я Сизиф,
я толкаю в гору камень,
то разбитыми руками,
то плечом, то головой,
мокрый весь от напряженья...
Унижение положенья
безысходно, где сраженья
виден выход нулевой...

Разве важно что толкать
если польза для отчизны?
Я подумал: в прошлой жизни
даже вождь носил бревно.
На одном "энтуазизме",
было так в социализме,
лишь два цвета в этой призме:
всё бело или черно.

Вот такой атракцион,
был придуман древним греком
тем, что шастал через реку,
а начальство таково:
и ни нам, хоть спины в мыле,
ни Сизифу не платили,
возлежали, вина пили
и глядели: кто кого.

А в мозгах и в пузыре
только спазмы от терпенья,
и не пенье а сопенье:
Вверх, ребята! Не робей!
Разглядели слишком поздно,
что толкали шар навозный,
распевая несерьёзно:
"Скарабей мой, скарабей..."

Увы!

Когда, собирают лишь круглые даты,
уже никогда, как бывало когда-то,
по будням, не будем и по выходным,
веселыми, грустными, пьяными в дым,
компанией шумной, неспешно и срочно,
встречаться попарно...а поодионочно,
без повода, запросто, кнопку звонка
давить, и быть принятым наверняка!
Как тошно, в беде безразличными между,
проветривать черную нашу одежду.
Ведь были свирепо к общению жадны,
теперь переборчивы и беспощадны.
Стать выше на йоту кому-то неймётся,
костёр догорел. Откровенных эмоций
не видно... Тяжелые падают даты,
и в каждом углу циферблат... Циферблаты,
езде! На напольных, настенных, оконных,
ручных, механических и электронных...
Звонят и уродуют вальсы Шопена,
Закончен урок, перекур, перемена...
Мир съёжился, спёкся до крохотной точки...
Все поодионоке! Все поодионочке...
Куда подевалась приязни эпоха
Не видно... Лишь заросли чертополоха...

6 августа 2008

В ритме танца

Мы из тех, кто танцует не сам по себе,
отработав движенья до глянца,
атавизм - объятия в танце,
отстояв в непомерном труде и борьбе.
Всем, на птичьем наречьи щебечущим,
не усвоить уже, не понять,
как недуги в объятьях залечатся,
там, где *Вечность* у края заплещется,
в сладкий миг - для тебя и меня...

Мы танцуем, как прежде, колени сомкнув...
как на пыльном пероне вокзала,
лишь бы тело объятьям внимало,
в море ласковых глаз целый мир окунув.
Мы ж не те, кто своею персоною
век свихнувшийся осеменя
отвалил... Гонят ритмы басовыми,
вслед за мамонтами, и за бизонами
в даль иную тебя и меня...

Мы танцум, а век нас не видит в упор,
все попарно, повзводно, поротно,
и привидится жизнь наперёд нам,
вверх ногами, как будто глядим в «Фотокор»...
Не робей, словно пойман с поличным и,
покрывало подняв, посмотри!
Не поймёшь, где чужое, где личное,
отстегнёшь и в кредит, и наличными
и запросишь: мгновенье – замри!

Э. Гнесину

Мы похоже приплыли... Была глубока,
бесконечно бегущей (казалось) река,
а теперь наши легкие весла царапают мели.
Вроде б не на мели, что сумели-смогли,
обнаружили - нету краёв у земли,
и poznали всю тысячу лиц у одной из Америк...
Дует ветер сквозь тонкие стены лачуг,
я за их невесомость безбожно плачу,
но не плачу, а горько смеюсь: «Всё в порядке на грядке!»
Не былём поросло, а взошло-расцвело,
ничего, что о камень погнулось весло,
значит дальше, теченью назло, не меняя повадки...
Только б с ритма не сбиться... И часто дыша,
будет птицею биться о рёбра душа.
«Не лови стрингера, водяной, заскорузлюю лапой!»
Нас помилует Боже от раны сквозной...
Холоднее вода, чем той давней весной,
обопрись о весло, и корягою борт не царапай...
За кормой пузырится болотный метан,
ничего, что тельняшка в поту, капитан!
Тяпнем рому глоточек-другой, а не пресную воду...
Мы одни в этом мире! Ан нет, погляди!
Наши дети и внуки плывут впереди...
Дай им Боже семь футов под килем ладьи и погоду...

12-14 декабря 2008

На кого оставили Землю, небожители?

На кого оставили Землю, небожители?

Идеалы рушатся, страны и дома...

Улетают стаями ангелы-хранители,

горе от безумия, горе от ума.

От глухого капища до святой обители

злое безмолвие, чёрная чума.

Зверю не товарищи ангелы-хранители...

Горе от безумия, горе от ума.

На подмостках совести лицедеи-зрители

жгли надежды свечечку видно задарма...

И парят над пропастью ангелы-хранители.

Горе от безумия, горе от ума.

Наврал погодный бюлетень:
Сентябрь в августе случился...
Ряды сомкнули дни и числа,
счастливый миг за суетой
исчез, прозрачен словно тень...
Он был безжалостно промотан,-
И век уплыл, казалось вот он!
Но... за невидимой чертой...

Ещё вчера царил июль,
сжигая трав хитросплетенье.
Сегодня грех листопадения,
где меж ветвями пустота
в саду увидена, в лесу ль,
она - потерям оправданье,
Сентябрь, и дождик барабаня,
целует лысину зонта.

Природа учит дураков,
даёт бесплатные уроки:
покуда к ближнему жестоки, -
слезу обиды не утрём...
Качнулся маятник легко,
и стала тыквою карета,
и позабыв про Бабье лето
запахла осень январём...

29 августа 2007

Ни беспорядка и ни пыли ,
лишь немость взлётной полосы,
покуда *не*были и были
её бетон не окропили,
идут часы...
Их мерный бой, звонок в передней,
угрюмый «ящика» галдёж...
Ты, капитан пятнадцатилетний,
не компас выбравший, а бредни, -
куда плывёшь?
Твой остров – больше континента,
проводников центурион!
Но для растяпы и поэта
крючки, ловушки и тенета -
сплошной урон.
Ни Индий и не Патагоний,
поспешность, словно в ловле блох,
а с ней дыхание погони,
всепроникающий Плутоний...
Спаси нас Бог!
Он видно в ком души не чаёт,
тому поблажки не даёт.
Он постращает, постращает,
тисками сдавит и клещами, -
но не убьёт.
Распустим паруса и флаги,
разгладив складочки у рта...
Вот утро, белый лист бумаги,
перо и чуточку отваги ...И пустота...

Не препарирую Любовь,
боюсь иное может стать...
Трагедия недосчитаться
любимой черточки любой!
Словам и Музыке – отбой!
Растает дивное сиянье,
померкнет Чудо-состоянье...
Не препарирую Любовь.

Грешно раскачивать ладью,
пльвя по жизненным просторам
и замирать в глазах с укором,
обиду пестуя свою...
Замру у кромки на краю,
не отпущу руки любимой!
Там ток течёт неуловимый...
Грешно раскачивать ладью.

Когда касаешься лица,
нахлынут нежности приливы.
Так много легче быть счастливым
всю жизнь до самого конца.
В раю улыбчивый швейцар
своих ворот не запирает.
Он вниз глядит и замирает,
когда касаешься лица...

Не препарирую Любовь...

Не успеешь открыть глаза, на высоких и на басах
слышишь: "надо"... Слово-азарт, слово- воля!
Не под дудку его плясать, просто взвешивать на весах...
День твой будущий полоса или поле?
Без оружия легка рука, и молочная есть река
Зачерпни, испей молока и не сетуй!
У кисельных у берегов славно нежиться без врагов,
жил Веспуччи Америго мыслью этой!
Только видишь: от сель до сель, точат зубы на тот кисель,
чтобы жить не тужить в веселье и неге...
Слово "надо" сменило суть и под хвост улетело псу,
и спасуют и не спасут на том берегу...

Вечен выбор: одно из двух: Голиаф ты или пастух?
Песни стрел не ласкают слух, как молитвы?
Это просто: на полпути, видя дьявола во плоти,
тихо в тень уйти открестившись и от битвы.
Стать рабом и трясти сумой? Пораскинть, голова, умом!
Страшных мыслей во мне самом вереница...
Сыт и пьян, и сижу в тепле, жаль что будущее во мгле
и водою на киселе не напиться.
Равнодушья апофеоз... Погляди: ни канат, ни трос...
Как на нитке висит вопрос - меч Дамоклов:
Ты не знаешь с чего начать? Вот он камень, а вот праща,
чтоб осколками не мельчать небу в стеклах.

Неволи пуще нет охоты...

Неволи пуще нет охоты...

К себе бесжалостно жесток,
сквозь дебри сладостной дремоты,
семь светофоров до работы,
через мосток и на Восток.

Там лес – подобие сюрприза ,
цветное влажное тряпьё,
давно готовый для стриптиза.

Там осень примеряет ризу,
одежду рваную её.

Печально полнится тетрадка,
пока огарок не погас,
пока ни валко и ни шатко
бредёт рабочая лошадка
с немодным именем Пегас.

Поднимет ветер листьев стаю,
одну из самых грустных стай...

В поре сединой обитая,
я тоже тихо облетаю,
но ты, мой друг, не облетай!

Пускай витает запах стужи,
вползая в щель из-под двери.

И впору плакать обнаружив,
что облетаем ни снаружи,
а почему-то изнутри.

И там, на этом поле брани,
уже лютуют холода.

Любви сияющие грани
видны сегодня, как в тумане,
а завтра сгинут навсегда...

Надежда, Вера и форпосты
Добра... Забытая латынь!

Мы отрекаемся так просто
от почитания погоста

и от языческих святынь.
Не нам сомнения Пилата:
чужой распятый или свой!
Москвы больничная палата,
там, где пристанище Булата
занесено сухой листвой...

Никто не виноват

Никто не виноват: ни год, ни лето,
ни Вдаль Глядящий с Книгою Судеб...
Орлом о землю стукнулась монета,
и снова маслом вниз стремится хлеб...
Слепое гиппократово оружие
в бессилье от невидимых врагов
молчит... Лишь стены отвечают дрожью
на гнев Богов.

Что наши жизни пред угрюмой силой
природы из ловушек и сетей?
Она растила, мяла и косила
веками человеческих детей.
С вешин беззлобно сбрасывала горных,
и в море собирала свой оброк
из разных: непокорных и покорных...
Но всё не впрок.

Дрожала от вселенского пожара
земля, а ей то холод, то потоп,
и ось её и гнулась и дрожала,
и нас держала, мы держались чтоб.
Что изменилось? Качество возмездья?
Глобальность кары? Знаний торжество?
Иначе разве лопались созвездья?
И что с того?

Уймись философ, не буди, не сетуй,
мгновеньем счастья пользуйся – твоё!
С единственной звездой, только с этой,
ты связан, с атмосферой её.
Здесь гарь и пыль, потери и победы,
здесь гений вырывается из тьмы,
любовь, молитвы, с вечностью беседы...
И Мы...

Новый год... Предвкушенье восторга,
лёгкий снег, торжество пирогов.
По квартирам большая уборка
с косметической чисткой мозгов.
Обсуждаются кандидатуры,
приглашаются, как в забытьё...
В каждом списке свои Азнавуры,
и свои, извините, Матье.
Возбодримся и вычистим перья,
всё, что есть серверуя к столу:
от искусства и до суеверья
встретишь на Новогоднем балу.
Всех дороже – любимые рожи,
среди коих нет-нет, да смутит
чья-то маска приросшая к коже,
отбивающая аппетит.
Средь огней и магических знаков,
знаменующих завтрашний день
Настрадамус мелькнёт и Булгаков,
и Монро обнаженная тень.
Здесь у каждого свой полководец...
Знамя, в новых мундирах ряды...
Здесь безумец, плюющий в колодец
для добычи священной воды,
Калиостро пустая карета,
и возок через Мойку домой,
где курчавится профиль поэта,
не убитого этой зимой.
Всадник Медный, программа «Намедни»,
Сам-Усам – порожденье греха...
Новогодние милые бредни
с неразгаданной тайной стиха...

Декабрь 2001

Ну вот и забрались на горочку, а толку?
Дыхалка барахлит и не поднять суму,
когда души стриптиз ни вслух, ни втихомолку,
нам совесть не велит устраивать... К чему?!
А где же, тёплый взгляд который не обманит?
Пять пальцев не загнуешь... Ей Богу, через чур!,
От боли, от утрат, от недопониманий
несут святую ложь врачу и палачу...
Я чушь свою несу, тащу, плачу и плачу,
кому-то поперёк, кому-то по душе...
И в этом соль и суть, тень маленькой удачи,
и яблочный пирог, и запах бланманже...
«Слоёный язычок» и бублики из детства,
и красный петушок – мой сахарный кумир
на палочке... сучок – и никуда не деться,
подпрыгнешь на вершок – увидишь целый мир...
Как верилось ему! Кто думал, что обманет?
Я найденный пятак – хранил, как золотой..
Но им не заплатить за смерть и расставанья,
за жизни кавардак с нелепой прямокой
не принятый вчера, не принятый когда-то,
на ощупь, наобум, но понятый теперь,
когда скользят лучи вечернего заката
и холодом разит распахнутая дверь...

Ах, какая дорога была!

Нынче рано сирень отцвела.
Только я не о том... Захотите - поймёте...
У дороги сухая ветла,
как растрёпанный веник в грачином помёте
у дороги сухая ветла.

Не отвадить непруху нитьём!
Ты гони её в дверь, она в окна без спросу,
то ли катаньем, то ли мытьём,
но отыщется способ, чтоб палку в колёса...
То ли катаньем, то ли мытьём.

Ах, какая дорога была!
И колдобины прочь с колеи разбегались.
Отчего ни двора ни кола,
ни коня, ни седла, ни знамён, ни регалий?
Отчего ни двора ни кола?

И куда ж я бездумно спешил?
Весь в делах, и в цветах и в любви и в почёте...
Как же вышло, о Боже, скажи:
что парить не дано мне в свободном полёте?
Как же вышло, о Боже, скажи...

Намекни, дай ответ и совет:
Не ленивый поймёт, а поймёт - не осудит:
"Идеального выхода нет.
То что должно - твори, и что будет - то будет...
Идеального выхода нет!"

Оранжевые кони

В который раз мне снится:
"Колчан в углу пылится,
мой лук, ещё вчера тугой,
не принесёт вреда,
зари квадратный метр
на клавишах паркета
не обернётся радугой,
не позовёт туда,
где оранжевые кони,
золотые удила,
за неведомым погони!
Ой, вы кони, два крыла!
Распустив на тряпки флаги,
пьют чай друзья-бродяги..."
То ли это просто осень?
То ли молодость ушла?

В чаду квартиры тесной
ломает крылья песня,
мелеет быстро разговор,
как в жаркий день ручей.
Закрылись перевалы,
а нам и горя мало!
Хромает осень через двор
на костылях дождей...
Где оранжевые кони,
золотые удила?
Ветка ивы в речке тонет,
невесёлые дела...
Распустив на тряпки флаги,
пьют чай друзья-бродяги...
То ли это просто осень?
То ли молодость ушла?

Но землю первый самый
пробьёт росток упрямый,
взорвёт весёлая трава
асфальт на мостовой.
С едва заметной грустью,
мы руки жмём до хруста,
звенит тугая тетива,
заждались нас с тобой
те оранжевые кони,
золотые удила,
за неведомым погони!
Ой, вы кони, два крыла!
Распустив на мачтах флаги,
где теперь друзья-бродяги?
А что молодость уходит...
То костёрная зола!

1971 г

Осень 2000

Мгновение в прошлое песенкой канет,
как мы... Не об этом ли речь?
Давайте хоть облик оставим на память,
коль чувства нельзя уберечь!
Улыбочка для группового портрета
готова, да толку с того?
Что толку? Напрасно вы ждёте ответа...
У тысячелетья последнее лето,
последняя осень его.

И не к эпилогу, а просто в дорогу,
немного порывшись в судьбе,
в отборе нестрогом возьми понемногу
в котомку потомкам, себе:
из детства ириску и память о близких,
и тайны крамольных бесед,
где знаки эпохи: и ватник, и миска,
потери не в списках, не на обелисках...
Награды вчерашних побед.

Закат, он по сути начало восхода...
Но третий петух прокричит, -
короткий остаток и лета и года
исчезнет в декабрьской ночи.
Там губы любимой раскрашены вишней,
счастливых минут воровство...
Где каждый мне дорог, где каждый не лишний,
где света конец отодвинул Всевышний
не всем... Это право его.

Мгновение в прошлое песенкой канет,
как мы... Не об этом же речь...

Осень 2008

Завидуя птицам, на юг паутина летела
привычным приветом прихода больших холодов...
И клёнов аллея алела, и лето никак не хотело
уйти... И в предчувствии ветра закат был багров.

Декабрь впереди, а я с летом забыл попрощаться...
Был день до отказа опять пустяками забит.
За тем что ушло - не угнаться. Под сенью земных декораций
сквозь щели тепло утекает, ночами знобит.

Покуда ты молод - и время твоё молодое
неспешно течёт сквозь событий цветное кино...
Лишь позавчера золотое, вчера - серебром налитое,
сегодня седое... Пусть дольше продлится оно!

Чтоб радостный день был похож на ушедшую юность,
и редкие встречи венчались пожатием рук!
Нам что-то ещё достанется, коль перехитрить удаётся
тяжелое время прощаний и вечных разлук...

Завидуя птицам на юг паутина летела...

От Иерусалима в снегу и дожде
в объятья бесснежного штата,
сбросив обворожительное навожде-
нье, покину серебряный шатл.
Отсидевший в дороге обе ноги,
пошатываясь, под упругое небо
выползу... не прежним, но не другим
вынося что-то новое, ибо
недаримо оно, неделимо, но там
на таможене его не заметят.
С кривой ухмылкой агностик хам
тычет пальцем, но чист и светел
низкий и сумрачный свод небес...
Он за мною примчался вдогонку.
Это разумно, иначе я без
осиротею, и малым ребёнком
расплачусь на поле бетонном, где
чертополох, и хамсины реют,
как над пустыней, а новый день
ночь отодвинув уже сереет,
обозначая приход не дня,
а года... с личиком юной сабры,
одетой, как прошедший в тельня-
жку всю из контрастных полосок зебры.
Черное, белое... Так повелось
там, где небо гораздо ближе,
мы помолились за вас... Авось
черные полосы будут реже...
Там, у Стены, посреди зимы,
горсть записок достав, паломник
в щели заталкивал, как и мы...
Чтобы услышал, увидел, вспомнил...

2006

Мартовское

Маше

От пугающих мир новостей
отмахнусь, как от мухи газетой.
Не грусти, не печалься, не сетуй
среди ненужных недужных страстей.

Вот горбушка и соли чуток,
нынче смутно, а завтра не чётко,
но стоит у порога пролётка,
и алеет зарёю Восток.

Тёплым пледом укройся и в путь.
Припади, обними, успокойся,
из ручья ключевою умойся,
а потом как-нибудь, как-нибудь...

Хорошо б, как в начале пути,
словно яростен, молод и гибок,
от цепочки грядущих ошибок,
на рывке грациозно уйти!

И куда-то лететь налегке,
и обратно с одними долгами,
через луг с золотыми стогами
и любимой рукою в руке.

Ах, как славно желать и любить!
Бесконечно во всём доверяться,
не теряться и не расставаться,
и в обиде с плеча не рубить.

Нам с тобой пережить по уму,
пораженья и планов крушенья.
Мы друг другу даны во спасенье

и за это спасибо Ему...

Удивляюсь, капризной Судьбе,
словно глупостям женщины шалой,
и шепчу: это ж только начало!
И завидую сладко себе.

8 марта 2004

Парижский этюд

Де Риволи, от Нотр-Дам невядалеке...
На ветхой скрипочке терзает вальс «Мефисто»,
княжна Волконская, потомок декабриста,
слегка накурена, с брильянтом на пупке.
Вольна, раскована, и чем не торжество
идей, под звёздами иного небосвода?
Пусть мостовые помнят: «равенство», «свобода»,
она свободна, и не помнит ничего.

Язык отставший на века, наверняка,
от петербуржского, но это ль ей забота?
Мосты над Сеною напоминают что-то
слегка забытое, размытое пока...
Мосты давно разведены... Течёт вода,
Отдельно Лиговка, Васильевский, Россия...
И если в мир однажды явится мессия,
куда угодно он прийде́т, но не туда.

Весенний вечер, обнимая и слепя,
бредёт по уличным кофейням напевая,
на расточительность приезжих уповая,
но не для них живёт Париж, а для себя.
Плыви и помни: брода нет в его реке!
Сен Женевьевские объятия раскрыты...
Но пела ночью с нами на полузабытом
княжна Волконская с брильянтом на пупке!

Первый сезон охоты *

*Нюренбергский процесс приговорил к смерти
всего 24-х военных преступников.*

*Памяти Абы Ковнера, руководителя отряда
«Ха Нокмим»,
(«Мстители»).*

«Нюренберг» прошел, Йом Кипур прошел,
пеплом пудрены облака...
Свет звезды сквозь них малярийно желт,
а возмездия нет никак!
Лишь отчаянья вой с пересохших губ:
"И всего-то мести за нас за всех!"
На свободе гестапо и айнзатцгрупп,
в эйфории земных утех.

Третий рейх, огнём и «Циклоном Бэ»,
род мой древний извёл дотла!
«Аз воздам виновным!» - даём обет!
Грех велик, а земля мала.
Отвернулся международный суд,
он и меч отнял, и подставил щит.
И отчаянно мести огонь несут,
добровольные палачи...

Если занят Бог, значит нам самим...
Злой охоты сезон настал,
«Смерть убийцам!»- приговорил «Нокмим»,
и молитвой скрепил уста.
Враг не будет мирно тянуть пивко
после бодрого рапорта «Юден фрай!»
«Ха Нокмим» - это выстрел, удар, укол,-
и погони собачий лай.

За «хрустальный ночи» хмельную весть,
за Освенцим , за Бабий яр,

чтоб из миллионов, которых шесть,
каждый свой наносил удар.
Тем, кто саван опять иудею шьёт:
час пробьёт - услышите трубный глас!
За погибших, охоты продолжим счёт
и Господь не осудит нас!

** Так был назван первый период деятельности отряда
«Нокмим*

Обрывки сна...

Преисполненные шизни , по расхристаной отчизне,
мимо дыма поезд жизни матерком и тенорком
мча под горку стонет горько, напевая с укоризной:
«Жили были дед и баба, ели кашу с молоком...»
Ах, как славно, ах, как плавно не спеша ползла улита,
День, как вечность , и беспечна предвечерняя постель,
не гляди что морда брита и корыто не разбито, -
козырями карта бита, двери сорваны с петель.

Чтож мы даром дышим паром, перегаром, пылом жаром?
Те, что с ночи - под угаром... Рельсы кончились вчера...
Машем кепками, платками парижанам и рижанам,
и составы и суставы, голосят, как тенора.
Машинист хорош собою, в каждой жмене по «Плейбою».
Как же он моей судьбою управляет, коли пьян?
Мимо рая мимо ада, но другого мне не надо,
а не то подсунут гада?! На фига козе баян?

Век калек, фантаσμαгорий, может скажет : «Стоп, Григорий!»
Но не вскоре. Нету горя – не придумывай его!
Если едем – есть везенье, мир спасти от опопсенья
в форме самовыраженья. Омерзенье от него.
А что круг у нас поуже, он, чудак, иных не хуже,
Жизни поезд неуклюже ковыляет мимо шпал...
В небе хрен, в руке синица... Это что ж такое снится?
То девица, то столица, то у доктора фингал...

Плач Антонины*

(к спектаклю памяти И. Бабея)

Коли выплаканы очи,
болью не ожесточить...
Капли пламень камень точит,-
долг век его точить!
Ночью, вымучив до точки,
прочь укатит «воронок»...
параноя в одиночке:
пара рук и пара ног.

Обломилась жизни милость...
Обними «врага», страна!
Погляди, беда вцепилась,
погоди одна стенать...
Сам был воин, жаль не в поле
саблей вволю вжик да вжик!
Сон от боли и до боли,
как над пропастью во лжи...

Мы не люди, мы капуста,
в мыле рубят нас зазря!
В доме пусто, в небе пусто.
Кто на троне за царя.
В утешеньях мало толку,
что ни шаг – то западня.
Униженья барахолки
медью-мелочью звенят.

Даже свет в окне не брезжит,
рожи проволокой за...
Осторожный двери скрежет,
да острожья голоса...
Что убиться, что смириться,

в горе рученьки не свесть...
Боже, где шальная птица?
Принеси благую весть...

**Антонина Пирожкова – жена И.Бабея*

12 июля 2004

Гене Ниришбергу

Под ноги дорогою пологой
выстилают дни нечёткий путь...
Ожидая новых встреч с тревогой:
«Не случилось бы чего-нибудь?»

Не сбежать от пустяков картечи,
спрятаться за сигаретный дым...
Что быть может трогательней встречи,
с теми, кто тебе необходим?

Вечно под обстрелом непрерывным
слов, что могут ранить и убить,
с другом, по-мальчишески наивным,
сесть бы, не спеша поговорить.

Бороздить моря под флагом Флинта,
в кабаках просаживать гроши,
или заблудиться в лабиринтах
жизнью исковерканной души.

Своему народу стать любезным,
что, увы, не каждому дано...
Колесом проехался железным
век ушедший с новым заодно.

Оттого дорога и полога,
слава Богу, что покуда есть...
Жаль тепла осталось так немного
тем, кого по пальцам перечесть...

13 апреля 2002

День грядущий

Пока все листья не опали
и все цветы не отцвели,
и январь не отковали
дорогу белую вдали,
и ни трубы из райских кущей,
и ни монеты за щекой, -
авось случится день грядущий,
несущий счастье и покой.

Пока реальности сомненья
не стали чувству поперёк,
покуда страсти уголение
не превратилось в оброк,
и любопытство дальше – пуше
стоит за каждую строкой, -
авось, случится день грядущий,
несущий счастье и покой!

И голубеющие выси
сулят иные времена!
Пока возможны компромиссы,
покуда комната тесна,
и строчки вяжет Всемогуший
твоей послушною рукой, -
авось, случится день грядущий,
несущий счастье и покой!

Полотно

Игорю К.

Когда б опять пришла пора
изысканных манер,
когда б свалилась с плеч гора,
мы б вышли на пленэр.
За кадром бы светлейший Гердт
из шуток строил мост...
Мы б взяли кисти, и мольберт,
и свежий белый холст.
Пришла свобода, наконец,
любители искусств!
Ты б рисовал Петродворец,
а я – Бурсацкий спуск.
И у тебя б текла Нева,
закована в гранит,
а у меня б росла трава
среди могильных плит.
Мы исходили поле лет
и поперёк и вдоль...
Кому-то нужен арбалет,
кому - блестящий «кольт».
Костров спасительных зола
разрезана межой...
Вот так романтика ушла
в песок земли чужой.
А может всё наоборот:
вино прильнёт к устам,
и кто-то раму подберёт
к исписанным холстам...
И ловкий клоун в Шапито
день вымет из сумы...
И солнца луч допишет то,
что не успеем мы...

1945. Премьера

Послевоенный город и, щерятся зверьём,
остатки стен в дымящихся руинах.
Мальчишки подрываются на минах...
Дверной проём завешенный тряпьём...
Живём в сыром подвале, где мыши не живут,
в солдатском котелке ледок на донце
и, шурясь на полуденное солнце,
макуху мои сверстники жуют.

В далёком сорок пятом, где в доме по вдове,
мы к ночи разлетаясь по баракам,
с утра опять карабкались по тракам,
стоящего на площади «КВ»
К столовке офицерской стекались пацаны
с орудием труда сапожной щёткой...
и я там был, голодную икоткой
измученный, как впрочем пол страны.

Превозмогая робость и сам себя кляня,
как чаплинский Малыш с киноэкранов,
не вынимая руки из карманов,
я пел совсем негромко: «Жди меня» ...
И лейтенантик в черной перчатке на руке
и сизой пылью на щеках небритых,
с коляски на подшипниках разбитых,
мне протянул сухарик в табаке...

В том зеркале событий, разбитом на куски,
мой горький век глаза мне не осушит,
войною искалеченные души
сегодня мне по-прежнему близки.
Забытый вкус Победы... Одно наверняка:
среди голода, безверья и разрухи,
был слаще пирока кусок макухи
и тот сухарик в крошках табака...

Когда же невесомо над миром закружу,
как вырванная бурей страница,
пускай щека от песни увлажнится...
Я издали спасибо Вам скажу...

10 февраля 2010

Неточке

Пройдёт ещё годок другой
и буду понятым едва ль
тобой... А времени рекой
мои размоются слова.
И потеряют вес и вкус,
и цвет, и смысла остроту.
Ты слов иных картавый груз
покажишь бусинкой во рту...
Что нам останется, когда
иссякнет редкий диалог?
Придут пустыми невода...
Но разве крови голос плох?
Он, как весенняя трава,
ломает мрамор и гранит.
Он, даже слышимый едва,
и сбережет, и сохранит
ворчанье струн и топот ног,
разворошивших сонный век.
Трудны ступени, видит Бог,
щербатых лестниц... Руки рек
толкали лодки и плоты
на лета маленький исход,
а безысходности черты
ещё невидимы, и вот...
Всё отодвинули: Париж,
Чикаго, Иерусалим,
Европы черепица крыш,
отечества несладкий дым
забит иными. Вязок быт...
Но отчего который год
знобит ночами? Стук копыт
забвенья взламывает лёд.
Тебе, мой маленький дружок,
ни дня не вспомнить ни числа,
как в сердце дырочку прожёт

огонь, и капала смола,
текла слезою по стволам
и по щекам турбины Ту...
Такая жизнь у нас была,
дружочек с бусинкой во рту...

22 июня 2007

Рождество

Ниоткуда звучит фортепьяно,
за окном поседела страна...
Вот и чудо: небесная манна.
Завтра за день исчезнет она.

Наверстают иные понятия,
дни устанут нести колдовство.
Если станут пустыми объятья,
очевидно, мы стоим того.

Сядем ближе, колени сдвигая,
древний зов застучит у виска.
Обними же меня, дорогая,
и, пожалуйста, не отпускай!

Мы втроём с новогоднею елью,
лишь поют половицы в доме...
Занавешены окна метелью,
нету дела до нас никому.

Нету дела до нас – и не надо!
Ёлка лапой стучит по стене.
Ты услада моя, ты награда,
никакого надсада во мне.

Слита на пол завеса из шёлка,
сонно вечность коснулась щеки...
Сбита набок капризная чёлка
и бездонно глаза глубоки.

6 января 2005

Осенний океан прохладно встретил
день не гостеприимною волной...
По тучам грохоча в своей карете
Святой Илья проехал стороной...
Здесь караблекрушенья отголоски
осипшим эхом мечутся меж скал.
И выплюнет прибой обломки, доски,
отвергнутый волнами капитал...

О, сколько бурь пережито на суше!
Смертелен их коварный арсенал...
Но почему "Спасите наши души!!!"
В эфир не отправляется сигнал?
Так видимо от жизненных оаций,
уставшего, пугает тишина...
В друзьях опасней разочароваться,
чем попросить какого-то рожна.

Вот и плывём, стараясь, как умеем,
под свист и улюлюканье ветров,
в единоборстве справиться с Бореем
не сгинув и не выронив весло...
Спасенье есть, а выдумал не я ведь,
вглядевшись в облупившийся лубок...
Ах, гордости немного б поубавить.
Вот только нет охоты, видит Бог!

Старый Новый Год

Фраза неперевоодима: " Здравствуй, " Старый Новый Год"!
От Камчатки и до Крыма, а скорей наоборот,
он не прячет (много ль толку), удивляя Новый Свет,
под желтеющую ёлку ни подарков, ни конфет!

И за что его мы любим - ведь не я такой один?
Без особенных прелюдий соберёмся , посидим,
убедимся в том, что старый год ушёл наверняка,
Новый гонит дней отары словно ветер облака.

Пусть январь постели стелет! Белит снегом окоём...
А покуда две недели мы у года украдём.
Дружно пестуя беспечность миг за мигом будем жить.
Две недели - в жизни вечность, если некуда спешить...

Это завтра Нострадамус бросит острое копье,
завтра вспомним чью-то маму с идиомами её,
все заботы, все затраты, что известны наперёд...
А пока у нас, ребята, праздник "Старый Новый Год!"

Не отдаляйся от меня

Внучке Неточке

Тебя судить не будут строго,
ты на иной росла земле
и наша общая дорога
уже теряется во мгле.
Да был ли век, или приснился
на склоне жизни или дня?
Но, как бы вечер не сложился,
не отдаляйся от меня...

То, чем гордимся мы и ценим,-
на разных чашечках весов.
Иным ты выросла растением
под злым созвездьем «Гончих псов».
Моя зима – увы, не осень,
живу мгновения ценя,
но как бы ни ни был год несносен,
не отдаляйся от меня...

Мне Галич пел и Окуджава –
тебе – иные голоса...
Всё быстротечно, ну а слава,
она всего на полчаса.
Пускай мои забудут песни,
иными греясь у огня...
Но в жизни, где и так не тесно,
не отдаляйся от меня...

Торопиться не будем... Послушай,
в подбородок упрись кулаком...
Лодка жизни почти что на суше,
есть подумать о чём и о ком.
Жили не сотворивши кумира,
отчего же по стёртым следам
наши тени длиною в полмира
семянят по чужим городам?

Ариадновы путая нити,
собирая каменья в пути,
на губах пепел давних событий,
не стереть , не забыть, не уйти.
Ежедневно над бездной по кромке,
заслоняя собою детей...
И хрустят под ногами обломки
то ли гнёзд, то ли жарких страстей.

Можно слабыми быть, но не долго,
даже в благословенной стране...
Так всегда: сожаленья без толку,
лучше вверх и на белом коне.
За спиною ломаются перья
С нами Бог! Кривописцев не тронь...
И распахнуты двери доверья,
и в ночи не погашен огонь...

Гостевая московская цыганочка

*(с благодарностью Аполлону Григорьеву за мелодию и
Александру Галичу за настроение)*

Утро красит нежным цветом
рожу мятую бомжа...
«Я пришёл к тебе с приветом»
прямо из-за рубежа.

Мёрзнет Пушкин на Твербуле,
киллер трогает курок,
жрицы секса в карауле:
сотня баксов за урок.

Дым Отечества мне сладок,
хоть я пасынок его.
Организм мой не падок
на свободы торжество.

Ведь у правнука Синая
подозрительность не спит...
Я другой страны не знаю,
где так вольно дышит СПИД.

*Басан-басан бассана
басаната-васаната.
Ох, наколотых с утра
многогато, многогато!*

Может впрямь никто не лишний,
по заслугам награждён?
Олигарх - червяк на вишне,
не посаженный вождём.

Буревестник гордо реет,
благо есть чего клевать.

Ну а кто кого имеет,
Камасутре наплевать.

Венерически опальны
то ли мощи, то ли мощь.
Гроб качается хрустальный,
поцелуя жаждет вождь.
Что же это в самом деле
показали там с бугра?
У творенья Церетели,
пальцы веером с утра.

*Басан-басан бассана
Басаната-васаната.
Что-то власти до хрена
и рука её мохната!*

Нам видать отсюда чисто
и конкретно: поутру
мягким шагом дзюдоиста
Коба ходит по ковру.

Бьют «кранты» или куранты?
Только в буковке судьба...
Двухголовые мутанты
ухмыляются с герба.

Смотрит дворник бестолково
не очнувшись ото сна.
С главной песней Михалкова
просыпается страна.

*Басан-басан бассана
Где она, Ума Палата?
Вся с похмелья страна
косовата, косовата!*

А есть ли варианты?

Для чего в бейсбольную ехали страну?
Для чего крамольную дёргали струну?
Оставляли дворики в час точенья ляс, -
Чтоб друзья -историки утешали нас:

Снова будут все равны,
на троих одни штаны
и начальника портреты
вот такой величины!
Залоснится от наград
пустозвон и бюрократ,
чтоб на выборах меняли
этот зад на тот же зад.

Верилось в прострации: лучшей нет страны!
Были Декларацией прав восхищены.
Прут ослы оравою бравы и легки!
Там где были правые - правят леваки.
Чтобы с флагами парад,
и гвардейцев прод. отряд,
и морковка, и верёвка, -
та, которой будешь рад.
К ней и домик из песка,
и долги до потолка,
чтоб на выборах меняли
дурака на дурака.

Партией не поротым был у вас народ...
Вот уже над городом муэдзин орёт.
За такое ломаный я пятак не дам...
Пахнет дурью долбаный Новый Амстердам.

Ох, отравит до конца
ложь от первого лица,
чтоб сбылась мечта-идея

алкоголика-отца.

Чтоб делить и отбирать,
так, как мать учила б.....,
чтоб не делом - беспределом
идиотов вдохновлять!

2012

Оглянусь...

Куда ни кинь, опять виной повсюду наши.
Мы как подобие одной всемирной каши,
что тонким слоем Бог размазал по планете...
Каким «героям» по нутру усилья эти?

Кто был побит – в себя приходит понемногу.
Налажен быт, и всё, казалось, слава Богу!
Мы есть везде, в любом гнезде... Такие гены!
На среднерусской борозде, и в устье Сены...

Не ищем истину в вине, а ждём мессию.
То слёзы льём по ней, а то клянём Россию.
Так и живём: в речах не спрятаться не скрыться,
и за печатью боль-печаль... Родные лица.

Мы дети вечных унижений и изгнаний,
на каждом горьком рубеже - источник знаний.
Близки нам музыка, и стих, и тайны Горы,
и кто чего и как достиг средь волчьей своры...

Слезами залита Стена - ликует кто-то.
И брезжит, видимо, финал (по анекдоту).
Тысячелетья за спиной, в колонну строясь...
А на дороге вековой следы по пояс.

2005

Они

Один упивается бредом своим
за которым грядёт пустота.
Другой утверждает: «На том стоим!» -
свесив ноги с моста...
А тот потерялся в случайных словах ,
свой вялый пестуя стих,
и в их окруженье ни снох, ни свах,
«чинарик» дымит в горсти.
И связь им - не связь, и грязь им -не грязь,
декор – на веревке бельё...
«Которые временные?» Кончил - слазь!
Всё пропили - ё-моё!
Потеряно не коленье, а стержень,
погнут, от крови ржав...
Ряды отморожков , тусовки стерв,
себя утверждают визжа...
Не нужен никто, нигде, никому,
лишь кайф, да и тот с лентой...
Свисает окурком с губы «гламур»,
заезженное словцо....
Примат освоивший автомат –
и ритм, и рауд-трип,
и не обжигает им щёки мат,
всё выжжено изнутри...
А чем живётся, о том и поёшь,
их Муза глуха и слепа.
Они не герои, о нет! и всё ж
за ними идёт толпа...
Пусть, я осудивший, буду судим!
Польнь и ругни помёт
во след, но останется хоть один,
который меня поймёт...

2010

Точка зрения обывателя или разговор у окошка кассы перед зарплатой

Точат лясы возле кассы отвязавшиеся массы,
так и кроют, хоть кого!
Прежде – цыкнешь и ликуют, а сегодня маракуют,
критикуют Самого!
Не спрося : « А кто ты? Что ты?» Сходу точут анекдоты,
всё о трудностях страны...
Их вчера и не касались, друга дружку опасались,
а сегодня – хоть бы хны!
То о школе, то о воле, то о главной нашей боли:
«Пьём, не пьём – а денег нет!»
Но, однако, в целом мире
Гане, Чаде и Алжире
вырос наш авторитет.
В Ванкувере и в Карачи наши телепередачи,
а глушитель поумолк.
С утречка мы за газету, нет минуты для клозету,
а работа ведь не волк!
И куда спешить, ей Богу? Потихоньку, понемногу.
Торопиться нафига?
Хрюкнем-стукнем, малость вмажем,
напрягнёмся, подналяжем,
как посыплются блага!
Как мы цели достигаем? Руководство поругаем.
Шефа переизберём!
И ретивы и строптивы трудовые коллективы,
и размажем и сотрём.
Церемониться не будем, наркоманию осудим,
озадачим голоса...
И ещё: ребята рвутся
с проституцией схлестнуться,
только дайте адреса!
Мы научим их морали,
лишь бы СПИДом не хворали
и «спидометры» блюли...

Каждый труд у нас в почёте,
коль набьёте на работе
трудовые мозоли.
Если правильно трудиться,
можно съездить за границу,
на сбер. книжке накопить
и в Париж, познать их нравы.
Ведь один глоток отравы
нас не сможет погубить!
Венсеремос! Вот им кукиш...
Здесь чего на деньги купишь,
даже если инвалид?
Так базарили у кассы распустившиеся массы.
У кого о чём болит... Тот о том и говорит.

1985-86

Трудно быть мудрецами в Стране дураков,
просто жить, дурака не валяя...
Мы искали ключи от волшебных замков,
об отмычках и не помышляя.
Так и жили до боли со схожей судьбой,
правда, в этом ничуть не повинны.
Мы не просто из прошлого века с тобой,
мы из грустной его половины...
Где скрипел патефон туповатой иглой:
«Пой, ласточка, пой...»

От течения ляс и гнилого вина,
унижений и самообманов,
нас неведомой силой раскинуло на
континенты, между двух океанов.
Благо, недалеко до хороших людей,
боль прошла... зарастает прореха,
да от песен знакомых круги по воде,
и от прошлого звонкое эхо.
Эмигрантской гитары знакомый настрой:
«Пой, ласточка, пой!»

С этой песней нехитрый висит инструмент
на стене, до особого часа...
В этой новой стране он достойно вполне
отражает потребности класса.
День, как жизнь, до предела делами забит,
но когда собирается вече,
то ль от ветра, то ль от ожиданья знобит
всё пустое уходит далече...
Нам уже, дорогой, семь десятков с тобой...
«Пой, ласточка, пой!»

Право выбора здесь

Это яблочный Спас разукрасил застолье подарками,
ловит Север компас и под утро влажнее от рос.
Прогремит тарантас, у обочины, листьями шаркая,
лета скудный запас, безмятежно толкнув под откос...

Снова в клетке сидим, за фанерными тонкими стенами,
в ожидании зим, нам до тла прожигать вечера.
Глас экрана грозит то недужным, то страшным из темени...
Тихо, не голоси, успокоиться дай до утра.

Только трубы трубят ни о детстве твоём, ни о юности...
Не покажут тебя молодым на отвесной скале.
Ротозеев слепя, там улыбка привычной шаблонности...
Стынет туча клубясь, две дождейки блестят на стекле.

Мы явились не вдруг в новый дом со своими талантами,
на серебряный круг записав память прожитых лет...
В мире вечных разлук, нам теперь помирать эмигрантами,
есть наука наук: «Проще жить если выбора нет!»

Право выбора здесь... вроде нет ни Москвы и ни Выборга.
Всё оставим, как есть! – и не время о том горевать,
жить не понятным – месь! – или просто расплата за выбор нам
«Хлеб насущный даждь днесь», - а на прочее всё наплевать...

Наплевать и забыть... Отмахнуться словами обычными.
Не сбежать от судьбы, но бывшее в душе сохрани!
Ночью, совесть забыв, «Метра» сон разорвёт
электричками...
И застонут столбы: потерпи, отдохни, не брани...

Условны праздники

Машеньке

Условны праздники вне тела,
Любовь – она не ремесло...
Авось, не всё перегорело,
что нас согрело и спасло.
Ночам, чужой любовью сытым
я за разлуку отплачу.
Мне страшно быть тобой забытым,
не представляю, не хочу.

Желаю быть не просто годным,
а частью раненой души,
вином, подарком новогодним,
щемящей музыкой в тиши.
Ласкать летающие пальцы
и пряди спутанных волос...
А ты целуй глаза скитальца
губами горькими от слёз.

Печально, если счастье мимо...
Там, в догорающей ночи,
где тени так неразделимы
от убывающей свечи,
где все сомнения былые
на бой готовы и разбой,
чтоб языки и ветры злые
не разлучили нас с тобой...

2002

Год “огненной собаки”

Утихли вопли петуха Ушёл живым из драки.
Шипит змея, мяучит кот, и точит бык рога,
но как башкою не верти, год “огненной собаки”
скулит у самых у дверей и жаждет пирога.

Уж лучше пёс а не дракон, бараны или хряки.
Пускай он тапочки несёт, виляючи хвостом,
чтоб заживали раны все на мне, как на собаке,
а если другом станет то, кому, всё дело в том!

Кусают люди хуже псов, рычат и злобно лают.
Они натасканных собак не держат на цепи...
Те не идут на добрый зов , хвостами не виляют,
а год собаки всем хорош, хоть орден нацепи...

Коню и крысе он не впрок, тем более макаке.
Коль ты добро приносишь в мир, глядишь и повезёт...
Неси, хозяйка, нам пирог а кости для собаки,
и получай её любовь как минимум на год.

6 января 2005

Утро

«Всё относительно...»-
Подозреваю, что сказал Альберт Эйнштейн...

Проклятьем словно заклеимён, я встал уже
но просыпаюсь постепенно...

Глаза тяжелые, как яйца Фаберже,
но, Афродитою из пены,
одна щека наверняка уже гладка,
что очень важно для мужчины.

Зато и шрамы и морщины
теперь видней издалека.

Коль загрузу, то отыщу , понятно всем
простую истину в вине я...

Легка походка, правда брюхо «семь на семь»,
а позвоночник каменеет.

Но *стоит* вспомнить ненадолго и слегка,
О той чьи, прелести вне прений,-
и миг для смены ударений,
подсунет слово мне строка!

А это значит организма дисбаланс
не так велик, в большом иль в малом.

И вот уже зубами вскрытое шампанс-
кое дымится над бокалом.

И можно время надурить, шутить и жить,
сверкая новыми зубами,
и антрекоты съев в Майями,
в Чикаго их переварить.

Не хватит, кстати, ста сорок, ни ста ворон
чтоб разнести известья эти:

учите дамы, мой растёт тестостерон,
поскольку я не на диете.

«Всё относительно!», -мой тёзка по концу
сказал, и это мне по нраву.

То что по силам – то по праву,
в прекрасном возрасте лицу.

Чтобы дни не летели, их надо прожить на свободе.
Не добытой в сраженьях, а той, что природой дана,
но, покинув постели, кружимся в забот хороводе:
дом, дорога, работа, работа, дорога, жена...

Пусть не часто, упасть на траву бы под куполом вечным,
среди ночи очнувшись, однажды на звёзды взглянуть...
Чтоб душе не пропасть дай ей в этом касанье беспечном,
распрямиться, разгладиться, выдохнуть и отдохнуть.

Мы и время забыть и счастливыми быть заслужили,
просто не понимая и смысла тех слов до конца...
Все спешат осудить век в котором несправедно жили,
утомляя тела, надрывая тоскою сердца.

Разучились над вымыслом плакать, сочувствовать боли...
Не со зла! Просто некогда было, всё времени нет...
Из неволи одной попадая в иные неволи,
осыпаясь до срока листвой убегающих лет.

Ах, как верилось рьяно, что перемениться не поздно!
Ах, как думалось странно, что лучшие дни впереди...
И округлости дат мы не воспринимаем серьёзно.
Впрочем, хочется верить, и верим, чтоб дальше идти...

Чтобы дни не летели, их надо прожить на свободе.
Не добытой в сраженьях, а той, что природой дана,
но, покинув постели, кружимся в забот хороводе:
дом, дорога, работа, работа, дорога, жена...

Картина

*«...Ненадо сохранять архивы,
Над рукописями трястись...»*

Борис
Пастернак

Я был фрагментом панорамы
страны, что некогда была...
Картина выпала из рамы
а рама дальше поплыла.

Там юность мало понимала,
а зрелость... что она могла?
Там нас Отчизна проморгала,
и тем потерям «нести числа»!

Иные дали и педали,
иные буквы на следах...
Как бы мы тесно не стояли,
прорехи светятся в рядах.

В руках забот бумажный ворох
к иным готовит нас боям...
Сухой в пороховницах порох,
но для стрельбы по воробьям.

И от исканий до метаний
предельно тоненькая нить...
Мы сами часть воспоминаний
бесценных, если сохранить.

Пусть горы старых фотографий,
комплиментарностью грешат.
Витиеватых эпитафий
они заменой возлежат!

Вот почему, покуда живы,
пополнив племя чудаков,
давайте сохранять архивы
из писем и черновиков!

Они мерцаючи осветят,
ушедший быт, капризный путь.
И в них, и в музыке, и детях
глядишь - продлимся какнибудь.

6 января 2004
Wheeling

Я – патрон! (монолог)

Под опавшей листвой склад мой пороховой,
он сухой – я свинцовой клянусь головой,
там жива ещё память о бойне...

Мать-Земля накрутила немного витков,
пронеслись незаметные двадцать годков,
как я выпал в чём был из обоймы.

Той обоймы основа – старинный лицей,
где у песни и слова единая цель
в череде длинных лет полосатых.
Ветер давней весны обжигал и трепал,
век летел скоростным, но запал не пропал
в той обойме из шестидесятых.

Зеленеет багровая некогда медь,
но начинка готова ещё прогреметь.
Присмотритесь прищуренным глазом...
Худа нет без добра: эта пуля остра,
коротка, потому что таланта сестра...
Я душой к ней и телом привязан...

Оттого-то с досадой твержу себе: «Брось!»
В прошлом – горстка героев, сегодня мы – взрость,
и за это судимы не строго....
Наше дело запахло дурным ремеслом,
и ни лодкой не стало оно ни веслом
на реке под названьем "Тревога."

Но скользить мне по трассе не гильзой пустой,
ибо взрывоопасен, а не холостой:
астероид, комета, звезда ли,
или пуля... Польнь припадает к земле,
моё место в строю, моё место в стволе
вороненой булатовой стали...
Беспокойной Булатовой стаи.

.....
Через призрачный сон и ржавеющий ствол
потемневший патрон, под опавшей листвой,
днём вчерашним и бредит и дышит...
Злобно ветер столетья двупало свистит,
дремлет совесть в плену твердолобной кости
и ни слова из песни не слышит...

Январь-февраль 2005

Элочке

Я страшусь повторов и банальностей,
ветхих фраз, затасканных до дыр.
Лучшее – избитое за давностью,
испарилось с резвостью воды.
Всё приземлено, а не возвышено,
треплют крылья ветры перемен.
Облака расчѣсаны над крышами,
гребнями железными антен.
Оттого, наверно, между близкими
без причины, из-за пустяка
всполохами, шорохами, искрами
силы зла валяют дурака.
Прячет острый взгляд густая бровь Его.
Наша мудрость, видимо, проста...
То-то за ужимками Коровьева
ни рогов не видно, ни хвоста.
Снова над исчерканной тетрадью я,
во спасенье духа и родни,
истово ищущу противоядие
заклиная: «Боже сохрани!»
На знамѣнах «слюбится да стерпится»
не предначертание ль его?
А Ему, видать, уже не верится
в светлого начала торжество.
Слово и добро вдали и около
отодвинь нам пасмурную ночь!
Что же из Безмолвия Высокого
слѣзы льѣт потоком майский дождь?

28 мая 2004

Боре Горелику

Голиафу - ты Давид в тёмном царстве,
дни и ночи на любви да коварстве,
доигрались до седин друг мой старый...
Ты со скрипкой посреди – я с гитарой.

Бес толкнёт под локоток, сдует ноты,
а Господь нальёт чуток мёду в соты.
И когда смычок едва струн коснётся,
станет ясной голова, мир очнётся!

То ли в малом, то ль в большом тронном зале,
в синагоге иль на шумном вокзале,
над дубовою доской иль над цинком,
свадьбе нужен голос твой и поминкам!

Когда худо и когда ночи кроме!
Когда плещется вода в чёрном трюме,
снова рухнет Колизей, дом остынет,
проведи нас, как Моисей по пустыне!

Ты играй, а я пойду за тобою.
Не подмога муза злу и разбою.
Глупость тащит в невода опопсенья,
ну а музыка всегда во спасенье!

Скрипка, - посох иль резец – не иначе!
Ты играй, авось слепец станет зрячим .
Где б не стал ты с ней не лёг до рассвета...
Всё не сыграно, и песня не спета...

Мои шестидесятые

«Каждый сам по себе, и я сам по себе...»

Булат Окуджава

Я из тех приснопамятных дней полосатых,
что (увы!) зарастают забвенья травой,
поколенья оттаявших шестидесятых,
безголосый уже, но покуда живой!
В нашем узком кругу не «стучали» в охотку.
Стих крамолен – но не изменив ни строки,
жили, не наступив своей песне на глотку,
выживая не вследствие, а вопреки!
Мне чтоб правду сказать трёх аккордов хватало,
может это кому-то и не по душе...
Как спешили мы: аэропорты, вокзалы,
даже не тормозя на крутом вираже.

И с плацкартных свисая натруженных полок
слушал разный народ наши песни в пути,
а что вырос печальных потерь мартиролог,
если песни остались – не страшно уйти!
Торопливо мы жили, но не бестолково,
за строкою и словом – свободы глоток...
Ну а если не найдено главное слово,
то его отыскать да поможет мне Бог!
И в сибирских скитах, и на Галапагоссах,
среди книг, затерявшихся на стеллаже...
Пусть хлопочет движок и дымятся колёса
даже не тормозя на крутом вираже!

Но растаяло сладкое слово свобода
на губах, стынет пеною на удилах...
А от песен протеста, до песен исхода
лёту день на икаровых слабых крылах.
Пусть у времени нынче иные приметы,
принимаю их, не уступая судьбе...

Только в песнях, мне кажется, нет эстафеты:
каждый сам по себе и я сам по себе...
От безумного ритма, как прежде хмелея,
не хватает струны на гитаре уже,
пролетаем на полном свои юбилеи,
даже не тормозя на крутом вираже.

февраль 2011

Философские куплеты

Судьбой не поровну дано:
Тому вино, тому "Рено",
Кто наверху, а кто внизу иль где-то сбоку...
Кто позади, кто впереди,
Я вот болтаюь посреди,
Зато болтаюсь не один - слава Богу!

Хвалить меня или бранить?
Никто не может оценить,
поскольку я не выставлялся на продажу.
Всегда казна моя пуста,
мне всё чего-то не хвта...
Мне с детства ложку мимо рта проносят даже.

Но я не каждый , не любой!
Давай гитару да любовь!
Я покажу, кто я такой,
как жить на свете!
Да жаль хожу всегда не в масть,
никак в струю мне не попасть...
Я не умею угадать от куда ветер.

А дует он, ну впрямь беда!
Ну то туда, а то сюда!
Творится эта ерунда
зимой и летом.
И потому одним вино,
и потому другим - дерьмо,
а мне одно, всегда одно,
пропеть об этом,
хрипеть об этом...

1959

Отголоски классических строчек

Среди густой вселенской хмури
взываю к разуму с тоской,
а он, мятежный, просит "дури",
как будто в "дури" есть покой.

Какое прошлое оставил
стране, где пел и бытовал!
Где дядя самых честных правил,
отправив на лесоповал.

Мы оттого резвей, чем паче
охота к перемене мест,
прочь от Канатчиковой дачи,
и унижения окрест.

От бесконечных испытаний,
грызя стальные удила,
не зря бежим быстрее лани,
быстрее, чем заяц от орла.

Прочь от угара с перегаром,
где губят жизни матеря...
«Скажи-ка , дядя, ведь не даром...»
Не даром , милые, не зря...

Взгляни позорче на истоки:
там среди двух расположен
белеет палец одинокий,
в кармане фигою сложен.

Старинная дорожная

Навалилась на меня зима,
надсадила в кровь коня метель,
по сугробам на санях в потьмах
и не пробуй – не собрать костей...
Из колоды – всё кресты (не в масть),
нету ходу – поостынь чуток.
Не спеши, снега густы – пропасть...
Осуши стакан, да спи, чудак!
Лишь лампы фитилёк в углу...
Ехать надо бы, да сон хорош.
Нету сладу ! Этим плох тулуп,
тем награды бы, да где возьмёшь...
И ночуем... рукава в пыли,
зря кричу им: Эй, вставай, народ!
Спас прошёл и Покрова прошли,
хорошо бы вас да выпороть!
Спите, бороды, который год!
Шапки вороны упёрли прочь,
и петух, что на заборе, врёт,
и вокруг сплошная боль да ночь!
Повинился бы кто, встал- сумел,
помолился б: мол не выстоял!
Потихоньку, отыскав в суме,
под икону свечку б выставил.
Кто отчаян - по темну сбежал...
Выручай, мой конь, не врёт молва,
крик сыча, он не под хвост вожжа,
он качает будто сон-трава...
Нету голоса подмогу звать...
За порогом стынь сезонная,
Снег до пояса и в душу мать!
Вдоль дороги царство сонное...

1972

Ну, я такой, или как я впервые посетил Америку и вернулся.

Судьба со мной сыграла шутку злую:
перешвырнула через океан,
когда народ любя, напропалую
страна опорожняла мой карман.
Прогнозам вопреки, я всё же с вами,
акулам капитала не еда...
Я мог бы отдыхать и на Маями,
но добывая топливо с боями,
свалил я совершенно не туда.

От нас до них полёту... нет, не сутки!
Четырнадцать часов – и ты в раю.
Мне тычут телефоны проститутки,
мне Буш вверяет Родину свою.
«Прогнозам вопреки,- вы говорите,
Не принял никаких серьёзных мер?»
А мог бы отдыхать и во Флориде,
а ежели хотите, на Таити,
но, как балда вернулся в Эс Эс эР.

Забыл обворожительные ночи,
чужой очаровательный пейзаж,
где Пентагон стальные зубы точит,
где «Пэтриот» испытан (но не наш).
Я начисто лишен замашек барских,
мне изобилье ихнее не впрок.
А мог бы отдыхать и на Канарских,
а не ютиться сидя по-татарски,
вблизи неповторимых ваших ног.

Извилины спрямляю по привычке,
дороги выбирая потрудней:
икру из кабачков, по благу - спички,
в сберкассе дохлый счёт из трудодней.

Ну я такой! Прийдите, посмотрите,
не верится? Потрогайте рукой...
Я боссом мог бы стать на Уолл Стрите,
но не корите, лучше подкормите...
Ведь я вам дорог именно такой!

1991

Танго с секретом

Выше гордо изломанных уст
гнев эмалевым глазом косится.
И тела разделяет и лица
этот пошлый жасминовый куст.
И к ногам упадают цветы...
Пожелай - брошу сердце поэта!
Только ты усмехнешься на это
и небрежно забросишь в кусты.
Ужели отцвела
любви моей отрава,
и шумная орава
тот мусор подмела!
Под челкой спелой ржи,
два голубых испуга...
заплачь, моя подруга,
святой слезою лжи!
И хрипит на плече скрипача
попугай с иронической мордой...
«Нет любви ни высокой, ни гордой,
Каждый фантик - удар палача"!
О, бумажный безжалостный фарс!
Проигравшему - в спину презренье
и гнетущее душу прозренье -
моя глупость и в профиль и в фас.
Ужели отцвела
любви моей отрава,
и шумная орава
тот мусор подмела!
О, глаз твоих стрижи,
два голубых испуга...
Заплачь, моя подруга,
святой слезою лжи.
Вот и все. Открываю секрет...
Отгоняя попсы навожденье
о судьбе , о стране, о спасенье, -

то последний, то первый куплет.
Что поделать! Мозги набекрень...
Чем живется - о том и кропаем.
Может, перьями яму копаем,
приближая решительный день...
Ужели отцветут
высокие надежды,
и "правые", как прежде,
Неправых заметут?..
Устроив на гроши
последнюю обитель,
заплачет победитель
святой слезою лжи!

1988. Казантин.

«Танго соловья» или, как я посетил город детства

Отпустили птицу тучи... На земле, увы, не лучше:
вонь бензина, от резины на бетонке чёрный след...
Невозможное возможно, снисходительна таможня...
За чехлом из парусины, древесине – сотня лет.
Мокрый ветер слёзы вытер, вот вагончик – высший литер,
отстучит по рельсам счётчик: миг расплаты, отвяжись!
Всё я вытерпел и вынес... лето минус, осень минус,
на ладони, Ава Отче! Моя раненая жизнь...

*Перрон... и «Танго соловья»
встречает в гулком переходе,
из всех изысканных мелодий,
его нутром услышал я...*

Был расколот, был распорот тот послевоенный город...
Отголоском жизни вдовой, чёрных окон витражи.
Дыр фанерные заплаты, госпитальные палаты,
и лиловый суп перловой: «За стишок, пацан, держи!»
Но взрослело и хотело ласки маленькое тело,
где-то смерть гуляла рядом, пополняя дом сирот,
безотцовщины проклятье узаконило объятья,
и была девчонка рада... Пусть не вальс, и не фокстрот...

*Но это «Танго соловья»!
И патефон трофейный плачет,
а танго всё переиначит,
но разве знал об этом я?*

Сгинул китель и правитель, я иной планеты житель...
Пусть я родом не отсюда, всех я знаю, и меня
узнают дома и люди, не пеняют и не судят...
Память - битая посуда, наполняется звеня:
Тот зловонный эшелонный запах, или патефонный
плач, когда дыханью тесно у безумья на краю...

Я оплакиваю детство, лет счастливое соседство...
Хоть из слёз не шьётся песня, я крою её, крою..

*И снова «Танго соловья»
звучит в подземном переходе,
из всех бесчисленных мелодий,
его нутром услышу я...*

2002

Кукурузная эпопея

Весть влетала к нам в отдел, словно шарик в лузу...
Я Дюма читал сидел, думал: пронесло...
Пронесло б, но занесло всех на кукурузу.
Надо, надо и тэ дэ едем на село.
Начальник в спину нас перекрестил,
как будто проводил на поле брани.
На поле кукурузное слезу пустил,
он, видимо предчувствовал заранее...

Что там её ломать мать, мать, мать, мать..
до горизонта дальнего предального.
Собрать и этим самым доказать
полезность удобрения фекального.

Я забыл «сопромат» и точные науки,
я вросал в быт-мат, не читал газет.
По рядочкам хромал, ноги взявши в руки,
всё початки ломал и ломал хребет.
Початок – он и людям и скоту,
Он пробка для бутылки самогона...
И нечего расслаживаться тут.
Нам бригадир сказал определённо:

Что там её ломать мать, мать, мать, мать..
до горизонта дальнего предального.
Собрать и этим самым доказать
полезность удобрения фекального.

Я письмо шлю жене: «Не волнуйся, Зоя!
Высылай срочно мне лыжи и пиджак,
соски детям, здесь нет, а у меня их трое!
Девка, двое парней (помощь, как-никак!)
Успехи есть! Мы движемся вперёд!
И сделано полезного от пуза:
В большом порядке личный огород,

сыта скотина (значит не орёт),
и на базаре дел невпроворот...
Когда ж пришлют из города народ?
Давно уже созрела кукуруза!

А там её ломать мать, мать, мать, мать..
до горизонта дальнего предального.
Собрать и этим самым доказать
полезность удобрения фекального

70-е годы прошлого века

Дорожная - железнодорожная

Пой, пой ты, поезд-рельсы длинные,
с гитарой сяду в середину я,
Подвиньтесь граждане-пижамники на край...
Звени струна гитары медная,
у нас компания не вредная!
И разговоров окромя
летим гитарами гремя
а ты, хоть лёжа хоть стоймя, играй!

Ох, ох ты, музыка ритмичная,
сугубо НЕ - патриотичная,
но отдых – это дело личное моё...
Пардон, товарищи железные
за наши песни бесполезные,
а если публика не та,
даю команду: «От мента!!!»
И только брызги от винта – адъё!

Летят, летят денёчки летние,
ох зайцы все мы безбилетные,
ребята все мы беззаботные слегка...
А люди добрые в прострации
по телефончику, по рации...
Тук-тук, и дело изучается,
тук-тук, вагончики качаются,
Ох, наша песенка кончается!
Пока!!!

1962

Жуткая история, или опыт рекламы застёжки «молния»

Ох, бывают в жизни трюки!
Случай тот с Никитой был.
Уважал Никита брюки,
ну, а джинсы не любил.
Поотстал чудак от моды,
изводя наукой кровь.
Дамы в карточной колоде -
вот и вся его любовь!

Так случилось, что однажды
в электричке он сидел,
а Любовь взглянула дважды,
и Никита обалдел!
А она стояла рядом
и глядела вновь и вновь,
изучая странным взглядом
часть Никитиных штанов.

И скосив глаза, все понял
диссертант и кандидат:
о, кошмар, на черном фоне
виден беленький квадрат.
Не спасти любовь от краха!
Все пропало! Хоть кричи!
Это ж белая рубаха
промеж пуговиц торчит!

И с лицом окаменелым
грех прикрыв "Цветами зла",
затолкал квадратик белый,
под штаны и все дела!
А она, белее пешки,
перекошенный роток,
наблюдала как в прорешке

исчезал ее платок.

И ни возгласа, ни стона,
посрамлен Шекспир-старик...
Не страдала Дездемона
так от яговых интриг!
Это дело подытожим:
все купить себе должны
или джинсы, что дороже,
или «молнию» в штаны!

1965

Грустная песенка горожанки

Всё при мне, макияж и шикарный прикид,
да видать пустяки одежка...

Всё при мне, макияж и шикарный прикид Парюсь даром, а
времечко мимо летит,

в личной жизни одна напряжёнка.

Лихо чешет «по фене» романа герой

на покинутой Богом планете,

где наколотый – каждый второй,

отмороженный – каждый третий.

И торчу, и тащусь я от мысли простой,

(не с моими ногами задача).

Я не знаю совсем, что такое «застой»,

но в то время любили иначе...

Поделюсь я с подругой своею хандрой,

молча выкурим по сигарете...

Здесь под мухою – каждый второй,

и нанюханный – каждый третий.

Я за стойкою бара, как дура одна...

25... далеко не старуха.

За окном одуревшая дразнит весна,

а по телеку снова порнуха...

Ну а этот дыхнёт не икрой, так махрой,

этот красится в женском клозете...

Любит мальчиков – каждый второй,

дурью мается – каждый третий.

Ретро

Хоть разбейся или тресни,
подавай народу песни!
Подыграйте женщине, брюнет!
Что без песен за веселье?
Свадьбы нет и новоселья
даже пасхи, извините, нет!

Под графин "лимонных корок",
под мелодию "семь сорок"
Разомните ваш радикулит!
Если слышится: "Лехаим!"
Мы сегодня отдыхаем...
Моня, уберите динамит...

Веселите ваши души!
Можно выпить, можно кушать
и лицом показывать товар,
Надо дело делать, дуся,
слово знаете: «парнусе» *?
Кто ж со словом ходит на базар?

Хедер* - мальчику газета, -
все мы с детства знаем это,
(вытирает бабушка слезу).
Научился внук по-русски
залпом кружку без закуски,
и при этом ни в одном глазу!

Просто гоим*! Мишигоем*!
Водку кушают запоем,
разве ты аид*? Ты идиёт!
Не талмуд читать в субботу, -
на разбой, как на работу...

Что твориться, просто дым идет!!!

Хоть разбейся или тресни,
Подавай народу песни!
Подыграйте женщине, брюнет?
Что без песен за веселье?
Свадьбы нет и новоселья
Обрезанья, извините, нет!

**парнусе (идиш) - прибыль*

**хедер (идиш) - религиозная школа*

**гоим (идиш) - иноверцы*

**мишигоим (идиш) - сумасшедшие*

**аид (идиш) - еврей*

1967

День Труда

или "Прощанье с летом 2003"

Мир обласкан Новым Светом,
чем попало и куда...
Вот и мы «Прощанье с летом»
отмечаем в «День труда».
Программисты дури внемя,
всеми пядями во лбах,
безработно топчут землю
получив коленкой в пах.
Раскаляется Европа,
ходит с мокрою спиной,
а рецептик от потопа
пра-пра-прадед выдал Ной.
Гвоздь забив, иных не хуже,
получив последний чек,
он в Париже в «Мулен Руже»
обустроит свой ковчег.
Губы мокнут, трубы сохнут,
снижен уровень затрат...
«От работы кони дохнут», -
пошутил старик Сократ.
С фонарём искал упрямо
то, чего у греков нет:
социальную программу
иль цикуту на обед.
Нам бы жить при коммунизме,
по потребностям вкушать,
по способностям при жизни
организмы разрушать.
А когда всего навалом –
нет потребности в труде!
Где он этот с «Капиталом»

в сюртуке и в бороде?
Не сошьёшь из злобы шубы...
Лето кончится когда,
положив на полку зубы,
отгуляем «День труда.»
Выпей пива, беззаботный,
слаборазвитым пример.
Гол твой счёт, но ты не потный,
ибо кондиционер.
В одеянии интимном
аритмически дыша,
встань не горбясь перед гимном,
руку к сердцу приложа.
Если станет худо, братцы
Гляньте на телеэкран...
Нафига объединяться
Пролетариям всех стран?

Традиция (ироническое)

*«Никто из нас не витязь...»
Борис Чичибабин*

И хрен в соседнем огороде
послаще мёда... Отчего?
Бытует блажь у нас в народе:
в упор не видеть своего.
Что толку всплескивать руками,
стучатся птицею в стекло:
«Какими были дураками!»
А время тихо утекло...
И впрямь, «Никто из нас не витязь».
Глядел, как в воду имярек...
Пока я с вами – присмотритесь,
да и прислушаться не грех.
То, что написано сегодня,
иным понятно не всегда...
Вдруг, как Толстой, в одном исподнем,
уйду , что скажете тогда?

Марине

Август наполняет свежим ветром
парус наших маленьких надежд...
Прилетевшей, музыкою ретро
вечер обнимающий, утешь.
И душою трепетной подранка,
чуя, ты со мною заодно,
я скажу тебе: "Станцуем танго...
Вот тебе рука, а вот вино.."

Грустно пахнет веточкой мимозной -
из далёкой юности привет...
Так случилось... встретились мы поздно,
на излёте потускневших лет...
Пыльные желтеющие фото
нашей распечатаны судьбой.
Где-то были танго и фокстроты,
и свидание дальше с тобой...

Мелкой осыпаясь канифолью
полетят над струнами смычки,
и печаль, удвоенная болью,
сделает глубокими зрачки...
Тяжело забыться с этой ношей,
от тревоги спрятаться куда?
И одна надежда: Бог поможет,
и растопит стены изо льда.

Мы скользим, как будто края нету,
будто мир лишь нам принадлежит.
По асфальту, лужам, и паркету,
шевелия губами: "Надо жить,
чтоб на нас завидуя глядели,
чтоб не замечали грустных глаз,
чтобы пили, пели и галдели,
те, кто хоть немного любит нас."

Весна

Пора подснежников, фиалок и скворцов...
От умирания снегов до ледохода.
Морфея чары пересилила природа,
бросая пригоршни веснушек на лицо.

Спешат увидеть свет отважные ростки.
Похоже, время холодов вы пережили!
Уже морозы полномочия сложили,
запахло грозами, до лета - пустыки!

И мы оттаяли... Тяжелая зима
нас потрепала ледяною рукавицей
по загорелому лицу и ягодицам,
пускай не больно, но чувствительно весьма.

Я март люблю, как ностальгическую блажь,
как нашу молодость с поступками шальными...
Жаль стали мы и времена совсем иными,
иные помыслы и прочий антураж...

Но мне так любо пробуждение земли,
и эта сладостная нежность и томленье...
Есть в обновлении от старости спасенье!
Освобожденье от затянутой петли.

Разбудит утром первый гром и пенье птиц,
лихое солнце, протаранившее шторы.
Узда в руках у седока, стальные шпоры...
Весна не ведает запретов и границ!

Не хочу я пятилетку за четыре года!
Пусть иные тянут репку с ночи до восхода...
Отыщу тебе для счастья Хлеб да Свет в оконце...
Хватит бегать от ненастья, мы ж не марафонцы.
Не от люльки, не от парты началась дорога.
Мы бежали не со старта, да успели много.
Не бывает гладко тихо: мы как все - на нервах,
фейерверках да шутихах далеко не первых...
Всё свежо: от поцелуя вплоть до перепалки,
то восторги : Аллилуйя! То игра в моргалки.
Не в раю живём-бытуем, тех да этих дразним...
Что порой на воду дуем, - жизнь – она не праздник.
Но она мгновенья дарит, что иных чудесней!
Лишь тебе я и гитаре доверяю песню.
Нам нужна всего-то малость: не пшено не просо,
чтобы главное осталось - мелочь, а не просто!
Чтобы в холоде, в тепле ли, под луной, при свете, -
не страдали, не болели ни друзья, ни дети.
Чтоб упрёки не срывались. Дай нам Бог терпенья!
Чтобы сердце волновалось от прикосновенья.

2007

Ветви дней и лет поленья -
пыль- зола в моей горсти,
ты опять права, что лень я
на порог к себе пустил.
Может духом я нищаю,
на посмешище врагу?
Я подругу огорчаю,
видно мало берегу...
Пред пустым торчу экраном,
пред компьютерным листом,
и встаю, увы, не рано,
неизмученный постом.
Рифма однокоренная
да глагольная – и всё!
Не сердись, моя родная!
Я не Пушкин, не Басё.
В этой гонке, в этой тряске
что-то тихо в небесах....
Просит тело больше ласки,
восхищения в глазах,
воздыханий летней ночи,
разговоров ни о чём,
чтоб летящей тучи клочья
тёплым падали дождём.
Чтоб не тронул заоконный
сумрак солнца леденец...
Чтоб спасался дом иконой
«Умягченья злых сердец»...
А предзимье вяжет волю,
забивает клином клин,
и грызёт голодной молью
календарный нафталин.
Но не тронуть всяким «молям»,
закалившихся в борьбе!
Устоим и не позволим
делать дыры на судьбе.

2009 г.

Мелкой дрожью на стекле
стук колёс на переезде,
месяц тонкий сквозь созвездья,
словно ниточка в игле.
Полон призраков овраг...
Третья четверть - время года.
Словно воин из похода
ускоряю к дому шаг.

Тень за шторой сквозняком
исковеркана и смята.
Лампы желтая заплата
раскаленным пятаком.
Рот, ломая в уголке,
звук сорвется бесполезный
и качнётся ночь над бездной,
словно пьяный в кабаке.

"Куда ночь - туда и сон..."
В небе грош, в руке синица...
Ярким всполохом зарница
разрывает горизонт.
Капли падают звеня,
дым над лесом и над садом.
И о чём поют с надсадом,
чьи-то тени у огня?

Листьев мечется табун,
словно в пляске дикой табор,
грянет в колокол октябрь,
на язык ему типун!
Колесо моей судьбы
тяжко скрипнет ржавым тросом
и скукожатся вопросом
придорожные столбы...

Wheeling , September 2013

В СЕТЯХ

Что-то видимо неладно в нашей жизни...
Что-то где-то поселилось-завелось,
то ли в воздухе, а то ли в организме,
вызывая подозрительность и злость...
Жажду писем от посланья до посланья -
утоляет не фельдъегерь верховой.
Виртуально сокращаем расстоянья,
до макушки зарастая трын-травой...

Обидели природу ли,
иль то, о чём не ведали,
преодалев мучения
и совесть укротив,
то что пока не продали,
то что пока не предали-
ушло без сожаления
в компьютерный архив.

Непродвинутым, отставшим от прогресса
горе-чайникам без связей и сетей,
выйти из лесу (а может быть из леса)
невозможно без последних новостей.
Ну а с ними и того намного плоше...
от корана до свержения корон...
Всюду баксы, бабки, тугрики и гроши
круглолсуточно кипящий лохотрон.

Обидели природу ли,
иль то, о чём не ведали,
преодалев мучения
и совесть укротив
то что пока не продали,
то что пока не предали -
ушло без сожаления
в компьютерный архив.

Управлением невидимых орудий,-
всё растёт сопротивление во мне:
вот проснусь однажды, гляну - где же люди?
Лишь мерцание экранов в тишине...
Слуги дьявола, в сети раскинут сети,
выдавая сон ума за мастерство...
Всё искусственно: продукты, чувства, дети, -
да и сам из неведомо чего!

2013

И анамнез и хандра , плюс
организм не поёт...
Что-то я себе не нравлюсь:
нюх не тот и глаз не тот.

И не то чтоб душит жаба
взять шампанское и торт,-
просто тела дирижабль
ищет свой аэропорт.

Взглядом жадным ищет кресло,
словно воду караван,
обретёт, укутав чресла,
ну не кресло, так на диван.

Рухнет там обеспокоясь,
чуя в заднице вожжу:
мчится время, словно поезд
я на станции сижу.

Зря ли кровь гонял по венам
вырываючись из жил?
Все забудут непременно,
чем я мучился и жил.

Значит не на кого дуться
мир меняет и меня...
Дайте братцы-однодумцы
не карету, так коня!

Пусть он будет не подкован
ведь и сам я не весьма...
При отборе забракован
За наличие ума.

Рассудить по-человечьи:
в годы наши, наши дни
от подобного "увечья"
всех нас Боже сохрани!

2014

Не отыскаться в пузырьке
ни эликсиру ни таблетке,
чтоб потускневшей оболочке
придать знакомый прежде вид.
Увы! Встречают по одежке,
так утверждали наши предки,
когда от ногтя до серёжки
изучен каждый индивид.

И от рожденья до погоста,
страдая от непониманий,
поскольку углядеть не просто
что там в коробке черепной,
в одну и ту же входим реку,
рискуя встретиться с пираньей...
Не ошибиться б человеку
и ни рекой, и ни страной...

Не ошибиться бы карассом,
что отличает нас от стаи,
а, проверяя ватерпасом,
почти невидимый уклон,
мчать "горя мимо, мира мимо"...
Пусть это истина простая
стучит в виске неутомимо,
а плоти зов не утолен...

Наряжен будь иль эпатажен,
когда не тайна оболочка,
то вид её совсем не важен,
ведь без извилин на коре
лик мыслью не обезображен, -
Нет! Не про нас такие строчки...
когда во сне ответим даже,
что за столетье на дворе...

Лови мгновение, художник!

На холсте то лик, то облик,
долгий взгляд из-под руки...
Грохот падающих яблок
станет ритмом для строки...
Карт рассыплется колода,
солнце выглянет, авось...
Золотое время года.
В стену быта новой гвоздь
заколачивает время
год за годом... *S'il vous plaît!**
Что же дальше? Ногу в стремя,
и вдвоём в одном седле.
Промелькнёт солнцестоянье
и эклиптики момент,
и основа мироздания -
славный Пятый элемент.
Богу ведомы границы,
и страницы, и печать.
Помолись и всё простится!
Ведь найдётся, что прощать...
Полно праздновать беспечность,
шифроваться на арго...
Впереди маячит Вечность!
Только что нам до того...

*S'il vous plaît!** - пожалуйста (франц.)

Диалектика

Прошла пора воображать и задаваться,
но организм не собирается сдаваться,
и по ночам, назло врачам побаловаться
готов, былого краски освежив.
Пока волнует обитающая возле,
любви не думая о том, что будет после.
Биологически мы не настолько взрослые -
лови момент, покуда жив.

Тестостерона пограничные заставы,
толкают к подвигам скрипящие составы,
от напряжения смещаются суставы,
порой слегка тошнит на вираже...
Когда проиграно со временем сражение, -
дарю идею эту на вооруженье:
"Чем хуже зрение, тем лучше отражение
на предпоследнем рубеже".

Пришла пора, когда ни кожи и ни рожи!
Вот до чего сегодня дожили! О Боже!
Чем хуже зрение - тем сверстницы моложе...
Они на ощупь юные почти...
Любимым наши огорчительны детали,
их относительная польза и так далее...
Увы! "За мужество" не вешают медали,
и оправданий не ищи...

Всё восвояси возвращается на круги,
уже претензии к себе, а не к подруге.
Пора об этом поразмыслить на досуге,
не доверяя подлым зеркалам,
напоминая окруженью в утешенье:
"Чем хуже зрение - тем лучше отражение"...
Фиоритуры эти - самовыраженье
с большим сарказмом пополам....

Очередное прощанье с летом

Едва волшебный запах яблок
дворы покинет и дома, -
грядущей осени кораблик
к зиме наполнит закрома.
Везут баркасы и фелюги
заботы, коих пруд пруди...
Снега тяжелые и вьюги
нас ожидают впереди.
Кого порадует вендетта
и скатки тяжесть на плечах?
В дыму пожаров тонет лето
в стихах воспетое, в речах...
А долог век или недолог,
у догорающей свечи
неважно, лишь бы новый Молох,
не отковал свои мечи.
Кто утопающему бросит
конец верёвки или круг?
Я жду спасительную осень
задолго до снегов и вьюг
Она не просто время года,
она предвестник перемен
погоды, но иного рода,
пришедшей глупости взамен...
Её натруженные руки
пилить возьмутся и тесать,
пустых речей пустые звуки
не будут воздух сотрясать.
И лет смятения в помине,
уже не будет никогда...
Глядишь к зиме огонь в камине
и не пугают холода...

31 августа 2014 г.

Когда нутро не в ударе... голос сел и осип.
Чувствую, как шарик скрипит на оси.
Я безнадежно отстал? Я не то чтоб устал,
но вижу меньше своих среди людей , среди книг...
Наш безобразный век
сдирает с кожей парик..

А под ним не лик, а злобный раб или зек.
Не безнадежен день, не бесконечен трек.
И бег на нём - его суть, её не перечеркнуть.
Кайф в суете сует: оставить миру свой след
за горечь прожитых лет,
где конь не рыж и не блед...

Не хлопнуть вечности дверью, издав стон тишины.
Чужой судьбы не примерь, судьба - она не штаны.
Да и своей не делись, дорога вверх или вниз.
Мчи без таможен и виз - да только не надорвись,
и как мечту и каприз
верши душевный стриптиз.

Мистраль натянутых струн рождает дрожь а не звук.
Коль правда не по нутру - без тетивы этот лук...
Победы нет с кондачка в борьбе пилы и сучка...
Речей безумных клише лишь достигает ушей.
Расплата - слов бланманже ...
Но... это иной сюжет...

3 марта 2015 г.

"Что делать?" - много реже интересно,
чем поиски того "Кто виноват?"
Пенять на зеркало? Когда оно не трезво,
неверный шаг последствием чреват.
Смириться, с результатом примириться
действительности, дабы уцелеть
и дальше жить... Неистово молится,
утешась настоящим, не болеть
обидным прошлым. И тогда в итоге
возвыситься над брэнной суетой,
и оживить берлогу ли, чертоги -
неважно, этой истиной простой.
Наполнится сосуд существованья
тем новым смыслом, что покой несёт...
Когда закончен поиск оправданья -
былых печалей плечи не гнетёт
тяжелый груз отныне... А свобода?
Смотря какая плачена цена...
Зря ль человечья странная природа
вопросом мучится: кому она нужна?
А может суждена иная доля
среди суеты и глупости людской...
За Пушкиным вослед : "Покой и воля!"
Вот счастье! А иное нам на кой?

21 ноября 2014 г.

очерки

"Дней прошедших листья вороши" *или хевсурские страдания* (Запоздалые походные дневники)

*Без природы музыка стреножена...
"Только музыка в цене"*

*Корабли, покидайте бухты
ну хотя бы разок в году!
"Старая песня"*

Время стёрло из памяти не все географические подробности, а те, что улетучились, легко можно "выпытать" у интернета. Но не они важны сегодня для меня, а возможно и для вас, мои читатели. Прошли годы, Америка притупила у меня "комплекс туризма". Уже видано и перевидано городов и стран – несчётно. Но свежесть тех маршрутов, тех встреч и тех дорог, которые во времена диктатуры мы выбирали сами, до сих пор греют душу и возвращают меня в прошлое. С горечью остаётся добавить, что далеко не все герои моего повествования смогут когда-либо прочесть эти строки... Возможно, поэтому в своём повествовании я говорю о них, как о живых.

В те далёкие шестидесятые годы прошлого столетия, в стране «победившего социализма», туризм и песня были «сиамскими близнецами». И не удивительно, что песни, бытовавшие в среде интеллигентов, называли туристскими, даже если в них отсутствовала полностью дорожная атрибутика. Был бы только романтический дух. Абсолютное большинство городской молодёжи было очаровано "оттепелью". Необычайно возрос интерес к поэзии. Она выплеснулась на улицы и стадионы. Обманчивое ощущение свободы, погубившее бедного Плейшнера в популярном сериале «Семнадцать мгновений весны», охватило многих. Жажда свежих впечатлений раскачивала быт, но зато именно эти впечатления, появляясь, давали темы для песен. Я был одним из мно их обманутых романтиков моего поколения: ходил в походы, писал песни,

читал «самиздат» и сам был дважды издан книжицей в четырёх экземплярах «отшлёпанных» на пишущей машинке в сибирском посёлке Глухариный. Вообще, в то время, не зомбированное телевидением население, проводило свободное время с книжкой в руках. Может не напрасно мы гордо говорили о себе: "самая читающая страна"?

Как попала ко мне в руки книга зоолога и путешественника Густава Радде, изъездившего и исходившего весь Кавказ, убейте меня – не помню. Книга была старинная, с золотым тиснением, яркими цветными картами и рисованными иллюстрациями. Её прочтение поселило в моей душе непреодолимое до дрожи желание пройти дорогою этого неутоми-мого Радде, посетить труднодоступные районы Кавказа, короче, как Дон Кихота – потянуло на подвиги. И, возможно, идея так и не дано было бы осуще-ствиться, не попадись мне в нашей знаменитой харьковской библиотеке им. Короленко (одной из лучших библиотек бывшего Союза) тоненькая книжонка Виктора Шкловского "В ущельях Горной Грузии" с художественным описанием жизни тамошних горцев. Хевсуретию Шкловский с группой писателей и проводниками посетил в 1935 году, Радде и того раньше. «Не самые свежие данные», - подумалось мне, но других описаний дорог, нравов и обычаев того края не было. Однако, и этих хватило для того, чтобы увлечься самому и соблазнить ещё десяток добро-хотов. Начали подготовку. И тут выяснилось, что Хевсуретия - крайне редко посещаемый уголок Кавказа. Описания маршрутов были тусклыми, изобиловали неточностями, видимыми на первый взгляд и, «подводными камнями», что намного хуже, появившимися позднее, в процессе похода. Но азарт бежал впереди здравого смысла и моим сподвижникам не терпелось попасть в край, где "хевсуры фехтуют короткими мечами", "носят длинные, до колен, вышитые бисером рубахи и, во всех торжественных случаях, появляются в рыцарских шлемах, с панцирной сеткой, со старинными булатными мечами и щитами". А ещё они едят вредную пищу в виде лепёшек с топлёным маслом, запивая их ледяной родниковой водой.

Мои сверстники прекрасно помнят, что в то время по отношению к продуктам (как, впрочем, и другим товарам) слова "купить" практически не существовало. Оно замещалось, в зависимости от возможностей, сладким или горьким "достать". В нашпигованный заботами период подготовки к походу, друзья помогали доставать дефицитные тушёнку и сгущенку, а домашние натирали постным маслом и вялили полукопчёную колбасу, закатывали в банки шкварки, сушили чёрные сухари, - короче, делали всё то, что полагалось делать "гомо советикус в подобающей ситуации. А ещё ведь были нужны билеты на поезд идущий в кавказском направлении. Тоже не последнее дело. Харьков (особенно в летнее время) напряженный железнодорожный узел, но лето - летом, а связи – связями. Удалось достать и билеты. Правда, такая беда, - только купейные.

Нас к моменту отъезда оставалось семеро. "Великолепная семёрка", шутили знакомые, посмотрев неведомо как попавший на советские экраны американский фильм. В составе группы три семейные пары: я с женой Раей, Игорь по кличке "Кара" со своей невестой (а практически, женой) Ирой, и Игорь, по кличке "Лось" с женой Таней (чтоб не путаться, я так в дальнейшем их и буду именовать по кличкам). Седьмым был Витя (по кличке "Лапоть" - написано верно, через два "а", ибо от слов лапа, лапушка), ходивший в женихах, но примкнувший к нам в одиночестве. Его Томочке, натуре тонкой и нежной, были чужды и грубое общение с природой гор, и тяготы походной жизни. На личные качества членов группы и их должности не отвлекаюсь, ибо с этого момента команда именуется: "туристская группа, маршрутный лист №278". Купили два купе. Неподъемные рюкзаки не оставляли надежды разместиться на одном из свободных купейных мест "пижамнику" (так мы, матёрые туристы-бродяги именовали попутчиков, стремившихся на кавказские минеральные воды). Поезд был московский, а купейный вагон наш, харьковский, т.е. прицепной. Он смущал чистотой не затоптанных дорожек, белых салфеток на столиках и блеском никеля. Картину, невиданного в наших краях сервиса, завершала вазочка с

цветочком на испугано вибрирующем столике. Проводница стеклянными глазами смотрела на штормовки не первой свежести, на «беременные» поклажей рюкзаки и, белея от ужаса, шептала: "-Ре-бятки, остороженько! Простыни лежат ни разу не ЗАСЛАТЫЕ! - Ничего!- успокаивали мы её, – ЗАСЛЁМ!"

Тронулись. И места всем хватило, и обед получился на славу, и густо заваренный чаёк проводница принесла в серебряных! подстаканниках.

- Это что у вас за праздник такой?- шумно поражались наша команда, привыкшая в поездах к влажным латаным простыням, занавескам со следами жирных пятен и жидкому чаю.

"- Наш «первый» у двухместном купе..."- почему-то шёпотом доложила проводница, явно намекая на присутствие в вагоне первого секретаря обкома партии. Бог весть, может так оно и было, но мы его не заметили. И всё же начало пути было многообещающим.

Первый блин, блин!

Члены нашей группы в походах по Кавказу бывали, поэтому этапы от поезда до пешеходной тропы ничего необычного для них со **б** и не представляли. В тот же день от Орджоникидзе до Трусовского ущелья добрались на попутке.

Для горных туристов это ущелье особенно соблазнительно возможностями путешествий по перевалам Бокового хребта, ущельям Мнадона, Суатисидона.

Названия ущельям дали ледники Мна и Суатиси. Плановым туристам предлагают обычно маршруты на ледник Мидаграбин и в район вершины Тепли, но на подобные радиальные маршруты у нас не было времени. Поэтому, оставив традиционные дороги для новичков, и не отвлекаясь на заманчивые предложения путеводителей, друженько по ущелью притопали до первой ночёвки. В ближайшем мелколесье на свежей девственной травке поставили палатки, на костре (благо с дровами было не напряженно) вскипятили чаёк, перекусили и легли спать.

Утром, чтобы не терять времени, позавтракали бутербродами, запили вчерашним чаем и двинулись вразброд к синеющей вдаль теснине, где и начиналась дорога на перевал. Шли по долине Трусовского ущелья, где по рыже-седой от разнообразных солей траве, бежали потоки минеральной воды. Вода мерцала, пузырилась от важности, чавкала под нашими «зубастыми» ботинками и «до востребования» бежала дальше. Её можно было пить, используя заранее припасённые для этой цели пластмассовые трубочки, не подходя непосредственно к источнику, уводящему нас от цели. Но на поход к минеральному озеру (достопримечательности ущелья) мы всё же затратили день.

В оцветающей долине уже издали было видно чёрное зеркало небольшого, размером с цирковую арену, озера. Оно отражало небо в "кошачьих хвостах" облаков и поросшие густой ярко-зелёной травой берега. Обманчиво-тихая поверхность, вздрогнув, внезапно вспучивалась огромным радужным пузырьём, с шипением выбрасывая углекислый газ. Встречные пастухи рассказали, что несмышлённые телята, подходившие напиться к воде и, то ли пугаясь шумного выброса газа, то ли от его запаха, сваливались в воду и погибали. Обманчивые берега были отвесны и животным недоставало ни сил, ни сноровки выбраться из воды. Не испытывая судьбу, наблюдали за озером издали и продолжили свой путь. Соориентировавшись, направились к пред-полагаемому устью реки Кистинки. На дорогу ушёл ещё один день.

Точно помню, что Центральную Хев-суретию и её столицу Шатели отделяли от нас четыре перевала. Два из них весьма серьёзных. Четвёртый день ушёл на преодоление Трусовского перевала, знакомого мне по прошлым походам. Его проскочили легко и весело. Снега было много, но лежал он в стороне от тропы, и только нерастаившее озеро говорило о том, что лето в этом году позднее и холодное. Посреди озера торчала голова погибшего (видимо провалив-шегося под лёд) тура. Козёл он и есть козёл, хотя и горный. Что с него взять...

Очередная ночёвка была на берегу, изобиловавшего мелкой форелью, горного ручья. В остальном же, стоянка оказалась столь малопримечательна, что сегодня я о ней

вспоминаю с трудом. Хотелось скорее добраться к цели похода – Хевсуретии. Вот почему, пропуская подробности минувшего дня, память толкает меня на главную тропу, ведущую (как обещал Виктор Шкловский) в восемнадцатый век и (как выяснилось позднее) грядущим злоключениям. Маршрут лежал в долину реки Кистинки и уводил из «посюсторонней» в «потустороннюю» Хевсуретию. Шли, по скопированному из журнала «Турист» описанию, по левому лесистому склону ущелья. Оно резко сужалось и тропа порою терялась. Вскоре дорогу преградили густые, пахнувшие маринованными огурцами, зонтичные заросли высотой до двух и более метров. Их прочные стволы не поддавались порой удару ледоруба. Меня, как руководителя группы, невероятно смущала эта "одичавшая" тропа. Но описание подтверждало появление этой рослой "травки" и правильность направления, и мы, размахивая ледорубами и ножами, двигались сквозь эту "сельву" вперёд. Выход к скалам был мало утешителен. Тропа по-прежнему была вяло видна. Склон сланцевой породы обещал тяжелый затяжной подъём по осыпающейся под ногами щебенке. Поэтому сделали траверс влево через скальный гребешок со спуском в кулуар с гремучим ручьем. Здесь идти стало полегче, но довольно скоро последовал подъем на нарядную бледно розовую скальную гряду в левой части кулуара и выходом на седловинку этой гряды, поросшую мелким кустарником и изумрудными мхами. Здесь неожиданно тропа разветвилась. Стоим, как Илья Муромец на распутье: куда идти? Можно пойти от седловинки влево и вверх к неясно выраженному скальному гребешку, но оттуда придётся спуститься спортивным способом (что крайне не желательно) на дно основного кулуара, чтоб потом оказаться в стороне и выше "бараньих лбов" (вид заглаженных гранитных глыб). Поэтому делаем обход "бараньих лбов" справа и продолжаем подъем по "живой" осыпи кулуара, вдоль менее опасной правой стороны, под отвесными скалами, высматривая безо-пасные от камнепада места. Вверху уже зазеленели спасительные склоны, обещающие уютное место для ночёвки. Однако, когда группа, наконец-то, до них добралась, уклон был таков, что

ровное место для установки палатки найти было проблематично. Как обычно в горах, быстро темнело. Торопясь, с одной стороны немного подкопали мягкую землю травянистого склона, с другой – подложили плоские камни и, с целью экономии места, стенка к стенке установили палатки. Сбегали к ручью за водой, после чего капитально подкрепившись, с молитвой "Боже, пронеси дождик мимо" (что в условиях нашего корявого расположения было не глупо) легли спать. Опасаясь встречи со снежником на перевале, встали в четыре часа утра, наскоро перекусили и, пока солнце не раскошегарилось, двинулись к чернеющим скалам. Казалось, что виднеющийся в дымке распадок, недалёк. Но тропа вдруг резко «побежала» в долину, заставляя терять набранную высоту, потом и вовсе стёрлась на цветистых альпийских лугах, возникнув вновь лишь на лысеющих предгорьях. Я уже отчётливо понимал, что тропа пастушья, и если и приведёт куда-то, то , скорее всего, это будет кош, пастушья хижина. "Ладно,- мелькнула наивная мысль, - там уточним дорогу". День пролетел в "ишачке. Тянулись гуськом по затяжному подъёму. Зелёная трава сменилась бурой, а затем щебёнкой. Твёрдые глыбы скал казалась спасением. Но и здесь нас ждало разочарование. Тропа, вильнув за скалу, стала вдруг узкой полкой. Пришлось идти в связке по 3-4 человека. Закреплялись на опасных участках. Слева – скала, справа – обрыв. В некоторых местах приходилось двигаться боком, прижимаясь носом к скале. Ирина, страдающая клаустрофобией, норовила идти лицом к обрыву, цепляясь рюкзаком за выступающие позади камни, и рискуя ежеминутно сорваться и потянуть за собой всю связку. Её, не без основания, ещё пугало и то, что стоило взяться за камень, как он, словно книжка с полки, легко выскакивал из своего гнезда. Пластины под ногами пьяно раскачивались и ползли. Все от напряжения быстро устали. Прошло довольно много времени, пока удалось найти для отдыха большой и плоский, лежащий горизонтально, камень. Было время не то обеда, не то раннего ужина. На этой высоте наш примус коптил, выбрасывал струи бензина, а то и вовсе "отключался". Вода в котле уже около часа была уныло неподвижной

и слегка тёплой. Бесконечно долго варилось пюре из концентрата и, скорее всего, так и не доварилось. Для съедобности, голубую вязкую массу украсили натуральными шкварочками, заботливо заготовленными мамами ещё дома. На чай у примуса уже не хватило духу. Хотелось пить, а воду, поблескивающую на вертикальной стенке, можно было только слизывать. Это были "девичьи слёзы", а не вода. "Пока она есть во флягах – жить можно, - думал я, - а после перевала, по описанию, должна быть река".

Решили сделать на приглянувшемся камне холодную ночёвку. Вряд ли до захода солнца ещё так подфартит. Пока внезапно не свалилась ночь, можно было расслабиться, поболтать, распеленать тщательно укутанную гитару.... Но было не до песен. "Лапоть" внимательно рассматривал свои кожаные перчатки в глубоких ссадинах и разрывах. Музыкант-клавишник, прекрасный импровизатор, он берёт руки. И правильно делал. Наши ладони и ногти, пострадавшие от верёвок и камней, уже не отличались безукоризненностью.

Низкое солнце, цепляясь последними лучами за вершины гор, спелым апельсином покатилося в долину и далее на запад. Луны не было и густая влажная темнота поползла откуда-то снизу, сделав недавно уютное место ночлега пугающим и не гостеприимным. Спать улеглись «покотом», устроив из одной палатки подобие спальника. Лежащим с краю под бока подложили большие валуны, не для мягкости, а чтоб ненароком не свалиться. Было холодно. Сон бежал прочь. Тишина была такая, что дыхание рядом лежащих казалось шумом близкого поезда. Смотрели на, появившиеся внезапно, низкие лохматые, подозрительно выглядевшие звёзды. Вот Полярная. Она слева. А должна быть справа. Вспомнилось, что и солнце село левее предполагаемого пере-вала. Кто-то явно в описании дороги перемудрил.

Спал ли я вообще или грезил наяву – не помню. Высота была не большая. Едва более 3000 метров. Однако сердце бухало и слегка подкатывала тошнота. Скорее всего от беспокойства. Ну вот, наконец-то, рассвет...

Пользуюсь властью руководителя:

"- Никто никуда не двигается. На такой тропе туристский рюкзак – опасная помеха. Завтракайте, ждите. Я пошёл на разведку."

"Лапоть" подсадив, помог мне взобраться на ближайший выступ, далее налегке, небрежно, по прочным рыжим скалам, преодолеваю сотни две метров, захожу за выступ, закрывающий вид на перевал... От увиденного сердце подпрыгивает к горлу. Красота неопишуемая, но это не перевал... Мы почти на вершине. То что издали казалось седловиной или перевалом, оказалось обманом зрения. Между левым и правым склоном "лжеперевала" зияла отвесная пропасть. Спуститься ни техники, ни верёвок не хватит. Перевал был намного правее нашего местонахождения и манил своей наглой недоступностью. Богатое селение, в котором мы намечали подкормиться, даже с вершины не маячило. В неосмотрительном расчёте на него, запасы были невелики, и теперь у нас оставалось продуктов всего на один день. Хлеб кончился, но ещё есть сухари...

Сейчас сверху хорошо просматривался весь ошибочный путь по ущелью. Во-о-н по его днищу течёт река. Какая река? Стоп. Ведь никакой реки не было. Да это и не река вовсе. Это тень. Река когда-то, видимо, была. Возможно ещё месяц назад. Лето выдалось холодным. Льды не таяли так интенсивно, как обычно, и река ушла под камни, чтоб через десятки километров, минуя морену и прячась под ней, выскочить на равнину чистой и прозрачной Кистинкой. Фраза в описании: "движение по левой стороне ущелья" означала: "стоя по течению реки, идти по её левому берегу". Считая, что реку прошли до ущелья, мы просто пошли по левой его стороне, а значит по правому берегу реки. Вот и пришли...

"Досадная ошибка,

Дымим последней "Шипкой"

И далеко заветный перевал..."

Это я напишу потом, к "разбору полётов". А сейчас напряженно ищу выход из тупика. Вперёд – некуда. Назад – и долго и опасно. Левее от меня большой снежник. Я прошелся по нему. "Сейчас рано, язык у него прочный, можно

глиссировать на "триконях" (горные ботинки), как на лыжах, притормаживая ледорубом. Знаю этот приём."

Учился я глиссированию совсем недавно, на зимних альпинистских сборах в заваленном снегом Домбае, при спуске с Семёнов-Баши. Снег был тогда рыхлый, свежий. Группа, в составе которой был и я, в вечернем тумане, после восхождения, глиссируя выстроилась случайно в одну линию, подрезала склон и сорвала лавину. Я был крайний и, противореча правилам, не сбросил темляк ледоруба с руки, а развернувшись в сторону неподвижной части склона, выбросился на него и "зарубился". Остальных откапывали. Все остались живы. Так что опыт есть, а на обучение остальных – надо пять минут. Пока снег прочный.

Аккуратненько спускаюсь к нашим. Объясняю обстановку. Выход один – возвращаться. Собираемся шустро, пока не пригрело солнце и снег не "поплыл". Делаем траверс по склону влево. Склон сыпучий, но держит. Выходим на снег. Короткий урок и... поехали. "Еду" первым. Через несколько минут понимаю, ботинки – не лыжи и такое напряжение долго выдержать ноги не могут. Первыми сдались женщины. Едут на "пятой точке". За ледорубом фонтан снега. Значит тормозят. Ноги дрожат. Сейчас сяду и я. Мы пролетели огромный кусок пути, того пути который дался нам бурлацким трудом. Ехать лучше чем идти. Даже на пятой точке. Солнце уже высоко. Снег быстро таял, штормовка подо мной намокла. Я намного оторвался от группы и, подпрыгивая на подснежных камнях, первым стал ощущать задом, как утончается снежник. А казалось ему не будет сносу! И вот ледоруб уже цепляет камни! Как ни старательно я тормозил, как ни пытался двигаться боком, удар всё же пришёлся между ног. Точнее, по внутренней части левого бедра. На сантиметр правее, и о любви я писал бы только стихи. Превозмогая боль, став на ноги кричу во всю силу запыхавшихся лёгких:

"- Всем стоять! Не ехать! Только идти!"

Сам-то я идти практически не мог. Но всё же ковылял как-то. Позади склон на который мы убили почти три дня подъёма и всего три часа спуска. Добрели до травы. Солнце, цветы,

глиссировать на "триконях" (горные ботинки), как на лыжах, притормаживая ледорубом. Знаю этот приём."

Учился я глиссированию совсем недавно, на зимних альпинистских сборах в, заваленом снегом Домбае, при спуске с Семёнов-Баши. Снег был тогда рыхлый, свежий. Группа, в составе которой был и я, в вечернем тумане, после восхождения, глиссируя выстроилась случайно в одну линию, подрезала склон и сорвала лавину. Я был крайний и, противореча правилам, не сбросил темляк ледоруба с руки, а развернувшись в сторону неподвижной части склона, выбросился на него и "зарубился". Остальных откапывали. Все остались живы. Так что опыт есть, а на обучение остальных – надо пять минут. Пока снег прочный.

Аккуратненько спускаюсь к нашим. Объясняю обстановку. Выход один – возвращаться. Собираемся шустро, пока не пригрело солнце и снег не "поплыл". Делаем траверс по склону влево. Склон сыпучий, но держит. Выходим на снег. Короткий урок и... поехали. "Еду" первым. Через несколько минут понимаю, ботинки – не лыжи и такое напряжение долго выдер-жать ноги не могут. Первыми сдались женщины. Едут на "пятой точке". За ледорубом фонтан снега. Значит тормозят. Ноги дрожат. Сейчас сяду и я. Мы пролетели огромный кусок пути, того пути который дался нам бурлацким трудом. Ехать лучше чем идти. Даже на пятой точке. Солнце уже высоко. Снег быстро таял, штормовка подо мной намокла. Я намного оторвался от группы и, подпрыгивая на подснеж-ных камнях, первым стал ощущать задом, как утончается снежник. А казалось ему не будет сносу! И вот ледоруб уже цепляет камни! Как ни старательно я тормо-зил, как ни пытался двигаться боком, удар всё же пришёлся между ног. Точнее, по внутренней части левого бедра. На сантиметр правее, и о любви я писал бы только стихи. Превозмогая боль, став на ноги кричу во всю силу запыхавшихся лёгких:

"- Всем стоять! Не ехать! Только идти!"

Сам-то я идти практически не мог. Но всё же ковылял как-то. Позади склон на который мы убили почти три дня подъёма и всего три часа спуска. Добрели до травы. Солнце, цветы,

Ошибка под занавес

Рассказ о первой попытке посетить Хевсуретию будет не полным, если я умолчу о приключениях следующего дня. И пускай смекалистые и расторопные заклеят меня позором, вот вам ещё один эпизод из истории того неудачного, а скорее безрезультатного похода.

Утром подкрепились "мороженым", приготовленным из снега (благо был рядом) растёртого со сгущёнкой и земляникой, растущей прямо под ногами. От места ночёвки до хорошо протоптанной тропы оказалось около трёх часов ходу. А ещё через час мы вошли в хвойный лес. Сумасшедший воздух! Сплошные фитонциды. Даже голова кружится. Наши глазастые дамы первыми узрели вдали какие-то строения. Тропа вскоре стала проезжей, а уважающий себя турист-горник ходит по тропам, а не по дорогам. "Ловим попутку",- безапелляционно заявила Ирка, самая мелкая из нас и, наверняка, наиболее уставшая от приключений свалившихся на группу. "Ладно,- думаю, - не поймаем, так хоть передохнём немного." Однако, не прошло и пяти минут, как послышалось характерное тарахтенье, и пред нашим взором, на мотоцикле с коляской, появился молодой джигит в чёрных очках и чёрной запylённой рубашке расстёгнутой до пупка . Сверкнув золотым зубом, он поинтересовался :

"- Што за луди? Пачэму грустный такой, а?"

Ответ был цитатой из анекдота про чукчу:

"- Оцень кусяць хоцца! Где бы тут хлеба прикупить?"

"- Какой проблэм! Давай, садыс, дорогой! Повезу..".

"- А кроме хлеба, что-то ещё можно купить?"

"- Сказал уже: садыс!"

Коротко посоветовавшись, решили командировать меня (чтоб нёс ответственность) и Таню ("Лосиху"), дежурящую в этот день. Уселись: я за спиной джигита, Таня – в коляске. Поехали.

Проскочив мимо жилых корпусов, расположенных в хвойном лесу, и оказавшихся горным санаторием "Армхи" для туберкулёзных больных, вырулили к большому сараю. На синих воротах красовался огромный амбарный замок, вид

которого не смутил нашего водителя. Он аккуратно снял свои черные очки, за которыми под левым глазом обнаружился серьёзный фингал, затем достал ключ под стать замку и распахнул ворота. Нутро представляло собой продуктовый склад санатория. Слева чинно стояли грязные и облупленные, но мерно гудящие промышленные холодильники, за ними в том же ряду теснились полки с мешками, полки с хлебом и какие-то коробки, судя по надписям, местного производства. Справа – полки с овощами и фруктами. Наш водитель, очевидно, был властелином этих богатств. Он открывал холодильники, демонстрируя стройные ряды колбас, мороженое мясо и свежих курей.

"- Выбериай," -сказал он.

"- Что?-" глупо улыбаясь спросили мы.

"- То что надо," -сказал он и пожал плечами.

Мы посоветовались. Общественный кошелёк был тощ. Ориентируясь на городские цены, взяли пару палок колба-сы, два кирпичика хлеба, три пачки печенья, пучок лука, десяток огурцов.

"- Всё?-" спросил наш Гарун Аль Рашид.

"- Всё, " - вздохнули мы.

Пещера Алладина захлопнулась.

"- Садыс! Атвезу."

"- Сколько с нас?-" спросили мы теребя потёртый кошелёк с казной.

"- Вах! Зачем обижаешь? Ничего! Садыс!"

И тогда наши безответственные организмы охватил ужас. Назад дороги не было и мы с Таней поняли, чего мы лишили оголодавший коллектив. А что ещё нам предстояло услышать! Помню, едва наш кормилец уезжая успел нажать на газ, кулинар Кара вцепившись в свои кудри заорал дурным фальцетом:

"- Это же было сациви! Вы лишили нас сациви!" Далее – нецензурно.

"-Хочу отбивную! Хочу на склад сторожем!"- плакал "Лось".

"-Кого мы послали? – голубоглазо вопрошал интеллигентный Лапать, – поэта и растяпу! Хорошая парочка".

"-Никакого уважения к авторитетам!"- сгоряча вяло сопротивлялся я.

"-Поход закончен. Равноправия и свободы слова!" – Выпалил наболевшее "Лось", но под взглядом пострадавшей жены осёкся.

"-Оставьте их в покое, -миролюбиво сказала моя жена. – Продукты всё же у нас есть."

И действительно: хлеб с копчённой колбаской и свежим огурчиком после длительного поста – это было не так уж и плохо.

Потом ещё целый год, вплоть до второй попытки покорить Хевсуретию, вспоминали нам этот склад, "гирлянды" курей и большие плоские банки с чёрной икрой, которую мы впопыхах сначала даже не заметили. Не привычные потому что.

Реванш

Говорят: "Если хотите рассмешить Бога, расскажите ему о своих планах". И действительно, дав друг другу твёрдое слово через год собраться для взятия реванша, все начисто забыли о существовании графика отпусков, производственных планах, штурмовщине и прочих сложностях нашего советского быта. Жизнь внесла свои коррективы и состав группы на следующий год несколько изменился. Из первопроходцев остались мы с женой да Витя-Лапоть. К нам примкнула Витина одноклассница в прошлом, а в то время молодая училка истории Нина ("Троня"), брат моего сокурсника Марка – Додик и учёный очкарик с фигурой атлета – Толя К. Его жена была преподавателем высшей математики в ВУЗе. Эммочка, в отличие от нас, могла похвастаться двухмесячным отпуском. Вот почему было решено, что когда настанет лето и мы отправимся в горы, она взяв своих деток (Вадика и Юлю) и нашу до чу Эллу, отправится в Сухуми к морю, где все встретимся после похода. Тогда мы и не подозревали, какие новые приключения выпадут на нашу долю, как трудно будет осуществить задуманное «слияние семей».

А пока, зимними вечерами я просиживал в библиотеке, выписывая подробное описание мест нашего предполагаемого путешествия. Читаю путеводитель: "Военно-Грузинская дорога соединяет столицу Северной Осетии—Орджоникидзе со столицей Грузии — Тбилиси. На северном склоне Главного Кавказского хребта она следует по долине Терека, по его притоку Байдаре, пересекает систему параллельных предгорий северного склона (Лесистый, Пастбищный и Скалистый хребты)" Всё верно, но с точностью да наоборот. Очевидно автор едет из Тбилиси. Что же дальше: "На 18-м километре дорога проходит мимо селения Чми, двигаясь вверх от которого по Саргомскому ущелью, можно подняться на Санибанский перевал, ведущий в Санибанское ущелье к перевалам МИФИ и Чач. Из Санибанского ущелья можно попасть в Геналдонское и в Даргавскую котловину. От селения Чми есть дорога в Джераховское ущелье—к курорту Армхи." Я был прав, приехали к месту, где в прошлом году открылся нам пищевой рай. Это в точности зеркальное отражение "проигранного" маршрута. Вот почему оно заканчивается фразой: "Из ущелья перевальные маршруты ведут в долину реки Кистинки." Той самой Кистинки, ещё описанной Г.Радде, что была нашим неиспользованным ключом к Хевсуретии. Но вехи пути правильные.

Там в библиотеке, при свете лампы с зелёным колпаком, поглядывая в мятые листочки с прошлогодним описанием дороги, ругал я себя беспощадно за легкомыслие при его подготовке. Вот же здесь всё есть! И карта приложена. Только вникай: "Северная Хевсуретия обычно называется в быту Пирикитской Хевсуретией. Ныне на картах это название присвоено хребту, отделяющему бассейн реки Аргун от одного из истоков реки Андийское Койсу — Пирикитской Алазани. Еще в 30-х годах были известны названия двух частей Хевсуретии: Пирикитская ("Лицом в ту сторону, потусторонняя") и Пиракетская ("Лицом в эту сторону, посюсторонняя"). Эти термины я тогда запомнил, но знаниями этими не воспользовался. "Ибо именно по хребтам, - продолжает автор, - разграничивающим обе Хевсуретии, и пришло из средневековья название — Пирикитский хребет,

разделяющий "посюсторонний", христианский, мир, от "потустороннего", где было определенное влияние языческой или мусульманской религии вайнахов и северо-осетин".

Карта, которую я раскопал в той же библиотеке, была крупной и подробной. Эх, будь она тогда под рукой, всё сложилось бы иначе! Как говорит мой умный друг: "Сожалеть никогда не поздно, но всегда бесполезно". Но опыт есть! Жаль, что он приходит после того, как мы в нём нуждаемся.

Второй блин

В конце июля группа из шести человек вышла на конечной станции из вагона поезда Москва – Орджоникидзе. В моей каман-дирской планшетке было два (два!) варианта маршрута разных категорий сложности. Хевсуретию называют ещё краем туманов. Погода здесь меняется трижды на день: от жары до града. В прошлый раз мы этого не ощутили. Но, как говорится: "береженного Бог бережет" и наличие запасного пути не помешает. Хватит авантюризма.

Мой вариант более лёгкий. Анатолий (ориентируясь на свои физические возможности) склонен к более сложному. Небо ясное, погода устойчивая и большинством голосов выбираем вариант Анатолия: по Чхерскому ущелью — к подножию Казбека, вдоль Бокового хребта к леднику Восточный Суатиси, в горный узел Тепли на родину Коста Хетагурова, потом к посёлку Казбеги, а там по берегу реки Чхери к Казбекской метеостанции на перевале Кеси и, наконец-то, к перевалу Шерхота (идти надо будет в связке, ибо перевал повышенной сложности). Не простой, но самый короткий путь.

Эти названия, возможно украшают повествование, но к сути рассказа имеют самое поверхностное отношение. Можно было бы не перечислять их, а просто сказать, что уже после двух трудных перевалов два участника не смогли продолжить движение по выбранному маршруту. Моя жена на спуске со второго перевала, переходя ручей, промочила ноги и не переобулась во время, а продолжала терпеливо двигаться в

общем ритме. В результате: сбила пальцы обеих ног до крови, до почернения ногтей. Хорошо, что из долины, в которую мы спустились, была автобусная дорога в Борисахо — большое селение на склоне горы, но уже с южной грузинской стороны. Но не отпустить же её одну. Как быть?

Выручил Додик. Он был и сам немного простужен и, опасаясь стать в пути обузой, охотно вызвался сопровождать Раю до Борисахо, чтобы там ждать группу, которая должна будет спуститься к селению. Такой вариант всех устраивал и, с обоюдного согласия сторон, решили разделиться. Снабдив «группу обходного маршрута» всем необходимым, мы расстались. Было тревожно за них, но люди вокруг были приветливы, а цивилизация хотя и слабо, но коснулась этих мест. Нас же ожидали ещё два тяжелых перевала до цели и столько же до Борисахо.

В новом составе группа двигалась быстро и вскоре мы почувствовали, что находимся (судя по проработанным матери-алам) в Хевсуретии. С перевала открылся вид нижней узкой и наиболее красивой части ущелья, поросшей смешанным лесом. Дно ущелья и река были завалены крупными гранитными глыбами. Они поблескивали на солнце вкраплениями слюды. Места эти изобиловали дикими турами, виртуозно скачущими с глыбы на глыбу. Порой, до того как скрыться в ущелье, они замирали, гордо подняв голову с велико-лепными рогами. Пару раз такие мгновения уда-лось зафиксировать на фотоплёнке.

Выше по течению долина поворачивала к югу; граниты сменялись аспидными сланцами, придающими местности характерный черный цвет. Тропа по ущелью весело и чётко бежала вдоль ре-ки по ее правому берегу. Селения были редки и располо-жены высоко в горах. Некоторые из них, отмеченные на нашей подробной карте, уже не существовали. Встречались небольшие заплатки посевов и луга на которых паслись стада баранов и овец, охраняемые огромными мохнатыми овчарками. Собаки людей не трогали и без толку не лаяли. Хевсуры в своих длинных до колен рубахах, с мешко-подобными пачичи на ногах или в кожаных лаптях (кала-бами) даже в поле за работой не расставались с кинжалом и

винтовкой, которая у некоторых косарей просматривалась за спиной. Признаюсь: вид их мрачных незаинтересованных лиц вызывал некоторое душевное смятение и подавлял желание вступать в переговоры. Судя по настороженным косым взглядам, туристы здесь редкость. Мы тогда не знали, что рассматривать незнакомых людей, а тем более заговаривать с ними, у хевсур считается верхом неприличия.

Идём по ущелью. Оно то расширяется, то сужается. Горы становятся все выше и выше. Возле одного селения проходим мимо подобия языческого капища, в углублении которого высечено на камне какое-то изображение. Внутри, сложенной из камней часовни, котел для варки пива и очаг. У каждого селения имеется своя "икона". Я читал, что священников в Хевсуретии заменяет хевис-бери (монах ущелья). Эти сведения, почерпнутые ещё во время прошло-годней подготовки, пригодились только теперь.

Неожиданно внимание привлёк всадник, в привычном для городского глаза, синем трикотажном тренировочном костюме с "пузырями" на коленках.. Он выглядел настолько дико на фоне гор и своих соплеменников, что мы не сдерживаясь стали кричать "гомарджоба, генацвале!", полагая, что наш грузинский язык послужит паролем для общения. Всадник подъехал и спешившись представился по-русски: "Датико, студент Тбилисского института иностранных языков. Приехал на каникулы к тётке." Он был коренаст, сероглаз, и круглолиц. Это было первое близкое общение с хевсуром и мы попросили Датико познакомить нас с жизнью и бытом его семьи. Он охотно согласился. Видно было, что он, городской парень, изнывал здесь от свирепой скуки и наше появление было для него просто спасением. По дороге он рассказал, что тётка по имени Мзекала (солнечная девушка) живёт с двумя дочерьми. Мужчин в дощ нет. Муж её по иб о труки «кровника» (месть за какое-то давнее убийство) два года назад, поскольку у хевсуров месть по отцовской линии распространяется до пятого колена. Женщины сами ведут хозяйство, а он на время каникул приезжает им помочь. Пока Датико разглагольствовал о воинственности и избранности хевсур, мне пришла на память мысль высказанная Шкловским

в его книге, гласящая о том, что «ури» - по-грузински еврей. Большинство хевсурских фамилий заканчивается на это «ури» (фамилия Датико - Гегаури).

Водопой до «раздвоения» группы

Есть предположение, что рыжеволосые хевсуры – каким-то образом являются родственниками прародителя Авраама. Это предположение ничем более не подкреплялось. Но кто бы мне объяснил, как получилось, что грузинское "кала" (кали) – девушка, точная копия еврейского "калэ" – невеста?

Тропа уходила от основного ущелья в глубокую теснину. На горе, среди чахлой травы, паслись небольшие поджарые коровы, легко передвигающиеся по довольно крутым склонам. "Коровы у нас особенные, - продолжал свою лекцию учёный хевсур, - Они дают молоко шестипроцентной жирности. Никто их не пасёт. Они знают свой дом, как собаки, и приходят к вечеру на дойку и ночлег" .

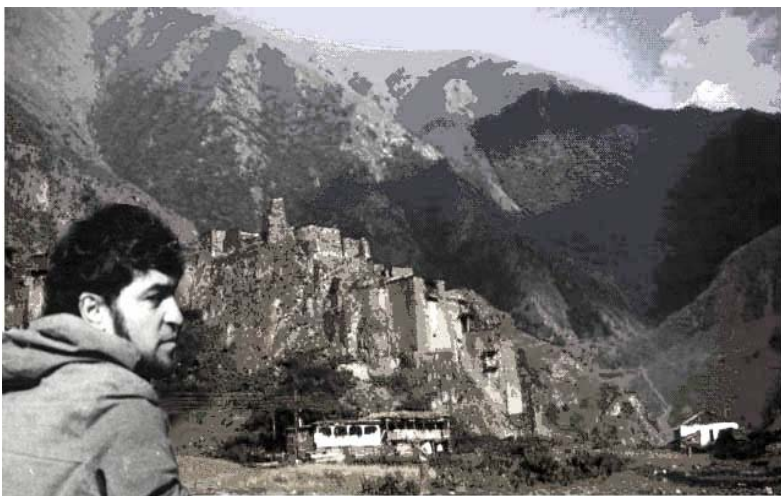
Жильё, к которому вела нас тропа, издали напоминало ласточкино гнездо. Оно, прилепившись к скале, удерживаясь

на ней каким-то непостижимым образом. Подойдя ближе мы увидели, что дом (если это сооружение можно было назвать домом) был выполнен в трёх уровнях. Самый нижний – это небольшой хлев со стойлом для коров. Его крыша служила площадкой для второго жилого уровня. Третий уровень имел только крышу и продувался всеми горными ветрами. Там хранилось что-то, оказавшееся при ближайшем рассмотрении, "верёвками" вяленного мяса, тюками шерсти и складом сена. Мух на мясе не было. И как обнаружилось позже, не было их и в доме. "Они же не орлы, - решил я, - и так высоко не залетают".

Тропа, по которой свободно мог проехать всадник, минуя хлев, поднималась ко второму уровню, где нас встретила неопределённого возраста, сильно "ухоженная" жизнью, женщина в телогрейке и длинной до земли юбке. На ногах некое подобие калош, называемых на Украине "чуни". Седые волосы убраны под повязку, или даже скорее кольцо материи. "Вот так Солнечная девушка", - подумал я, угадывая в женщине хозяйку дома Мзекалу. Мы поздоровались. Порусски она не говорила и Датико переводил какие-то куцые сведения о каждом из нас, почерпнутые им по дороге к дому. Она что-то бысто и взволнованно отвечала ему, кивая нам и жестами приглашая в дом. Пока мы сбрасывали рюкзаки и как-то размещались на довольно большой площадке перед входом, Датико переводил тёткин монолог: "Она рассказывала, что 35 лет тому назад, когда она была молоденькой девушкой, к ним в дом приезжали московские писатели. Говорили, что один из них потом написал об этом посещении книжку". "Господи! Да это же был Виктор Шкловский!", - догадался я. Тридцать пять лет этот медвежий угол никто из чужих не посещал. Мы первые после москвичей.

Хозяйка кликнула дочерей. Они успели приготовиться к появлению перед гостями. Сначала вышла младшая. Имя её созвучно нашему знакомому Соня, но как точно уже не помню. Встреть я её в городе, да в обычной одежде, скорее всего признал бы в ней украинку. Вот только рыжеволоса. Немного вздёрнутый небольшой нос, серо-голубые глаза,

круглое румяное лицо и милая смущенная улыбка. И тоже ни слова по-русски. Одета весьма экзотично. Головной убор похож на материнский, но расшит цветным крестиком и инкрустирован небольшими монетками старинной чеканки. Безрукавка напоминает украинский "кептарик": черная ткань с вышивкой и теми же монетами на груди и на рукавах, одетой под ней рубахи, длинная юбка и на ногах вязанные толстые разноцветные носки с пришитой подошвой из мягкой кожи. На шее – монисто. В основном, монеты серебряные, старинные. Но "прорехи" заполнены гривенниками двадцатых годов. Старшая дочь хозяйки высокая стройная с типичным лицом грузинки, нос с горбинкой, глубокие чёрные глаза и плотно сжатые губы. Девушки охотно позировали: то с отцовским мечом, то за прялкой, а то и просто на фоне сурового хевсурского пейзажа.. Нина, с помощью Датико, их как-то «разговорила» (и это при полном отсутствии общего языка) и, как историк, что-то записывала для памяти

Одно из хевсурских селений и автор образца 1970-го года

Если честно, то горы Хевсуретии подавляют. Буквально за домом виден один из самых трудных перевалов — Датвисджвари (в переводе: медвежий крест). Сбоку высится снежная вершина Чаухи — одной из самых высоких вершин

Хевсуретии. Местами лежит снег. Солнце садится и становится холодно, а всего час-полтора назад мы не знали, куда деваться от жары.

Дом стоит недалеко от сторожевой башни. Её посещение отложено на завтра. А сегодня идёт подробный осмотр дома. Внутри хевсурское жилище очень бедно. Снаружи, под навесом, сушатся какие-то кожи и травы.. Внутри, посреди довольно большого помещения, очаг. Пол каменный. Стены обмазаны тёмной глиной. Ни фотографий, ни картин. Вещей почти никаких нет. Кровать похожа на тюремные нары, на которые брошены разноцветные тряпки. Но зато имеется множество медной посуды: тазы, котлы и т. п.

Готовим совместный ужин. Наша хозяйка в свете очага похожа на кол-дунью. Очаг немного дымит, но запах венгерского концентрата перебивает все прочие запахи. Тут же пекутся лепёшки с сыром ("хинкали"). Их подают к столу вместе с миской топлённого масла и кувшином ледяной воды. Как писал Виктор Шкловский : " От такой пищи все хевсуры поголовно страдают гастритами. Наш гуляш имеет у хозяев грандиозный успех. Мы же наваливаемся на лепёшки, но запиваем их душистым чаем с сахаром, тем самым избегая гастрита.

Следующий день, опять же при помощи Датико, посвящаем изучению окрестностей. Осмотрели сторожевую башню. Она построена капитально из мощных гранитных глыб и действительно сторожевая. Сквозь бойницы простреливаются все подходы к дому. Толик страдает, что мы не добрались до Шатели. Там таких башен – пруд пруди, а сам аул считается столицей Хевсуретии, хотя находится за перевалом. Есть надежда посетить его и город мёртвых Анатори. Это по пути к Борисахо.

Датико рассказывает, что тёткина семья при наличии восьми коров и четырёхсот баранов считается бедной, ибо у них нет лошади. А продукты (масло, мясо, шерсть) надо везти через два перевала, которые без снега только в Августе. Семья арендует лошадь у соседа. Они отвозят столько, сколько унесёт лошадь и возвращаются с солью, спичками и мукой. Рассказывая всё это, Датико бродит по двору и демонстрирует

нам фрагменты ржавых доспехов погибшего хозяина: налокотники, кольчугу, щит (он отделан изнутри кожей) и обычно крепится на спине, а главное - палаш. Он в прекрасном состоянии и о нём разговор особый.

Приведенные ниже знания я почерпнул в библиотеке до похода и выписал их в отдельную книжицу. Цитирую: "В былые времена в состав конвоя русских императоров, посещавших Кавказ, входили конные хевсуры. У хевсурского палаша клинок прямой и закругленный на конце, головка рукояти загнута к клинку в сторону лезвия, а перекрестье имеет форму персидского крыжа, оно такое же, как и на казачьих клыках. Оружие предназначалось только для рубки." Вот такой палаш я и держал тогда в своих руках. Видно было, что ножны палаша делались на месте, в горах. Деревянные ножны были обтянуты кожей, имели большое количество медных поперечных накладок, были украшены серебряной чеканкой, чернью и филигранью. Весьма своеобразной была португеза палаша. Датико надел её и оказалось, что палаш висит на ней очень высоко (не у бедра, как обычная кавказская шашка, а у талии; рукоять, таким образом, оказывается на груди). Ремень португезы покрывался чеканкой ("чешуей" из серебряных пластинок). В книге о палашах, которую я читал, говорилось, что на них часто встречаются клейма знаменитых на Кавказе "гурды" и "волчка", которые по-хевсурски назывались "перу-ли" и "прагули". Хевсуры не без основания считают эти клинки европейскими и очень старинными. "Прангули" может звучать как "франгули".

На мече его погибшего хозяина, был выгравирован волк, что указывало на франкийское происхождение оружия. Бог весть, как попал он в Хевсуретию. Анатолий загорелся: "Куплю!" "Два барана", - сказал Датико. "А сколько стоит два барана?" - был резонный вопрос. Оказалось, что их стоимость равна месячной зарплате младшего научного сотрудника, каковым Толя и был в тот момент. Он загрустил и от покупки отказался. Спустя несколько лет, став уважаемым старшим научным сотрудником, несказанно жалел о несостоявшейся сделке, но в поход за мечом так и не отправился.

Утром следующего дня за завтраком Сони не было. Женщины шепнули мне, что она находится в отдельном помещении, называемом "боссели", или что-то в этом роде. Хевсурские женщины в "нечистые" дни скрываются там, получая пищу через специальное окошко.

Позавтракав, распрощались с хозяевами, оставив им на память весь запас супа-концентрата, так полюбившегося им за дни нашего гостевания. Датико показал нужную тропу ведущую к "городу мёртвых". Мы долго трясли друг другу руки, приглашали в гости и обменивались адресами, заранее понимая бесперспективность этой затеи.

Хевсуретия и в этот год баловала нас погодой, и через несколько часов замаячил покинутый город Анатори. Судя по массивным кладбищенским плитам, здесь жили талантливые мастера. Узорные надписи чередовались с цветными картинками святых. Как они простояли века на открытом воздухе не потеряв цвет? Чудо, да и только. Вдали, за домами сложенными из отёсанных камней, виднелись странные постройки. Некое подобие бункера, где проём служил и окном и дверью. Сюда, более века назад, приходили умирать люди, заболевшие странной неизлечимой болезнью. Их отделяли от здоровых, расселяли в этих "каменных мешках", подавали в окошко пищу. "Как в боссели",- подумалось мне. Однако, когда стали умирать и приносящие еду, затею с кормёжкой бросили и обре-ченные умирали от болезни и голода, сменяя на нарах мёртвых. Солнце светило ярко и сквозь проём в "бункере" видны были груды костей и черепов. Было много и детских. Мы поспешно ретировались подальше от страшного зрелища и долго потом плескались в ближайшем ручье, страшась брать пищу в руки.

Вдали над Шатили поднимались горы главного Кавказского хребта в искристых шапках снегов. Сверху было видно, как во все стороны разбегаются ущелья, с весёлыми горными речками. В центре села белела часовня. Времени было мало. Решили к аулу не спускаться, дабы не терять высоту. Сверились ещё раз с описанием и двинулись к перевалу с которого предстояло спуститься к Борисахо. Чем ближе к цели, тем явственнее шевелилось запрятанное в

глубине души беспокойство: "Как там наши? Как добрались? Как себя чувствуют?"

Примерно через час движения по ущелью подходим к пастушьим кошам, откуда идет тропа к перевалу. Через час подъема по склону тропа теряется в осыпях. Но этот факт не вызывает никакой тревоги. От этого места в гребне хорошо видны три понижения, из которых центральное — седловина пере-вала расположенного в хребте между остроконечными вершинами. Здесь уж точно обмана не произойдет.

Спешим. Сегодня 10 августа и мы обещали Рае, что в день её рождения будем в Борисахо. Идти легко. Рюкзаки "похудели". В потухших кострах захоронили мы пустые банки от консервов, запасы концентратов тоже иссякли. Бежали с горы налегке. Вот и дорога. Вот и попутная машина. За час докатили до первого здания посёлка - ветеринарного пункта. Наши "отщепенцы" уже ждут, бегут навстречу и радостными криками приветствуют нас. Все, слава Богу, живы и здоровы.

Ниже пойдёт уже совсем другая история, а эту позвольте закончить песенкой написанной после похода, по возвращению домой, ставшей иллюстрацией к слайдам при "разборе полётов" в один из пасмурных осенних вечеров в родном городе.

Я сам себе казался нищим
До того, как здесь бывал.
Кто такую красоту
Про запас наворовал?
Непогода нам – не горе!
Бродим в россыпях хребтов.
Сам Господь запутал горы –
Не распутает никто.
Эти дома подобны гнёздам,
А говорок – что птичья трель.
Подо мной роились звёзды,
Хочешь верь – а хошь не верь!
До сих пор остры кинжалы
И в зазубринах щиты,
Из-за тех девчонок шалых,

сутулый грузин с печальными еврейскими глазами и абсолютной лысой головой. Но Теймураз не был здесь авторитетом. Это стало видно, когда в доме стали появляться гости. Группа попала прямо с порога за стол. На нём уже дымилась в большой белой миске варёное мясо, лаваш дразнил свежим запахом и, как это ни банально звучит, рот непроизвольно наполнился слюной и руки сами потянулись к свалившемуся на голову (точнее в рот) избытку. Стол был огромен. Он занимал всю, довольно большую, комнату. Накрытый куском белого полотна (и такое водилось в хозяйстве Вахтанга), он был уставлен тарелками со знаком "Общепит". Вилки, ножи и ложки отсутствовали, но стаканы были. Гранённые и, наверняка, тоже общепитовские. Ели руками. Какое средневековое удовольствие, взяв в руки огромный свежееотваренный, пахнущий пряностями, кусок мяса, вонзиться в него голодными зубами и, утирая губы корочкой лаваша, болтать без умолку о только что пережитых трудностях.

Народ прибывал, заполняя комнату гортанными криками, топотом ног и звоном бутылок. Выглядело это так: вошедший держал между растопыренными пальцами рук по четыре зелёные бутылки в каждой. Вино называлось "Саэро", что по-грузински означает "Воздушное". Оно и было таковым. На вкус слегка сладковатое, немного тёрпкое, белое, лёгкое, явно не креплённое. Была и водка со странным названием "Мандариновая". Кроме наших, иных женщин за столом не было. Внесли огромный эмалированный таз свежеежаренного шашлыка. Нарезанные крупными кусками помидоры с голубым луком завершали картину этого пищевого разврата.

Вахтанг встал. По тишине, повисшей в комнате, можно было судить о степени уважения к этому человеку. "Друзья, - сказал он, мы отмечаем сегодня день рождения нашей гостьи, мы приветствуем в нашем доме её саму и её смелых мужественных друзей. Они пришли в наш дом с открытыми сердцами, с сердцами наполненными любовью к нашей родине – Сакартвелло. Они пронесли эту любовь по прекрасным и трудным тропам нашей страны, по дорогам наших дедов. И за это им спасибо!" Он говорил ещё долго и

цветисто, а по нашим уставшим телам разливалось "Воздушное" великолепие вина, которое невозможно вывезти из мест его приготовления. Вы можете мне возразить, что пивали эту кислятину. И будете правы. Таким становится этот божественный напиток даже при самой нежной транспортировке. То что мы пили, разливалось прямо на месте в бутылки из бочки, куда оно попало непосредственно в момент приготовления. Путь этого вина до стола был не длиннее пути до ближайшего виноградника. Воды на столе не было. Всю пищу запивали вином. Голова была чиста и прозрачна, руки успешно наполняли стаканы и легко доносили их до жаждущего рта. Всё что располагалось немного ниже, хозяину не повиновалось. Пили за матерей и отцов в отдельности. За братьев и сестёр поименно. Пили за Родину и за землю дающую принимаемую пищу. И вдруг! Вы любите это: "и вдруг"? Я нет. Хорошо сидеть без всяких "вдруг". Но оно произошло само собой, потому что встал худой грузин с горящими глазами и не сказал с подобающим достоинством, а выкрикнул: "Тост Экстра! За Сталина! Пьем стоя!" Стало тихо. На дворе был 1970 год. Сталин уже сменил место успокоения и его поклонники мог-ли только морозными московскими днями наблюдать на мавзолее седую тень букв: "Ленин-Сталин". Но мы были в Грузии. В далёко м по ёлке Борисахо, где кроме Вахтанга и власти то не было. Ни пить, ни вставать не хотелось. И не только потому, что не держали ноги. Хорошо было тем хитрецам, которые подложив руки под голову лежащую на столе, сквозь веки поглаживали на происходящее. Я тогда не подозревал об этой уловке людей, которые не могли или не хотели больше пить. Лежачего не бьют, точнее: лежачему не льют. В звенцей от вина голове, крутилась какая-то спасительная витиеватая фраза, но не успела она оформиться в действие, как не вставая, громко и трезво сказал Толя: "Я за это пить не буду! У меня пол-рода вымерло в лагерях." Что тут началось! Чтоб достоверно воспроизвести картину, нужна рука большого мастера, каковой я не обладаю. Шум стоял такой, что взвыли овчарки во дворе и заблеяли овцы в соседней деревне. На ум пришла классическая фраза из "Двенадцати стульев": "Сейчас будут

бить!" Выручила Нинка. Пьяная в дрободан, она своим учительским умом отыскала подход к расшалившимся не в меру ученичкам: "Давайте, - сказала она своим хрипловатым от курения голосом, -Давайте выпьем за то хорошее, что успел сделать этот противоречивый человек!" Я не уверен, что её поняли до конца, но тост всем понравился и, кто стоя, кто сидя, выпили, и дальше застолье потекло по накатанному руслу, а оратор-зачинщик тихо лёг лицом на стол и устало прикрыл голубые веки.

Потом надо было как-то добраться до палатки, установленной за домом. Организм отказывался служить, всё плыло и качалось, но соображалка работала. "Пойдём к ручью,- трезво попросил я жену, - там холодная вода". Легко было сказать: "пойдём". А чем? Всё что ниже пояса – дрова. Как она меня тащила к ручью и отмачивала – стыдно, но помню. Дальше- звонкая тишина. Проснулся, когда сквозь тент палатки припекло солнышко. Все ходили мятые, хмурые, в волосах солома... О том, как огромный Теймураз баюкал на руках маленькую Нинку и отпаивал лошадиными дозами валерьянки (а он других доз и не знал), рассказывали самые стойкие очевидцы. Может и ввали, но им приходилось верить на слово, ибо остальным было не до фотоаппарата.

Поблагодарив Вахтанга за гостеприимство и взяв у него тбилисский адрес, я повёл группу к автобусной остановке. Надо было добираться до Тбилиси, а оттуда до Сухумми для воссоединения семей (термин более поздний, но в данной ситуации уместный). "Спасибо этому дому,- сказали мы, а подумали: пора к своему".

О дороге к морю, авантюризме и родительской любви.

Автобус ждали долго. Уже шевелилась мысль: "А не вернуться ли к вчерашним баранам?" (точнее: баранине), когда он появился в клубах пыли, громяхая корпусом и нутром, эдакая колымага из фильма "Место встречи изменить нельзя". Наверное этот автобус спустя девять лет и притащили на московскую студию. На его грязно-голубых пыльных боках

кто-то пальцем написал маршрут посылающий на... "весёлое короткое слово". Мы ему не поверили, ибо знали, что это единственный в Борисахо автобус, идущий не туда, а в Тбилиси. Автобус был пустой. Он оставался пустым и через час езды уже по асфальтовой дороге. Зная по опыту любовь местного населения к перемещениям, внезапное исчезновение народа с хурджинами, вызывало единственный вопрос: "Что случилось?" Он и был задан водителю. Тот покосился на наши возбуждённые лица и мрачно пошутил: "Холера..." "Ну и глупо, - подумалось мне. – Нашёл чем шутить".

В город такой автобус не пускали. И правильно делали. Нечего дискредитировать солнечную Грузию. Водитель остановил его где-то на окраине, высадил нас и поехал обратно порожняком. До вокзала надо было добираться на общественном транспорте. Решили сначала перекусить. Отыскали столовую. В прокуренном зале сидело несколько мужчин, а на двери, ведущей в соседнее с залом помещение, на листочке бумаги было написано по-русски : "Для женщин". Мы не вняли призыву и, презирая дискриминацию, уселись за общий стол предварительно набрав у сердитого вислоусого повара всякой еды. Хлеб был белый и пушистый, еда недорогая и вкусная, но острая до коллик. Однако, голод взял своё. Подкрепившись и отдышавшись, поехали на вокзал. Увиденное заставило поверить «шутке» водителя. Никто никуда не уезжал. Потому, что не пускали. За Тбилиси начиналась зона холерного карантина. Холера была в Одессе, но паника самостоятельной ласточкой летела по всему черноморскому побережью. Сухумми был отрезан. Эмма с детьми там, мы здесь. Кассы вокзала закрыты. Начальник вокзала где-то прятался от разъяренной толпы. Кто-то слышал, что билеты будут давать по прописке в паспортах только в города без карантина. И действительно, кассы открылись и москвичи, ленинградцы, киевляне мои земляки и другие "чистые", выстроились в очередь, размахивая спасительными паспортами. Мы могли ехать домой. А как же Эмма, дети? Они же в Сухумми. Мысль работала лихорадочно. Обидно было после победы вляпаться в такую историю. Я, разложив на полу карту, искал обходные пути. Вот здесь пролегла

граница карантина. Вот пункт где есть выход на Военно-Сухумскую дорогу. Всего два небольших перевала и мы на ней. Но уйдёт много времени. Да и билеты нам пока не продали. Стоим в очереди в кассу. Подходим, наконец к окошку. Тычу кассирше наши паспорта и маршрутный лист. "Я везу группу в горы. Мы не можем сойти с маршрута. Дайте билет до Очамчиры. Там мы выйдем и уйдём на перевал", - выпалил и жду реакции. "Пусть начальник вокзала даст разрешение", - рыкнула она и перед носом захлопнула окошко. Паспорта там, мы здесь, начальник вокзал неизвестно где. Как быть? Шарю глазами вокруг себя. За кого зацепиться? Под стеночкой молодой парень в кепке-аэродроме сидя на чемодане читает газету. Присмотрелся: газета на грузинском. Подхожу к нему. Протягиваю наш маршрутный лист "зашлёпанный" печатями почтовых отделений тех мест, где пролегал маршрут, точнее, где по дороге попадалась почта. "Можешь, - спрашиваю,- написать по-грузински одно слово?" Он смотрит вопросительно. "Вот здесь,- показываю пальцем, - одно слово: "разрешаю". Он всё понял, засмеялся, кивнул и размашисто по-директорски что-то написал. "Спасибо, друг",- сказал я, поставил дату, и сняв с парня ответственность, сам черкнул закорючку подписи и помчался к кассе. Нетерпеливо постучал, В открывшееся окошко ткнул свою фальшивку. Кассирша глянула на меня испытующим взором и вновь его захлопнула. "Ну, всё!"- запаниковал я, - "Раскусила. Ведь знает, что начальник вокзала недосыгаем. Его ловит большая грузинская семья, спешащая на похороны в Гудауты. Об этом толкует вся вокзальная публика". Окошко не открывалось долго, целую вечность. Наконец оно распахнулась и кассирша назвала какую-то пустяковую сумму. Я нервно ткнул ей деньги, схватил билеты и паспорта и, не дожидаясь сдачи, полетел к нашей группе обреченно сидевшей в тени деревьев в ожидании приговора. "Есть!"- выдохнул я,- До Очамчиры. Поезд Тбилиси- Москва. Отправка через три часа." Меня потискали, обцеловали и потащили к камере хранения сдавать вещи. Потом бродили по городу, не изведавшему вокзальных тревог. Шутили, вспоминали смешное объявление по вокзальному радио. Диктор, голосом полным достоинства,

объявил: "Товарищи отъезжающие, помните, что московское время отстаёт от тбилисского на один час." Там, в состоянии напряженного ожидания, мы не почувствовали юмора этой фразы, а сейчас хохотали, как ненормальные. Не успели отсмеяться, как Толик показал нам вывеску на стене помпезного здания. Она золотом гласила: "Институт по изучению проблем борьбы с большим еловым лубоедом". Мы не знали, кто такой лубоед, но такого приступа смеха я никогда не испытывал. На нас удивлённо оборачивались прохожие. "Не борьбы! Нет! Изучения проблем!!!",- захлёбывался смехом учёный Толик. Смех был нервный, но зато уже не смущала ни поездка, ни предстоящие трудности горного броска. Главное – мы едем! На улице Шота Руставели в фирменном магазине была непредусмотрительно закуплена дюжина бутылок марочного вина, которые предстояло тащить через перевалы. Глупо, конечно, но ничего, нет страшного. Прорвёмся!

К поезду пришли заранее, нашли свой вагон. Пассажиров, кроме нас не было. Улыбчивый проводник покрутил в руках наши билеты и подмигнув вернул: "Садитесь, дорогие!" Вагон был плацкартный. Мы прошли в свой отсек, растыкали по пустым полкам рюкзаки, разложили заготовленные продукты и принялись жизнерадостно уплетать их, при этом изучая карту предстоящего броска через горы. Поезд вскоре тронулся. В вагоне прибавилось ещё пару человек. И всё. Вспомнив, как подмигнул проводник, предлагаю: "Ребята, а не угостить ли винцом нашего хозяина?" С устным приглашением отправили наших дам. Они вернулись со стаканами и ответом: "Сейчас будет!" Проводник пришёл, по-свойски со всеми перезнакомился и весело спросил: "Куда едем, ребята?" Я ответил дипломатично, мол в билетах всё написано. "Хорошо, - улыбаясь согласился он.- Спросим иначе: Куда надо?" Он был тёртый калачик, и всё понял ещё до того, как мы ему протянули билеты. Очевидно таких умных как мы было не мно ю , но уже были. Тер ять было нечего . Выпив по стакану вина, раскрыли все карты. "Значит так, ребята, пограничный контроль карантина может сесть до или после вашей станци. Когда – никто не знает. Ложитесь

спокойно спать. Если они сядут до неё - вас не тронут. Если после – точно снимут с поезда и пойдёте своей дорогой. Если проскочим Очамчире - довезу вас до Сухумми. Договорились? Спокойной ночи."

Мы уснули сном миссионеров, справившихся со своей задачей, впервые, за последние две недели, на белых простынях. Проснулись уже в Сухумми. Карантинный контроль, по словам проводника, прошёл до Очамчири. Нас не побеспокоили. Повезло. Душевно распрощались с нашим благодетелем и вышли на мирный сухумский перрон. Было тихое южное утро. Город о карантине понятия не имел. Он жил своей обыденной курортной жизнью, в которую мы немедленно включились. Через час добрались то турбазы, где отдыхала Эмма с детьми. Долгожданное воссоединение состоялось и все со счастливым хохотом и визгами окунулись в "заразные" волны Черного моря. Больше с билетами проблем не было. На электричке доехали до станции Псырцха (под Новым Афоном). В давно знакомом месте, на берегу моря под кипарисами, поставили палатки. Отпуск сладко катился к финишу. Недельку позагарали – и домой!

А, оказывается, реванш - приятнейшая штука .

Февраль, 2005 год
USA, Wheeling

I am just Looking

*"... Рассказ
советского человека о
своей поездке за
рубеж с читателем
не сближает."
(Из
народного опыта)*

Проектируя эти воспоминания о первой поездке в Америку, написанные двадцать два года назад, на страну в которой я живу сегодня, вызывают у меня чувство щемящей тоски и жалости по той Америке, в которую я приехал в 1991 году. И одна мысль не покидает меня, когда я перечитываю пожелтевшие от времени страницы: "Неужели изменения в стране необратимы?" Несколько наивный взгляд на Америку, которой уже нет, греет сегодня моё сердце, помогая как-то удержать в нём умирающую Надежду...

"... Я только смотрю", - увы! Это самая распространенная фраза гостя из России, образца восьмидесятых - девяностых (я имею ввиду "рядового" гостя) при общении с предупредительным американским сервисом. Но в этих воспоминаниях речь пойдёт не только о покупках, которые тоже нужны. Ведь настанет же момент встречи с родными и близкими, и почему бы не услышать радостный визг при появлении заморских разностей их чемоданных недр? А пока я только смотрю и не предпринимаю каких либо серьёзных действий для проявления восторга моей родни, исчерпавшей до донца наш скромный бюджет, дабы дать мне возможность посмотреть в глаза Статуи Свободы, посидеть в Нью Йорке на лавочке рядом с "вечным клерком" из темной бронзы, выступить на фестивале в Чикаго... Однако, всё по порядку.

В январе 1991 года я получил с оказией приглашение от оргкомитета Фестиваля Русского Искусства в Чикаго.

Организатор JCC (Jewish Community Center) - Еврейский Культурный Центр. В этом некий парадокс американской жизни, недоступный пониманию "русского патриота". Фестиваль по счёту второй. Первый был в 1989 году и понравился не только организаторам, но и публике. Очередной фестиваль был назначен на 25 - 27 Мая 1991 года. Приглашение на английском и грамотном русском языках, вселяло надежду на встречу с представителями русской культуры на далёком континенте, где как и у нас, ассигнования на культуру невелики. Поэтому, предлагается прибыть на Фестиваль за свой счёт. Некая компенсация расходов может быть получена от продажи пластинок, книг, буклетов, картин и пр. Помощь по продаже обещана. Условие - отчисление от продажи - 15 процентов комиссионных. Знакомьтесь: It's America!

Имея на руках две живые мо и пластинки, выпущенные Всесоюзной фирмой грамзаписи "Мелодия", и на подходе третью - я решаюсь на эту авантюру, не подозревая о предстоящих трудностях, не понимая эфемерность самой затеи при таких сроках, не зная, что приглашение официальной силы для властей не имеет. Но оно есть! И это пока для меня главное, а остальное дело времени (его не много) и денег (их, практически, нет). Но, если с первым ещё как-то терпимо, то со вторым... И это, учите, только январь. Мои сверстники знают, что впереди апрель и "павловская" реформа цен. Впереди адская бюрократическая машина, называемая ОВИР, родной Аэрофлот (свеклу ему в сопло!), посольство США и моя очередь №11786. А Фестиваль в Мае. Но мне пока хорошо. Неведение - сладкое снотворное. Мечты, слава Богу, бесплатно, а творческий импульс уже получен. В феврале уже пою новую песню о моей грядущей поездке - "Старт". Я раньше никуда из страны не выезжал, утешая себя тем, что великий Пушкин тоже был "невыездной". Заграничного опыта - ноль. Поэтому, как мне показалось, произведение моё изобиловало немислимыми экзотическими излишествами. Но самое смешное, что всё изображенное, оказалось именно таким, каким его "намечтал" автор.

С печатью бумага, бодяга, передряга,
Поклонниц ватага (еще один барьер)
Под сень чужого флага седеющий бродяга
В бандитский Чикаго летит из эс эс эр.

Счастливо, счастливо!
Вот баночное пиво,
Оранж из Тель Авива,
А это только старт.
Простите, Бога ради,
Лечу, весь опыт сзади,
И "бомбу" в шоколаде
Вручает мне стюард.

Сосед кивает: граци... Мы ж, дети разных наций,
Боимся провокаций и, пристегнув ремни,
Стремимся, что резонно, добраться до Гудзона,
А здесь моя персона "нон-грата" - извини!

Пол-шага до шмона,
От зоны - до ОМОНа,
От тупости купона
До "Коки" за мерси...
Крещу живот интимно
Под плач родного гимна,
Прощай, мой город дымный,
Селедка "Иваси"...

Прощай, на сахар норма, платформа и реформа,
И доза комбикорма, менты и Бэ Тэ Эр,
И мафия, и рента, и рожа президента,
Все сложности момента - короче: эс эс эр!

Цепная забота
"Надежды и оплота".
Всем из тебя охота,
Хоть локоть укуси...

Прощайте эврибади!
Проблемы где-то сзади,
Улыбка на фасаде
И убраны шасси!!!

Если честно, то оглядываясь назад скажу, что приглашение на Фестиваль сыграло лишь роль "катализатора" в моём дремлющем сознании. Бумажка и впрямь, не взирая на её художественное оформление, не имела никакой законной силы. Однако, желание попасть на Фестиваль было столь велико, что мне ничего не оставалось, как прибегнуть к помощи моих американских друзей, приславших мне и моему другу Мише Розенталу, частное гостевое приглашение. Я считал (и не без основания), что вместе с Мишей (он альтист, аранжировщик многих моих песен, аккомпаниатор, участвовавший вместе со скрипачом Борисом Магальником в записи первых трёх моих пластинок на фирме "Мелодия") мы будем ярче звучать на Фестивале. И начался марафон: паспорт, посольство, авиабилеты. Мне повезло. Моя "лошадь", не без помощи пробивного сотрудника из моей "конторы", пришла к финишу впритык. За три дня до открытия Фестиваля Русского Искусства 22 Мая я получил все необходимые документы и мог лететь в Чикаго. Миша не успевал. Его "дело" осело где-то в анналах ОВИРА, и этот факт тяжелым камнем упал на наши отношения. Для меня же фантастическая идея обрела плоть. Поездка стала реальностью. Видит Бог, я хотел в Чикаго показаться вместе с Мишей. Не вышло... Это отступление высвечивает ещё одну грань нашей омерзительной "совковой" жизни, когда продвижение бумаги ломает планы, отношения, а порой и жизни...

Обрывая руки чемоданами с пластинками и буклетами (весь мой багаж!), с практически пустыми карманами (30 наших рублей и 50 долларов США), направляюсь в Шереметьево-2. Заполняю лицензию. Как честный пассажир вношу в неё отчет о моих финансах. Мол имею 30 рэ и 50 дэ. Красивая, но злая, как мегера дама из таможни мои 50 дэ не пропустила. Не положено. Напрасно я убеждал её: "Сегодня не было валюты в банке, а "завтра" не было у меня. Деньги

пришлось взять в долг у доброго приятеля..." Но... не положено, ибо я "туда" впервые, а значит откуда валюта? Хорошо, что жена была рядом и мне милостливо позволили вернуть ей эти 50 долларов, а не конфисковали (что запросто!) для нужд слаборазвитых стран. Я пригрозил строгой барышне, мол вам за меня будет стыдно. Как же я в Америке, а в кармане ни цента! "Нам давно уже за вас не стыдно," - отпарировала прекрасная таможенница. И впрямь! Чего это я? Ведь верно: не стыдно... Не стыдно менять 1 : 30 (о, где вы сказочные времена?), не стыдно отбирать у туристов пустяковые сувениры, не стыдно у людей, уезжающих навсегда, отбирать серебряную ложку, изгрызанную первыми детскими зубами, из которой мать кормила малыша... Не стыдно... Почему американскую таможенню почти всегда интересуют только вес, габариты и наркотики? И где наша таможня добывает такие мрачные физиономии? Впрочем, вопрос чисто риторический. Из нас же. Из нас, родимых.

Ил-86 не "Боинг", но и не ТУ-154. Как сказал поэт: "Человеческой каши нажравшийся боров..." У меня 1-й класс. 5800 рэ (сравниваю с сегодняшними ценами и тихо за себя радуюсь). Особого кайфа от полёта не ловлю, но кормят, как на убой. Короче, как в песне "Старт". Поглядывая на тележки с алкоголем сожалею, что не пью. Заметьте: это мой единственный недостаток. Вина, шампанское, коньяк, водка - на выбор! Многие пассажиры, компенсируя затраты на билет, то и дело подзывают стюардессу. Беседы в салоне становятся всё оживленнее. Вот уже мой "тепленький" сосед вручает свою визитку. Ого! А я с ним рядом в 1 классе и такой обыкновенный... Даже неловко.

14 часов полёта. Многовато... Две посадки до конечной. Последняя в Нью Йорке. В канадском аэропорту дают "Пепси" "на шару". А на валюту в буфете есть ВСЁ! Но... я только смотрю. Фраза начинает работать. "Что вам угодно? Вам помочь выбрать?" Что тут скажешь: "No, no! I'm just looking!"

Нью Йорк. Аэропорт им. Кеннеди. Иду через контроль к выходу. Четко работает "вертушка" багажной службы. Вот они мои чемоданы. Целые. Легко прохожу таможенню. Отметка в паспорте и... Привет Новый Свет! Америка, а вот и я!

Молнией в мозгу - в кармане тридцатка, но советская! Три красных "дэжки" и несколько "квотеров"(монета в 25 центов) на телефонные звонки. Чикаго, где ты? Ау! Звонить, слава Богу, не понадобилось. Это сделали мои близкие из дома. Спасибо и Вам, мои милые эмигранты! Спасибо, Вам, мои друзья, близкие и далёкие. Меня встрѣчают! И вот я еду в "Форде". Бывший, но такой настоящий Юра Середа, математик., В США 1,5 года. Пока не работает, но судя по обстановке, живёт не плохо. Ясно одно - не хуже чем в Харькове. Сносная мебель, электронная аппаратура. Телевизор "Sony", магнитофоны видео и ауди, классные звуковые колонки... Юра объясняет: "Всё это "garbage", т.е. мусор. Свалка." Я слышал, что у нас тоже не плохая свалка, но такое... Эти вещи мы бы наживали всю жизнь и считались бы обеспеченными и счастливыми. А они - на свалку! А наши со свалки и в дом. И вот дом похожа американский и давно обжитой. Милые потёртости дивана или сломанная ножка кресла - не помеха для создания уюта. Работает air conditioning (кондиционер) - со свалки, refrigerator (холодильник) - со свалки... А там! Всё! Захлопните эту книжку. Не читайте, не вникайте, забудьте о перечисленных названиях продуктов и вин. Я вам это не говорил, вы меня не слышали. И отвлечёмся, лучше до прихода огромной партии гуманитарной помощи. Для тех кто не понял, напоминаю: на дворе 1991 год. Давайте попьём чайку. Без сахара, без марципанов. С сухариком. Да.... Страна контрастов - это не Америка. Это мы... Подопытные собачки Павлова с текущей слюной. Кирпичики для прорабов перестройки. Мы - работавшие всю жизнь "на дядю" за идею. Посланные на....

Я переутомился от полёта, от впечатлений. Разные пояса, Разные биоритмы. Такие разные страны... Хочу американский "гарбидж". Немножко им, немножко мне.... А теперь - спать. Раз, два, три... twenty-one, twenty-two ... Затемнение...

"Утро красит нежным светом стены..." нет, отнюдь не древнего Кремля, а нарядного особняка в районе Ocean Ave. в десяти минутах ходьбы от океана. Бруклин. Обитель Russian

immigration. Юра умчался искать работу. Его жена Таня предпочитает рассылать "резюме"(сведения о своих способностях и возможностях, типа трудовой книжки) и ждать. Мы завтракаем. Не обильно, но добротнo и качественно. Мне здесь хорошо. Но я же приехал на фестиваль! Занимаемся грустными подсчётами. Самолёт до Чикаго - 200 долларов. Поезд или автобус:120 - 150 долларов. А в Чикаго надо быть завтра! Каким образом - пока не знаю. Обратный билет у меня из Нью Йорка. В любом случае я сюда попаду только через месяц. Как сложится ситуация перед отъездом? Смогу ли я повидаться с родными, друзьями и знакомыми? Смогу ли я посмотреть Нью Йорк? Ответы на эти вопросы я не знал, поэтому попросил Таню показать мне для начала знаменитый Брайтон Бич, или, как говорят иммигранты "кусочек Одессы в Америке".

И вот мы на Брайтон Бич. Благо близко от места моего квартирования. На Одессу совершенно не похоже (а я себя считаю специалистом по Одессе). Разве что русская речь звучащая отовсюду, изобилует милыми моему сердцу "одессизмами", да барахло в витринах некоторых магазинов, приукрашено русским кичем. Надписи: "Здесь говорят по-русски" встречаются на каждом шагу. Магазин "Черное море": книги, пластинки, кассеты - всё "совок". Лекарство от ностальгии? Бизнес? Не похоже. В магазине пусто. Хозяйка мгновенно узнав в нас "своих", пропела сакраментальное : "Что вы желаете, что?" Да, отметил я про себя, - это уже Одесса". Но хозяйка оказалась из Львова. Разводим руками: "We just wanted to see..." - Мы только посмотреть. Интересуемся пластинками: "Идут?" Хозяйка машет рукой, делая кислое лицо: "А-а-а-а..." Понятно. Идём дальше. В этом ресторане поёт Вилли Токарев, а здесь - Миша Гулько. В Америке их популярность ограничена Бруклином. Стадионы они здесь не собирают... А вот специализированный магазин: пластинки, звукозапись... Заходим. "Русский шансон" придёт сюда позже, а сейчас целая стена отдана бардовской песне. Выходит хозяин. "Бабелевский" тип. Нечто вроде жениха Двойры Крик: "тщедушное существо с измятым лицом и жидкой шевелюрой", но более привлекательный. Он

нацеливает на меня двухстволочку своих миндальных глаз и говорит приятное: "Я вас знаю! Вы - Дикштейн. У меня были ваши пластинки. И знаете, хорошо разошлись" "То-то я из здесь не вижу, - интересуюсь: откуда?" Он поднимает указательный палец вверх: "Секрет фирмы!" "Знал бы ты, думаю я - твой секрет фирмы у меня в чемодане". Так подрабатывают "копейку" наши туристы, если удачно вычислят то, что пользуется спросом. Сегодня хозяин готовит кассеты с концертом Маллинина. Переписал на магнитофоне с оригинала, вложил цветной вкладыш с портретом артиста и вот тебе 10 долларов, минус цена кассеты 80 центов. "Принесите мне ваши записи, - доверительным шопотом говорит "двойрин муж", - сделаем бизнес!" Но я так и не реализовал его предложение. А то, глядишь, был бы у меня сейчас счёт в нью-йорском банке. Пока я здесь копейки из копилки вытряхиваю, там миллионы вырастали бы, как грибы!

Позже, я обнаружил в газете "Новое русское слово" объявление о продаже кассет с записями бардов. Моя фамилия там в списке первая. Я не обольщаюсь. Наверное, по алфавиту...

С ознакомительной прогулки возвращаемся в "апартаменты" моих друзей. Садимся к телефону. Надо решать, как добираться до Чикаго. Автоответчик сообщает, что кто-то интересовался моей скромной персоной. Подозреваю, что кто-то из Оргкомитета Фестиваля. Я с ними говорил ещё из Шереметьева. Объяснял положение с валютой. Помню, обещали прислать автобус. И вот, через разговоры с друзьями и родственниками, прорывается информация: Есть автобус! Волонтёры собирают приехавших. Их много, ведь на фестивале представлены классика (вокал, инструментальная музыка), авторская (бардовская) песня и арт (живопись, графика, скульптура). Несколько дополнительных звонков и место и время отправки автобуса становится известным. Однако, радости известие не приносит. Да, автобус был, но... сплыл. Художники, загрузив свои полотна, ушибленные дармовым счастьем, умчались в полупустом автобусе в Чикаго, не заботясь о брошенных на произвол судьбы,

товарищах по фестивалю... Да... это уже "наш" стиль. Правда, чего греха таить, люди ведь тоже "наши". Хоть и "вчерашние". Но там были и "сегодняшние", вроде меня, приехавшие за океан по приглашению ЖСС плюс (как вы помните) частное приглашение от друзей. Причём, на свои кровные... Однако, слава Богу, мир не без добрых людей. Когда мои друзья ломали голову, как мне дешевле добраться до Чикаго, раздался телефонный звонок. Одна женщина из группы содействия фестивалю, предложила мне ехать с поэтом (как бы сказали у нас "русскоязычным") по имени Роман Бар-Ор на его машине. Условие - наличие водительских прав. Так у меня же вот они! Международные.

Глубокая ночь. Как говорят американцы: 11:30 пи эм. Едем на юриной машине в знаменитый Бронкс к Роману. Ночевать. Завтра в 5 утра подъем и в путь. Пробираемся по ночному Бродвею. Похоже на качественную "видуху". Иллюминация, стайки прости-туток. Манхеттен... И вот уже меркнут его огни... Наша цель Бронкс. Черные глазницы сгоревших домов. Юра объясняет: темнокожее население просто так не уходит из обжитых мест. Напился, накурился или накололся -ушел и поджег. А может и не ушел... Ни себе, ни людям. А вот и происшествие. Полицейские мигалки, орущие сирены. У обочины белый "Линкольн". Лицом в капот, руки за спиной два кудрявых угонщика. Этих поймали, а сколько их уходит безнаказанно... У нас такого добра тоже навалом. Кого-то догоняют, ловят, но без этой "светомузыки". Здесь ловят, наверное, успешней. По разным причинам.. Волнуюсь за Юру. Я и не знал, что здесь так опасно. Хоть бы он добрался домой без происшествий...

Роман живет с мамой в относительно тихой и уютной квартирке. Интеллигентные ленинградцы. Познакомились. Поужинали. Далее: ванна и отбой.

"Утро туманное, утро седое..." Ах, как хорошо! Жаль, что это сказал не я, а Тургенев. Город ещё спит. Рома торопит. Заталкиваем чемоданы в багажник. Я не понимаю причин такой судорожной спешки. Проходит минута-другая... Где-то слышен звон разбитого стекла, глухой крик, топот ног, выстрелы... Сон, как рукой! Машина завелась мгновенно

(слава Богу!), чиркнула по асфальту всеми четырьмя колёсами и, не оставляя и облачка дыма (с этим здесь строго), покинула просыпающийся криминальный Бронкс и, подсвеченная солнцем, двинулась к "столице мирового бандитизма" Чикаго.

Сколько уже написано об американских дорогах! Стремительные, ухоженные, как тело королевы красоты, промаркированные где надо, огражденные в особо опасных местах, с "рифленкой" под колёсами на дороге и обочине, когда надо привлечь внимание водителя, с номерами маршрутов, входов и выходов, без призывов повысить и добиться, без прославления любых (даже правящих) партий. Зато реклама! Но она и есть реклама! А предупреждения водителям всегда в шуточной форме, без окрика и менторства: "Если ты одной рукой ведешь машину, а другой обнимаешь женщину, запомни: и то и другое ты делаешь плохо". Одним словом (нет двумя) - high way. Хочется петь гимны этой умытой и ухоженной природе, напоминающей среднюю полосу России, подготовленную к посещению правительства времен "отца народов". Сплошная ненаселенка. Ох, и велика же ты, страна Америка! Через несколько часов езды получаю "баранку" и я. Машина с автоматическим управлением. Вопросительно смотрю на хозяина. Доверит или нет? Его указания до нельзя прѣсты. Кулисы в машине нет, а то что "торчит" на её месте - переключатель рода движения: "паркинг, назад, вперед". С педалями совсем просто. "По д жи левую но у и забудь о ней!" - вот принцип вождения машины без механического управления коробкой передач. Газ и тормоз. Всё! Отпустил тормоз - поехал. Сильнее жмѣшь газ - быстрее едешь.

Первая остановка McDonald's. Ресторан быстрого питания. Знание цен в московском филиале этого заведения не спасают от шока. Почесал в кармане занятую в Нью Йорке пятерку. Беру самое простое и дешевое, какое может придумать голодный, но не обремененный валютой, человек: картошечка-соломка, куриная котлетка (ма-а-ленькая) , стакан "Колы" со льдом. 3 доллара и 50 центов. И тогда я умножил на 30! И вы умножайте и решайте: завтракать или

ехать дальше, попив водички из фонтанчика. Вздыхаю, но голод не тётка. Отступая от хронологии, скажу вам, как только я смог заработать первую сотню долларов, желание умножать испарилось вплоть до приземления самолёта в Москве. Иначе нельзя. Иначе наша голоштанность будет мгновенно бросаться в глаза, а не хотелось бы...

Чикаго

В Чикаго мы въехали внезапно. На часах было около восьми вечера. Никаких предместий, захламленности и прочей придорожной советской атрибутики. Сразу город. Ещё чуть-чуть - и то что у нас зовётся центром а у них - нижним городом. Down Town. Старый Чикаго явно просвечивается сквозь циклопические рекламные щиты. Брошенные промышленные корпуса, массивные металлоконструкции. Это, наверное, те старые стены, которые по русской поговорке должны бы помочь, но не помогают. Нет, они не выглядят зловеще под лучами заходящего солнца. Ну старые и старые... Раритет города имеющего самое самое высокое здание Sears Tower в 110 этажей (443 метра), но пользующегося маленькой хитростью: яркой рекламой забивающей ветхий фон, напоминающей нашу тягу к "марафету" (с лозунгами и портретами вождей) зданий не ласкающих взор. Однако, такое явление не больше, чем эпизод, причем контраст с увиденным несколько позже, только "наруку" городской архитектуре. И чем больше я "балдел" от сплетения стилей, любовно сохраненных и ухоженных старых "небоскрёбов" в 30-40 этажей, и хрустальных "парусов", отражающих бегущие облака, тем больше убеждался, что старые здания сохранены специально. Эдакая прозрачная хитрость (или бесхитрость?).

Воспользуюсь классическим штампом: "Сгущались сумерки". Только вот слово "сгущались" для прозрачного воздуха пригорода Чикаго (мы уже выехали за городскую черту) не очень подходит. Я снова немного отвлекусь. Когда меня спрашивали, что меня больше всего поразило после 10-

дневного пребывания в Чикаго, я отвечал: "Чистый воротничок белой рубашки, после прогулки по городу". И это так! Быстро привыкаешь (т.е. мгновенно) к нормальной пище, хорошему сервису, кондиционерам в машине, квартире, магазинах, - но чистота воздуха - впечатление до конца жизни. Чистота - "пунктик" американцев. Я не считаю себя грязнулей, но эти психи плещутся бесконечно в ваннах, под душем (благо горячая вода круглогодично), бассейнах, поливают и мажут себя во всех местах кремами, мазями, посыпают порошками и удобряют дезодорантами. Дурно пахнувший сотрудник фирмы - нонсенс!

Короче - приехали! Вышли из машины. Только конец мая, а воздух горячий, как летом в Сухуми. Горизонт вибрирует, зелень черна, голоса глухи... Пригород Чикаго. Нечто вроде города-спутника - Скоки. Дом одного из организаторов фестиваля. Нас встречает хозяин. Свет вспыхнул сразу на всех этажах. Дом, как принято в Америке, в трёх уровнях. Просторный холл. Довольно богатая мебель. Светло. Уютно. Угощают... водой со льдом. Вода особо чистая, как и всё в Америке, продаётся в магазинах. Звоню друзьям, приславшим мне решающее гостевое приглашение. Голоса на том конке провода оживленно-возбужденные. Ждут! Это приятно.

За мной приехала Женя. И вот я в северном пригороде Чикаго. Wheeling. Принят и обласкан Женей и Люсиком (Ильёй). На втором этаже мне приготовлена "своя" комната. Я искренне растроган...

Опуская лирические подробности встречи, отмечу только то, что первая неделя жизни в Америке пошла в санаторном режиме. Встаю довольно поздно (вхожу в привычный биоритм), после завтрака - бассейн. Он через дорогу от дома. Сажу в шезлонге и, попивая диетический "Пепси", обдумываю план выступления на Фестивале, набрасываю программу будущего концерта, сочиняю рекламу. А кто же это за меня сделает? Но это всё будет завтра, а сегодня голубая вода бассейна, жаркое солнце и напитки на выбор. Пытаюсь подучить английский. Увы! "Среда" не помогает. Состояние томно-расслабленное. Тихо. Вся Америка вкальвает. В бассейне несколько бабулек с внучатами и

очаровательная девочка-спасатель. Всё. В жилище моих друзей прохладно. Работает кондиционер. Дом тоже в трёх уровнях. Basement (подвал) отделан ламинированными плитами "под дерево". Здесь же laundry (прачечная), управление отоплением и вентиляцией, кладовые и прекрасная рабочая комната, где талантливая хозяйка кроит и шьёт (дополнительная работа), рядом спортивный станок, штанга, гантели. Где бы я ни останавливался, везде есть условия для занятия своим телом. Признаюсь, я не упустил такой редкой возможности, получив вполне удовлетворительные результаты за весьма короткий срок. Конечно, лучший вариант для подобных занятий Health Club (клуб здоровья), но он стоит денег. Мой соученик Марк водил меня туда. Впечатлений хватило бы на отдельную главу. Впрочем, как и на каждый день пребывания в стране, где всё необычно: речь, архитектура, питание, манера одеваться, единицы измерения, поведение, управление и пр. и пр.

Первый фестивальньй день. Классическая музыка. Билеты по 7 долларов. В фойе атрибутика праздника (остатки от первого фестиваля): майки с эмблемой, буклеты, книги. Продаются кассеты приехавших бардов (ни одного мало-мальски знакомого имени). Сборники поэтов-участников. С пластинками я такой один. Тем более с двумя. Вот они лежат: первая "И отзовется эхо" и вторая, композиция по прозе И. Бабеля "Как это делалось..." В США этой пластинке уготована лучшая участь, чем первой. Скорее всего, из-за броских фотографий на конвертах (имитация "одесских мальчиков" в канотье - наше трио, с другой стороны конверта я на фоне моей афиши одноименного концерта).

Зал невелик. Мест на 300. Можно бы вместить и больше, но и этот не полон. Мне трудно судить об исполнителях классического репертуара. Не мой жанр, но как слушателю, мне было интересно почти всё.

В перерывах, скромно прижавшись к стеночке, поглядываю, как реагируют на мой "товар". Продались две пластинки и буклет. Первые 24 доллара (минус 15 процентов организаторам). Впереди ещё месяц отпуска и масса надежд. Сразу делаю отступление. В дальнейшем, я буклеты раздавал

(в Америке такого рода печатная продукция - бесплатна), как рекламу, а стоимость пластинок уменьшил вдвое. Не крутит Америка "черные" диски. Устаревшая техника. До моих лазерных дисков было ещё далеко.

Второй день фестиваля. Приезжаем с большой компанией друзей и знакомых. Изучаем программу. Я где-то в середине второго отделения. Грустно про себя отмечаю, что "табель о рангах" здесь не соблюден. Скорее всего, по незнанию такового. Я вообще записан, как киевлянин. А может ещё потому, что Америка страна равных возможностей. Что-то доказывать нелепо. Чужой "монастырь". Смотрю на программу: кто слева, кто справа? Не знаю... А это означает, по меткому выражению Высоцкого, петь в "замазке". Как вы знаете, у нас из-за очередности выступлений даже убивают. Но помалкиваю. Староват я что-то доказывать. Тут бы написать: "но вдруг!" что я и делаю. К моему удовольствию, один из наиболее просвещенных в жанре авторской песни организаторов фестиваля узнав, что я действительно приехал, а не включен в программу "для веса", стал горячо уверять моих друзей в преданности и любви к автору этих строк, что помнит и знает мои песни, собирает записи и было ещё много всяких хороших слов, которые я из скромности не повторяю. С этой минуты я обретаю статус не участника, а гостя и завершаю программу. Настроение, как вы догадываетесь, приподнятое. В кулуарах подлетела ко мне землячка, бардесса Катя. Первая её фраза "Григорий Ефимович, увезите меня отсюда!" - смутила меня. "А что, Катюша, так худо?" Глаза грустные. Показывает руки в небольших ожогах. Живёт напряженно. Работает в McDonald's. В Чикаго всего второй месяц. Тяжело адаптируется. Я не знаю, какой жизнью жила Катя в Харькове. Мы не были столь близки. Возможно, Америка проигрывает в сравнении. Всякое может быть. Думаю, что здесь что-то личное. И ещё не забывайте, что я страдаю комплексом туриста, а она здесь на ПМЖ. Так откровенно страдающих "наших" я в Америке встретил всего дважды. Во втором случае причиной была драма женщины, потерявшей по приезду мужа, а друзей не так уж много и все они заняты своими проблемами. Последнее свойственно

Америке. Черта диктуемая ритмом жизни. Мы же, как ни одна человеческая популяция, инфантильны, пассивны, ждущие помощи от "чужого дяди". Но сочувствовать мы можем. А вот помочь... всё реже и реже. Наши дети, авось, поменяют ментальность и станут иными. Нам уже поздно. И горько и страшно. В чём-то мы интересней, чем американцы, но борцами становимся лишь в стрессовой ситуации. Как говорил Жванецкий: "Где друг? Где враг? Чтоб узнать, надо всем одновременно подорваться на большой mine..." Похоже, что подорвались. Во всех смыслах.

Заканчивалась программа второго дня. Я вышел на сцену. В зале человек 250. Кое-кто стоит в дверях. Прислушивается. Ждут чего-то необычного? Всё же отдали 7 долларов. Начинаю с песни "Старт"(как много лет спустя говорили мои друзья, исполненную с "комсомольским" задором), потом несколько слов о реформе цен, о нашей жизни и песня "Письмо в Чикаго". Завершаю выступления двумя песнями из цикла "Исход". На приём не жалуюсь. И вот уже во врученном мне дипломе добавлено слово "Лауреат". Ну что ж, такого диплома в моей коллекции ещё не было. Он уже ничего не добавит и не убавит к моему имени. Как ни добавило и не убавило полное равнодушие нашей страны к этому маленькому Фестивалю Русского искусства в далёком городе Чикаго. Меня же порадовал подарок в виде четырёх "шаровых" футболок с эмблемой Фестиваля. Завтра третий день Фестиваля: Арт. выставка. Потом зал свободен. Он не плох для концерта, но хозяевам зала (читай ЖСС) на мой статус гостя плевать. Названная цена аренды повергла меня в ступор. Спасибо Фестивалю, он дал мне возможность познакомиться с моей публикой. Похоже, что и я этой публике интересен. Дело за организацией концертов. Сложность моего положения такова: дома долги, здесь помещение стоит денег (и не малых). А не будешь "чесаться" - и малых не получишь. Как говорит Марк: "It's America!", но добавляет в утешение: "Take it easy"... Ну что ж... Изги так изги. Ему же принадлежит фраза: "Америка лагерь труда и отдыха с усиленным питанием." Отдых начинается в пятницу вечером. Вся Америка становится на колёса, на уши, на лыжи. Отдых - это

святое. Вот на это святое я и посягнул, назначив концерт на вечер пятницы. Арендовано помещение. Зал сионистского центра. Сионизм - не ругательство, как нас учили. В этом зале пели Окуджава, Никитины, Долина. Зал уютный. Плата сносная. Он трансформируется с помощью стен-гармошек. Разумно. Можно сделать маленький- и он будет полон, что много приятней, чем большой полупустой. Есть звукоусиление. На фронтальной стене, за спиной у выступающего, Звезда Давида. В углу Американский Флаг.

По гороскопу, к которому я отношусь без скепсиса, сегодня тяжелый день. Но уже внесена плата за зал и залог на случай дебоша. Я рискую... а напрасно. Ещё днём сгустились тучи. Причем, не символические, а натуральные. Начинался привычный для этих мест ураган: "Торнадо". Пошел мелкий дождь, а я всё надеялся на чикагскую поговорку "Если вам не нравится наш климат, подождите часок и он изменится..." Прошло три часа, но положительных перемен не произошло. Я нутром ощущал, как падает давление. К началу концерта вода с неба лилась стеной. Люди приезжали на машинах, жалуясь на то, что "дворники" не успевают смахивать воду с лобового стекла. И тем не менее, концерт состоялся! С рекламой помогли друзья и хозяин магазина "Русская Книга" Илья Рудяк. Я начал концерт с фразы: "Вам хочется песен - так, как говорят в Одессе, их есть у меня!" И что нам heavy fall of rain(ливень)! Для этой публики стоило пересечь океан!

Несколько дней отдыха. До конца недели я свободен. Намечаются ещё встречи, поэтому прошу друзей в Филадельфии отодвинуть концерт до следующих выходных. А пока хожу в бассейн, отдыхаю, вношу коррективы в программу концерта. Тогда, по горячим следам, под впечатлением от комплиментов земляков и американцев (а такие были), я не мог трезво анализировать что "пошло хорошо", а что слабее. Теперь я был готов к новой встрече, но уже с учетом интересов иммиграции. В предстоящих концертах, в противовес звучавшей ранее песне "Письмо в Чикаго," прозвучит новая песня написанная только что: "Письмо из Чикаго". Всё превращено в шутку, но я видел, как на концертах последние три строчки "разворачивали"

настроение на 180 градусов . И как результат: после смеха - слёзы.

Привет, «совки», пишу к Вам из Чикаго.
В бассейне ноги, гёрл у плеча.
Все это пустяки, иные блага
Здесь просто по заветам Ильича.
И library (экскьюз, библиотека).
И пицца для мозгов и живота...
Они наш лозунг: "Все для человека" -
Еврея, мексиканца или грека,
Буквально вырывают изо рта.

И не спасают виски и лекарства,
А удивляться просто нету сил!
Все это компромат на Карла Маркса.
Чего трендел он? Кто его просил?
Зачем позвал в зияющие дали
Страну, в которой можно б жить да жить?!
Мы, братцы, обожглись на "Капитале",
А те что поумнее - умотали,
Чтобы сандали в кучку не сложить...

Привет, моя немытая Россия!
Тебя любили, но издалека:
И Герцен, и женевский наш мессия,
И гордый буревестник, - я ж пока
Пакую чемодан невероятный
(Ну как же не порадовать семью?)
И комкаю билет на путь обратный,
Одет, обут, и где-то даже статный,
Я песенку прощальную пою:

Привет, совки! Спешу к Вам из Чикаго,
Детройта, Филадельфии... Привет
От Нёмы и отца "Архипелага",
Иосифа и Васи (Ви хев мет!)
А также и от тех, кто и поныне

Средь будней раскаленных до бела
Тоскует среди зелени и сини
О радиоактивной Украине,
Где наша с ними молодость прошла!

Если на первом концерте была одна американская пара (надеюсь, что сказанные ими слова благодарности были искрение), то на домашнюю встречу у Эмиля Гнесина пришли преподаватели с кафедры славистики из Northwestern University и Truman college. Их вполне адекватные реакции на мои песни радовали и поражали. Американцы ловили подтекст! Вот это знание языка! Более того, на некоторые мои шутки они реагировали шустрее моих земляков. Но это уже точно от хорошего питания! Причем, с детства.

На выходные дни Марк повезет меня в Детройт. До этого в четверг мне предстоит удивительная встреча с искусством. Я иду в Национальный Арт Музей. По четвергам он работает бесплатно. Музей изумительный. Служащие внимательны и предупредительны. Много экскурсантов. Явно из других городов. Много детей всех возрастов. Их не пригнали сюда . Их позвало Большое Искусство. Ребята познают его самостоятельно, и эта особенность американской жизни мне нравится. "Балдею" около четырех часов. Графика, живопись, бесценные полотна. Оригиналы. Я не знаю, что происходило со мной. Я всё это знал только по копиям. Не могу удержаться и спрашиваю у служащего: "These are copies of paintings?" " No sir!" - и такая гордость на физиономии, как будто он сам Ван Гог.

Вечером мы бродили по городу с Женней и Люсином. Даун Таун при вечернем освещении фантастически красив. Громады небоскребов художественно подсвечены. Свет погашен не на всех этажах и эта маленькая хитрость образует некий геометрический узор.

Заходим в гостиницу Ritz Carlton. Швейцары не останавливают, документы не спрашивают. А это гостиница высшего класса. Мягкий ворс покрытия гасит шаги, тихая классическая музыка, журчат фонтаны. Гуляй, наслаждайся.

Мы вышли через противоположный холл на другую улицу. Был первый час ночи. Спокойно. Тихо. Вот тебе и город мирового бандитизма.

Из чикагских встреч мне запомнилась ещё одна. Соседка Жени и Люсика, коренная американка Филлис, пригласила нас к себе в гости. Её дом, так же как и дом моих друзей, стоит на берегу озера, явно искусственного происхождения. Склоны берега выложены живописным булыжником. В центре водоёма - фонтан, а деревья вокруг жгуче напоминают "плакучие ивы". Филлис и её друг Чак ждали нас. Тихонько гудит кондиционер. На журнальном столике тарелки с разными соусами, чипсы, солёные орешки. Типичное американское угощение. Пьём прохладительные напитки. Для бытово́й беседы языка хвтает, да и гитар а у нас с собой. Подозреваю, что Женя что-то обо мне успела рассказать, а значит надо соответствовать этим рассказам. Выходим на backyard - лужайку за домом. Уже стемнело. Пришла дочь Филлис с подружкой. Пою лирику. Она передаёт настроение без перевода:

Седые угли у пруда,
С миндальным запахом вода,
Цыган случайный табор...
И черви-kozyри осин
Переплывают неба синь
Из августа в сентябрь...
Лучей неярких дозы мы
Подарки делим, до зимы
Не сетуя о лете...
Считаем: осень далека!
Теряем горькое "пока",
Обманываясь этим...
Шинельным вздыбится сукном
За свежевывытым окном
Пейзаж на листьях павших...
В мытарстве временных утех
Нам до смешного мало тех,
Ни разу не предавших!
Полны любви еще вчера,

Вдали качнулись кивера,
Распахнуты ворота...
И горький тянется обоз,
И месяц падающих звезд
Исчез за поворотом.
По темно-синим рекам жил
Гоняет сердце миражи, -
Спасенье от напасти,
От мглы расхлябанных дорог,
От вечных дум, спаси нас Бог,
В осеннее ненастье!
Пока связующую нить
Нам удастся сохранить
И песенка не спета,
И манит жизни кутерьма, -
Что осень! Это ж не зима...
Но, все-таки, не лето...

Незнакомая музыка оказывает некое магическое действие. Состояние светлой грусти. Потом поёт Чак. Он ирландец и песни его не похожи на американские. Дети (15 и 16 лет) поют акапелло. Но что они поют, как по-вашему? Никогда не догадаетесь! Гимн Америки. С воодушевлением. Дуэтом на два голоса. Вот вам пример непоказного патриотизма. Американцы любят свою страну. А за что - это им (и даже уже мне) виднее.

Детройт

И опять High Way. За рулем мой однокашник и бывший сослуживец Марк. Выходной день и поэтому едет вся семья: его жена Ася и сын Костя, который учится в девятом классе. Языком он овладел за два года настолько, что мало кто видит в нём уроженца Украины. До Детройта пять часов езды (с небольшим отдыхом). В город приезжаем в подень. Гостим у мачехи Марка. У него целевая поездка. Он весть в хлопотах о памятнике отцу. Вот уже год, как его нет. За это время мачехе сделали операцию. Поменяли какую-то детальку в сердце.

Семидесятилетняя женщина шустренько перемещается, как в доме, так и вне его. Именно её усилиями я получил готовую аудиторию непривычной возрастной группы. Однако, язык находим мгновенно. Общение живое. Глаза внимательные. Я им пою и рассказываю и они мне поют и рассказывают. Воистину, в Америке хорошо "пионерам" и пенсионерам. Бесплатное лечение, регулярное обследование. Причем, привезут и увезут на автобусе в точно назначенное время. И врач будет ждать и осмотрит внимательно.

Второй концерт в Детройте принес мне много интересных встреч. Дети хозяев дома оказались друзьями моей дочери, а публика хорошо знала меня по Харькову. Я даже порой забывал, где я нахожусь... Боже, как нас разбросало!

Сколько горечи в этом исходе!
О, судьба, ты щепя в половодье.
Словно противореча природе,
Меч заносят ее палачи.
Ярки краски, талантливы кисти,
Но виски от тоски серебристей,
Дым уносит и пепел, и листья,
Дом забит и калитка стучит.

После концерта - "русское" застолье с размахом застойных времен. Я глядел на это буйство кулинарного искусства и думал, что если наших здесь и мучит но сальгия, то по широким застольям, по шумному веселью. Конечно можно "расслабиться" в "русском" ресторане, но в данном случае причина - моё появление. И они, и я этому безумно рады. Они - возможности услышать последние новости из первых уст, а я - поближе познакомиться с "русским зарубежьем". Вот и не удержался от штампа. Нет, нет - да вылезет!

Пр их аи ко мне и забр аи к себе в го си мо й бывший сотрудник, в прошлом начальник конструкторского отдела, а нынче конструктор, занимающийся компьютерным черчением, Саша Кругляков (в девичестве Коган)*. Живет хорошо. Счастлив. Рядом любимая женщина, приехавшая к нему в гости и оставшаяся насовсем. Уютное жильё, завалено

крупногабаритными мягкими игрушками. Так Саша восполняет пробелы в своём безигрушечном детстве. Жуем бананы. Беседуем с милой старушкой-волонтером, натаскивающих моих земляков в "американском языке". Пытаюсь пополнить мой слованый запас за их счёт, но тайм, тайм. тайм...

Филадельфия

В Чикаго мы вернулись поздно ночью. Здесь будет ещё несколько выступлений. Одно из них в ресторане "Распутин". Но об этом отдельная глава. В конце недели меня ждут в Филадельфии.

И вот уже появилась возможность передвигаться за свой счёт. Эта маленькая финансовая независимость придаёт поездке особую прелесть. Еду автобусом. В результате некоторых вычислений (стоимость поездки зависит от времени года, дня недели и времени суток) покупаю билет за 64 доллара, вместо предполагаемых 120. Уже в дороге узнаю, что у меня не одна, как предполагалось, а пять(!) пересадок в пути. Организм в легкой панике. Схема такая: провожает меня Илья а в Филадельфии встречает Яша Столин. Но пересадки! Без языка, с багажом. Отправление в 10 вечера. Всю ночь автобус идёт без остановок. Какое счастье! В салоне прохладно и тихо. В хвосте комфортный туалет. Из пассажиров белый я один (одна из причин дешевизны билета?), много детей. Но и свободных мест немало. Можно лечь поперёк салона, расправив спину. Первая остановка в пять утра. Кливленд. Пересадка. Мои волнения улетучиваются, когда я обнаруживаю, что багаж перекладывается без моего участия. Для попадания в автобус достаточно одной извилины. Я о себе лучшего мнения. Система проста. При посадке в Чикаго на посадочном талоне указано:"7 door" - седьмая дверь, балда! Усвоив эту азбуку напеваю:"И все посадки при пересадке в седьмую дверь, в седьмую дверь!"

Опускаю описание пейзажей, архитектуру автостанций, содержание "бесед" с разговорчивым американским студентом (соседом по креслу, которого я обнаружил где-то в полдень) - обычный антураж долгой (21 час) поездки. Интересна ещё такая деталь: в тихой не скандальной очереди к моей незабываемой "7 door", многие пассажиры в белых одеждах (лето!) усаживались или укладывались прямо на розовый мраморный пол. И что любопытно: когда они вставали у них были чистые штаны! И ещё раз о чистоте. Чуть поодаль от очереди на полу расположилась любопытная парочка. Панки. Худосочный прыщавый юнец с "ирокезом" на голове, в черной коже с массой заклёпок, и его миловидная подружка в дранной футболке с надписью на спине близкой по содержанию к русскому "Да пошли вы на..." За 20 минут до отправления автобуса они скрылись в туалетных комнатах. Когда они вышли, я её не узнал. Розовая, пахнувшая чем-то необыкновенным, в новой белой маечке с алым сердечком на левой груди. Да и пацан как-то посвежел. Вот вам и эпатазирующие панки. Прошлой осенью я видел американских школьников приехавших в наш Харьков с какой-то важной общечеловеческой миссией. У всех шорты на заднице были невероятно грязные. Они же по привычке садились где попало. Вывод: Не садись, где попало. Попадёт снова. У нас полы в залах ожидания с мылом не моют. Да и асфальт... на то он и асфальт...

Встречающий меня Яша Столин пошутил, что к моему приезду купил дом. Мы погрузились в старенький вместительный "Форд" и он, поигрывая мощностью своих восьми цилиндров, двинулся на Борджиас Стрит, к аккуратному домику с высоким крыльцом и узорной дверью. Ни Яша, ни Лена (его жена) практически не изменились. А ведь мы не виделись года 3 -4. Мне отведена комната на втором этаже рядом с душевой. Кстати замечу, туалетные комнаты (душ, ванна) есть на всех этажах. Как во многих американских домах (и не только домах, вспомните Ritz Carlton), на полу покрытие (капет) с мягким ворсом. Дом построен со вкусом. Ему уже 30 лет, но выглядит он, как новорожденный. Конечно, ребятам за него ещё платить и платить, но

комфортно жить можно уже сейчас. Правда, прочность дома показалось мне (и не зря) подозрительной. Когда я сбегал по лестнице вниз дом гудел, а Лена хваталась за голову и сердце: осторожно, он (дом?) развалится. К отъезду я уже знал технологию строительства и цену этой хрупкости.

В Филадельфии всё мне было по душе. То ли я пообжился в Америке, то ли почитали меня здесь по-особому. Я и сам не могу объяснить. Скорее всего и то и другое. Однако состояние покоя и уравновешенности пришло именно там.

В городе у меня была всего два концерта, но оба хорошо запомнились. Из Нью Джерси примчался со своей американской подружкой мой знакомый по Харькову Алик Л-ский.

В импровизированном зале парило приподнятое настроение. Принимали отлично. Алик эмоционально переводил своей подруге смысл песен, а она запоздало реагировала и смущалась (правда, весьма не долго), изучая то меня, то публику, порой интуитивно приобщаясь к её восторгам.

Я гляжу на паспорт мой советский,
Ибо мне иного не дано,
И, когда смешит меня Жванецкий,
Мне уже сегодня не смешно.

Если и стрелялись и "кололись"
Самые идейные борцы,
То кого спросить: за что боролись
Вроде б не наивные отцы?

Что отцы! Молчаньем Буша
Я как душем отрезвлен!
Буш, спасите наши души!
Ну хотя бы миллион.

На втором концерте ко мне подошла слушательница, оказавшаяся израильтянкой, некогда членом кнессета, с образованием на трёх языках: на иврите в Иерусалиме, на английском в Нью Йорке и русском в Москве (МГУ). После

приятных и неординарных комплиментов, она предложила мне стать моим антрепренёром в поездке по Израилю. Правда, было одно условие. Я должен был приехать туда жителем Америки. Но на тот момент я ничего не знал о своей судьбе и её сюрпризах...

Мои молодые поклонники уделили мне довольно много времени. Мы посетили музей Родена в центре города и великолепную частную коллекцию картин Ренуара. И ещё: если в Чикаго я был в русском, мексиканском и польском ресторанах, то в Филадельфии, яшиными стараниями, мне достался китайский. Непривычно, экзотично и вкусно.

Для полноты впечатлений, Яша "сосватал" меня гида, сопровождающему экскурсии в Атлантик Сити. Контингент - пенсионеры из "бабушкиного дома" (некое улучшенное подобие дома престарелых со всеми удобствами, питанием и медицинским обслуживанием). Старички ездят туда в казино, пощекотать нервишки. В этих поездках есть своя маленькая хитрость. Дело в том, что администрация казино оплачивает гостям (2 часа езды от Филадельфии) дорогу и, вдобавок, даёт ещё 10 долларов "для разгона" на игру. Автобус заполнен до отказа. Но надо же знать "наших". Мало кто играет.

Я ехал "зайцем" на месте гида и 10 долларов мне были не положены. Моя задача была развлекать пассажиров в течении всей поездки. Я добросовестно исповедовался перед ними: читал стихи, отвечал на вопросы и, в результате, обаял нескольких старушек, толкнув их на приобретение пластинок автора, о котором пару часов назад они понятия не имели. В Атлантик Сити я всё же "продул" целых 8 долларов, искупался в Атлантическом Океане, поглазел (даром) на очаровательную обслугу в казино (все в мини-мини! Интересно, их хозяек тоже можно купить?), на белых "рикши", катающих гордых, преисполненных собственной значимости (естественно черных), пассажиров, на импровизированные концерты прекрасных музыкантов, не стесняющихся своих, открытых для подаяния, футляров от инструментов с зеленеющей горкой заслуженных долларов, и отправился в обратный путь. Меня высадили на перекрёстке рядом с Борджиас Стрит. Мягкое ночное освещение,

достаточное для перемещения и наблюдения за сотнями светлячков, коими изобилует в это время года филадельфийский воздух, не мешали мне разглядеть странно опрокинутый ковш "Большой Медведицы. То ли она, эта наша "Медведица" над Америкой, то ли мысль о скором возвращении в "трёпаную" нашу жизнь, то ли холодное дыхание грядущих перемен, вдруг лишили меня покоя, заставили до бега ускорить шаги. Эти беспокойно мигающие звёзды и недавняя беседа в автобусе об американской литературе, в такт шагам рождали строки какого-то июньского танго...

"Шум и ярость" во мне... не до сна, "Ночь нежна".
На вечерней земле ярче "Листья травы"...
Колесом по стерне прокатилась луна
вдоль дороги убогой под хохот совы...

Не поймали меня злой тоски невода,
и не резал глаза мне отечества дым,
но над Борджиас Стрит голубая звезда
так похожа на ту, что над домом моим...

Я вернулся к тебе из короткого сна,
холодна, анемична о, Родина -мать!
Колесом по судьбе прокатилась страна.
Подниматься привычно, трудней устоять.

Но фальшивит струна и прозрачен обман,
а у края обрыва опасна игра.
Грош - свободы цена, до границы туман,
там бесплодные нивы, и шепот: "Пора..."

Завтра - в Нью Йорк. Позади гостеприимные дома моих старых и новых друзей, милые посиделки у яшиного шефа, мои песни и песни Зины, жены хозяина дома, исполняющую песни Новеллы Матвеевой, глубоким, чуть вибрирующим грудным сопрано. Позади филадельфийские каникулы. Good bye, Phila!

Возвращение

Фила встречала меня солнцем, а провожает дождичком. Еду в Нью Йорк на попутке. По просьбе моих друзей везет меня директор "русского" ресторана. У него в Нью Йорке дела. В микроавтобусе нас трое. Водитель, бывший ленинградец, симпатичный толстяк, скабрзник, матерщинник, неумолкающий ни на минуту, ругающий всех и вся подряд: от Горбачева до Шамира включительно. Другой уровень, видимо, его не устраивает. Езды два часа без спешки. Мне грустно покидать Филадельфию, поэтому беззлобную ругань водителя слушаю в пол-уха. Всё равно диалога не получится, а этот разговор" в одни ворота" мне, как шум прибора. Даже успокаивает.

Автобус пришел на Брайтон Бич. Что дальше? Слава Богу, первый приезд в Нью Йорк пополнил мою записную книжечку адресами и телефонами родственников, друзей и просто знакомых. Да и пара "квотеров" на телефон уже сегодня не проблема... Водитель с хозяином ушли за покупками, а я успешно дозвонившись до Тани Середы (помните Таню и Юру, которые подобрали меня одинокого и перепуганного в аэропорту им. Кеннеди?), жду уже знакомый мне "Форд". Вытянув шею, вижу, как он пробирается от перекрёстка с Кони Айленд на Брайтон Бич. "Hi, Greg! How It's going?" - это Таня. Но и я уже не промах: "Not bad. How about you?". Дальше, естественно, по-русски. Таня сообщает: Юра устроился на работу. Для математика-профессионала невесть какая сложность подсчитывать и контролировать содержание составляющих примесей в каком-то строительном материале (что-то вроде бетона), но для начала...

И вот мы в знакомой квартире. После увиденного в течение месяца, обстановка кажется беднее, хотя по-прежнему не идёт в сравнение с жильём ребят в Харькове. И я себя чувствую по-иному. Уже нет того страха перед неизвестностью, нет растерянности. Звоню Рохлиным в один из районов Нью Йорка - Queens. С Исайем мы вместе

работали а потом учились в институте. После окончания - встречались редко. Они уже ждут меня. Намечаются кое-какие встречи. Они результат таниных хлопот и рекламы, устроенной мне Валентиной (женой Исайи) в соседнем русском магазине, который держит семья харьковчан, более того, моих бывших соседей по дому. Там висит привезенная мной профессиональная афиша и в витрине стоят мои пластинки. Захожу в магазин. Здесь мы здороваемся гораздо теплей, чем при встречах в подъезде нашего дома. "It's a small world!" (Тесен мир!) Смешно подозревать этих деловых ребят в ностальгии. Наверное сейчас я выгляжу для них неким посланцем другой Галактики, а этот факт диктует иную этику общения. Но хотелось бы думать, что они рады именно мне, не анализируя почему. Просто так и всё. Район в котором обосновались Рохлины называется Рего Парк. Есть ещё пара районов, где "кучкуется" иммигрантская братия последних лет (почти 15 процентов приезжающих) - это Кью Гарденс и Форест Хиллс. "Наших" здесь меньше, чем в Бруклине, но русская речь слышна повсеместно и в скверике, и на детской площадке, где старики "забивают козла" совсем так же, как и во дворах России. А вот дети галдят "по-американски". Они быстро "затыкают за пояс" в познании языка (да и обычаев страны) своих дедушек и бабушек, и пользуются этим преимуществом немилосердно, со всем, присущим детям эгоизмом.

Как и в других городах, большую часть дня я предоставлен сам себе. Освоил важную часть общественного транспорта - Subway (метро). Его схема выдается бесплатно при входе. Плата (по нашим меркам) баснословная: один доллар и 15 центов. Это вам не символический пятак! Система линий невероятно развитая и легко наблюдается с платформы. Противоположная платформа довольно далеко и между мной и ею проносятся поезда иных маршрутов и направлений. Экспрессы идут без остановок, мелькают окна с индексами маршрутов... Я был наслышан о "криминально-кошмарном" нью-йоркском метро. Что же я увидел? Действительно, американская подземка не похожа на помпезное мраморно-живописное великолепие московского

метрополитена. Никаких скульптур, никакой лепнины. Довольно душно. А у нас - свежий ветерок. Здесь вместо живописных полотен - реклама, да и та расписана "граффити" или просто загажена пятнами из аэрозольных баллончиков. Но довольно чистые пероны. Поезда ходят часто. В вагонах кондиционеры. Стояло жаркое лето и войти в прохладный вагон было невероятно приятно. А ехать приходится намного дольше, чем ждать прихода поезда. Вот почему рациональнее делать комфортный вагон и деловую, без "финтифлюшек", платформу. Вывод: здесь хорошо считают деньги. Обнаглев, окунаюсь в жизнь дневного Нью Йорка. Гуляю по Бродвею, езжу в район делового Диленси (*Delancey Street*— улица в нижнем Ист-Сайде в боро Манхэттен) в знаменитые лавчонки торгующие всем, что угодно. Цены здесь пониже, чем на Бродвее. Однако, надо держать ухо остро! Надуют в два счёта. Ведь языка не хватает... Хотя я уже вместо сакраментального "I am just Looking", произношу небрежное "How match?" в остальном приходится полагаться на интуицию и происхождение продавца, который зачастую оказывается если не евреем, то поляком. В этом районе масса игрушек-дурилок. Такие я встречал в Атлантик Сити. Брелоки, отзывающиеся на свист хозяина, зеркала хохотушки (ты в него глядишься, а о ю , мер зсть такая, в лицо тебе хохочет!), эдакий хитрый вибратор для самомассажа и прочих интимных радостей. Множество этих развлекалок вызывает в памяти украинскую поговорку: "Дурному негидко и самому". Здесь, на этих щедрых развалах недорогого товара, я купил классную замшевую куртку цвета крепкого какао, с массой молний, карманчиков, дизайнерских складочек и нашлёпочек. Через год, я благодаря этой куртке, смог купить билет на самолёт в Нью Йорк, который (к моему последующему удивлению) увезёт меня в Америку навсегда. Но это уже совсем другая история...

Похоже, что я пообтерся, пообвыкся, как мне показалось. Хожу в шортах, в "сникерсах Nike"(модный тренд - эдакие бутсы, вроде высоких кроссовок), пояс-кошелёк, футболка t-shirt с каким-то залихватским призывом для охотников и рыболовов. Всё прекрасно, я здесь, как свой. Только беда, что

"как"! Узнала же во мне "руссо-туристо", причём со спины, Наталья П., корреспондент радио "Свобода". Я мирно прогуливался по набережной Атлантического Океана в Атлантик Сити. Вопрос прозвучавший откуда-то сбоку: "Вы здесь в гостях или насовсем?" не оставлял сомнений, что у меня не только на лбу написано: "совок". А это значит, как ни одевайся, как ни маскируйся, "наших" везде видать издалека. Впору огорчаться, но нас всю жизнь учили гордиться. Вот я и горжусь. Узнав кто я и почему нахожусь в Америке, Наташа взяла телефон Рохлиных, оставив мне для связи свой, пообещав, что непременно пригласит для интервью на радио "Свобода"***

Я ещё раз оговорюсь, что этот мой очерк не претендует на звание "путевые заметки". Он всего лишь является весьма субъективными воспоминаниями человека страдающего "комплексом туриста", при этом сумбурно излагающего свою историю без дневниковой точности. Я пишу о том, что видел сам, о чём мне рассказывали близкие по духу люди. Это мир моих ощущений. Где-то они совпадут с вашими, мой читатель, а где-то, увы! Конечно, хотелось бы, чтоб таких совпадений было побольше, но многолетняя концертная практика показала, как по-разному воспринимают люди одну и ту же песню, как по-разному реагируют на неё. И это нормально. А поскольку эта поездка была для меня, как песня, посреди советских прозаических будней, то и реакцию можно ждать разнополярную. И это тоже нормально. А значит, вперёд!

Мои домашние концерты приносят новые знакомства, а новые знакомства - новых почитателей. Они готовы сделать мне что либо приятное. Например: показать Нью Йорк. Тут необходим элемент удачи. Когда повезёт, и твоим гидом становится человек знающий не только географию города, но и его историю и архитектуру - поверьте, это царский подарок судьбы для любознательного визитера. И я этот подарок получил. Моими гидом стала женщина-архитектор И., живущая в Нью Йорке 15 лет. В её сопровождении отправляемся в Манхеттен. Я вскользь уже упомянул 4 района Нью Йорка из пяти: Бруклин, Бронкс, Куинс и Манхеттен. И так, не был назван только пятый район: Стейтен Айленд.

Сегодня я знакомлюсь с Манхеттеном. Начало знакомства в Даун Тауне. Небоскрёбы Twins (близнецы). Всемирно-торговый Центр. На одном из зданий - смотровая площадка. Вход платный. Скоростной лифт "глотнул" сотню этажей. Ощущение самолётное. Желудок прилипает к горлу. Входим в зал-стекляшку. Движение по периметру. Рассматриваем Нью Йорк с высоты птичьего полёта. Впрочем, если честно, птицы гораздо ниже нас. Американский гид во главе группы туристов но за его рывком и мови не поспевают. К счастью, у меня есть личный гид. Сейчас И. работает в одной приличной фирме по специальности. Рассказывает, что и у неё, и у её супруга на первых порах всё не складывалось, как и у многих в первой волне иммиграции. Теперь она уважаемый человек. Её ценят, как высококвалифицированного специалиста. Недавно перенесла сложную операцию, но продолжает трудиться. Для того чтобы показать мне город, она взяла "over day" (нечто вроде отгула в долг). Я уже могу оценить по номинальному достоинству её подвиг. Здесь и материальные потери более 100 долларов (её дневная оплата), и физически ей не просто даётся многокилометровая прогулка. Спасибо её мужу, который подобрал нас в условленном месте и осмотр города мы уже завершали на машине. Эта часть прогулки тоже не обошлась без материального ущерба. Под "дворником", оставленной у митера машины, мы обнаружили квитанцию (ticket) о штрафе в 25 долларов. Ни аборигены, ни я не поняли за что? Время на квитанции под стеклом ещё не истекло. Машина запаркована по всем правилам. Муж И. ворчал и тихо матерился, грозясь подать в суд на полисмена курирующего этот район. Кстати, такие штуки в Америке возможны. Если водитель не согласен с таким заочным штрафом, он подаёт в суд (адрес участка есть на квитанции) и часто выигрывает. Мой знакомый, оштрафованный за парковку в неполюженном месте, подал на полисмена в суд, предъявил на суде фото таблички "No parking", которая была забрызгана краской из аэрозольного баллончика. Полисмен в глаза не видел этого водителя, тарасился на него, морщил лоб, но не мог вспомнить, как его угораздило ткнуть "тикет" машине запаркованной под

закрашенной табличкой. Человек выиграл процесс, хотя фото таблички он сделал в совсем в другом месте. Крутится народ. Так нас воспитали. Самое смешное, что американцам это нравится. У нас говорят: жулик. У них - деловой! Правда, сейчас эти понятия и у нас уже совмещаются в иностранном слове "бизнес".

Twins- подобен аквариуму. Мы "плаваем" в нём, как сонные рыбы, рассматривая ажурные схемы улиц, ибо вся видимая за стеклом часть того или иного сектора города нанесена на стекло. Читаю и смотрю. Потом смотрю, сверяю и перечитываю. Вот магистраль перерезающая строгую симметрию застроек - Бродвей. Так сложилось исторически, а менять никто не стал. Всё-таки Бродвей! А вот и Уолл Стрит. Здесь делают свой бизнес "акулы капитализма" (так нас учили). А во-о-о-н та улица West Side , вызывает из памяти блестящий мюзикл "West Side Story". Теперь это уже не история а достопримечательный факт Нью Йорка. Во-о-о-он в том банке работал герой романа "Банкир", а на тот остров прибывал пароходик с Чарли и его возлюбленной.

Бродим по городу. Жаль терять время на еду. Перекусываем булочкой с горячей сосиской - "hot dog". Высказываю попутчице свое предположение о происхождении названия популярного продукта быстрого питания. Мне думается, что русский иммигрант, едва выучивший язык, но по-прежнему переводящий фразу в мозгу с русского на английский, с голодухи цапнув зубами сосиску, интуитивно воскликнул " hot dog!", что и требовалось доказать - горячая, собака!

Я сердечно признателен моему "неутомимому"гиду за эту прогулку. Мы не зашли ни в один магазин! Зато я столько увидел и запомнил. Послушал "фолк" на набережной Гудзона, поглазел на чудеса "Китайского Города", подышал океанским воздухом и историей Нью Йорка...

Вечером позвонил мне хороший знакомый по Харькову Яков Голованевский и предложил выступить в клубе ветеранов Второй Мировой Войны. Глянул на календарь: Боже! Завтра 22 июня! 50 лет со дня начала войны... Я конечно поеду. Посмотрю на них, на наших ветеранов. Спою

им. Всё же 50 лет с того дня... Господи, что я, тогда пятилетка, помню? Горящие теплушки, поспешную эвакуацию на последнем поезде, уходящим из Харькова, пароходик через ледяную Вогу, везущий меня, маму и бабушку в город Маркс, бомбежки города, в который привела судьба нас, бежавших от концлагерей и рвов Дробицкого яра...

Клуб в маленьком неухоженном оффисе на Брайтон Бич. Стою в коридоре. Идёт доклад на русском языке (а на каком же ещё?) в традициях партийного доклада посвященному 9 Мая (но сегодня 22 июня!) в любой советской конторе. Мне виден только докладчик. Это и есть председатель клуба. Похоже, он утомил собравшихся. Я их не вижу, но слышу, как они переговариваются, покашливают, шаркают ногами... В коридоре - самодеятельность. Кроме их и меня, ещё певец еврейских народных песен, певица (её репертуар - романсы русских композиторов). Но всё-таки, я гость. Меня пропускают вперёд (к шумному неудовольствию знатока еврейского фольклора). Выхожу... Вот они те, о ком так любят говорить юдофобы, "пересидевшие войну в Ташкенте". Седые, в нашивках за ранения, в шрамах, на протезах, в орденах и медалях. Они сейчас сыты, хорошо одеты, ухожены, но им очень хочется, чтоб их видели в этих орденах и медалях, которые, кстати, они вывозили тайно, без разрешения властей, с риском быть отстраненными от полёта за океан. Та страна, за которую они проливали кровь, сейчас далеко. Но любовь к ней, всё неутоленное любопытство: "Как там?", - направлены на меня. Аплодисменты ещё до песен, вопросы... Ну что я вам спою, мои дорогие ветераны? Как мне соответствовать этому дню, этому моменту? И я пою... "21 Июня 1941 года"...

Еще грызем на лавочках
Подсолнухов плоды,
На фортепьянных палочках
Чернильные следы,
И не кружится сажица,
И дышится легко,
А главное, что кажется:

До смерти далеко...
Еще не слышно грохота,
Живет спокойно Брест,
Еще дрожит от хохота
Кинотеатр "Прогресс",
И небо не расколото,
И в мире тишина...
Лишь завтра скажет Молотов:
Война...

Еще не грязь осенняя
И жив мой старший брат,
Еще без затемнения
Москва и Ленинград,
И "заревое закатное" -
Красивые слова,
И девочка блокадная
Пока еще жива.
И в наших играх немцами
Не названы враги,
Еще в печах Освенцима
Лишь хлеб да пироги...
От Кушки и до Диксона
Такая тишина!
И песня не написана
"Священная война"...
Еще в умах не вяжется
Бессилие полков,
И кажется, всё кажется
До смерти далеко...
И не упали павшие,
Не поросли травой,
А вез вести пропавшие
Есть все до одного...
И зеленеют кронами
Каштаны у Днепра,
И почта похоронные
Еще не разнесла,
Еще бинты все белые,

Покоем полон дом...
Но ничего не сделаешь
Чтоб не было ПОТОМ...

Их слёзы не склеротически-сентиментальные. Это слёзы солдат, слёзы по оставленным могилам, по найденным телам, по захороненным останкам павших, которыми так обильно удобрена дорога от Москвы до Берлина. Давайте поплачем вместе: по вашим и по моим потерям. Отец пропал без вести в начале войны, дядя (родной мамин брат) погиб 14 апреля 1945 года, ведя танковый полк в атаку на Одере... А сколько родных и близких ушло дымом в небо...

Не хотелось рвать души болезненной темой исхода... Но так близки по ощущениям те потери и эти. Как осколки, летящие из сорок пятого, они догоняют и ранят теперь. Причина другая, а боль та же...

В извилины втиснутый туго
Нечаянный ужас потерь...
Давайте запомним друг друга
На миг, навсегда, на теперь,
Печали поделим, умножим
Текущие к морю ряды,
Сквозь пытки границ и таможен,
За хлебом, за счастьем, а может,
Вернее всего, от беды...
От мора, от землетрясений,
Последние из могикан...
По корню топор - во спасенье,
По лапе, попавшей в капкан.
О, страшная высшая мера -
В исходе увидеть исход!
Библейских равнин атмосфера,
Далекая чуждая вера,
Они не на день, не на год...
Чтоб время из памяти стерло
Могилы, слова, имена...
Нет, песня не лезет из горла,

Уж слишком большая цена!
Зло топчет цветы на газоне,
Свинцом наливая кулак...
Насилье гуляет по зоне,
И стая спешит от погони,
А мне не решиться никак...
Лехаим! С порога с откоса...
Лехаим! За каждым столом...
Стаканы стучат, как колеса,
И слышится эхо: шолом!
Пишите, звоните, вещайте
По радио и по Ти Ви...
Прощайте, прощайте, прощайте...
Гуд бай, адоним! Се ля ви!

В Нью Йорке полноценный концерт был у меня в синагоге в Куинсе на 108 Стрит. Как я уже упоминал, рискованно арендовать дорогой зал без наличия рекламы. "Позвонковые" сборы привлекают хорошую публику, но весьма хлопотны для организаторов. Поэтому я охотно отзывался на приглашения в дома, где собирались близкие по духу люди , как в далёкие шестидесятые. Правда, тогда в любом подобном концерте, усматривалось посягательство на советскую власть.

Шел второй месяц моего пребывания в Америке и, весть о проводимых мною концертах, бежала впереди меня. Поэтому, в Нью Йорке был нарушен привычный распорядок выступлений (суббота, воскресенье, изредка -пятница) и , практически, занят был каждый вечер. Боже, сколько я встретил знакомых! Некоторые люди приходили дважды и трижды. Мне приходилось разнообразить программы. И слушателям интересней, и мне не скучно повторяться. К финалу поездки у меня появился некий вставной эстрадный номер, повествующий о моём выступлении в чикагском ресторане "Распутин". Прерывая повествование о пребывании в Нью Йорке, привожу его с некоторыми сокращениями.

Авантюра

Чтоб услышать предлагаемую вашему вниманию историю, надо ненадолго вернуться в Чикаго. Вернее в его пригород - Skokie. Там, в дождливый день в пятницу, в доме моего соученика и сослуживца, состоялась тёплая встреча с желающими послушать мои песни. Стулья были расставлены на лужайке за домом. Был вечер пятницы. Солнце строго настрого приказав правоверным евреям прекратить работу и путешествия, зажечь свечи и произнести молитву навстречу субботе, спокойно удалилось за горизонт. А я, не считая своё пение работой, с удовольствием пел для людей понимающих моё искусство и, очевидно (судя по комплиментам), получающим от него некое удовлетворение. Прошел час или более. Стало прохладно, я сделал перерыв и мы все перебрались с лужайки в дом, где было не менее приятно, ибо концерт легко перерос в дружескую беседу. Одна из слушательниц, по имени Лина, спросила меня, как я смотрю на идею спеть в русском ресторане, попутно объясняя мне, что мол, это в Америке не зазорно. "Ваш цикл песен по прозе Бабеля будет очень интересен нашей публике, - продолжала она, - а такой необычный опыт может пригодиться в вашей жизни, ибо чем черт не шутит, может и останетесь в Америке..." Я хотел было ей возразить, но сдержался и, полагая, что все эти разговоры лишь для поддержания беседы или проявления некой приязни к автору, вдруг согласился. Покинул и забыл, но Лина оказалась женщиной деятельной и человеком слова. Она тут же позвонила кому-то, с кем-то здесь же переговорила. Замелькали варианты: 100 долларов за выступление, 50 долларов и ... наконец, самый реальный - бесплатно. Но, зато будет опыт! Поскольку, я уже согласился, даже понимая, что меня реально "используют", отступить было поздно.

На следующий день (воскресенье) в ресторане "Распутин" был brunch. Нечто среднее между завтраком (breakfast) и едой в полдень (lunch). Посетитель платит некую сумму (сравнительно с ужином в ресторане - небольшую) и получает иногда "шведский стол", иногда комплексный обед с бокалом шампанского и музыкой. В нашем конкретном случае - ещё и "шарового" барда в придачу. Моя подруга Женя, отложив все

дела и захватив по дороге Лину, привезла нас в ресторан. Руководитель оркестра, выслушав предложение Лины (подтвержденное словом хозяйки ресторана), восторга не проявил. Я его понимаю. Кто меня знает, что я "выкину"? А у оркестра свой, наработанный годами имидж. Сопровождающие меня дамы, показали ему мои пластинки, буклеты, снабдив демонстрацию сочными восторженными эпитетами. Музыкант вздохнул, выдержал паузу и изрёк: "Ладно... Пусть поёт. В перерыве, когда оркестр отдыхает. И даром. "Даром?! - возмутилась Женя, - Чего я отложила дела, тратила бензин? Так в Америке не делается!" Убедительный довод. Мне он показался не глупым. "Но он сам же сказал (это обо мне), что будет петь бесплатно!" - расстроилась Лина. Ей было явно неудобно перед хозяйкой ресторана Софой, её давней приятельницей. Я молча жду решения своей судьбы. Меня устраивают оба варианта, но платный предпочтительней, ибо мне завтра ехать в Филадельфию за свой счёт. Женя человек решительных действий: "Я пошла к Софе!" Лина заволновалась: "Не надо, мы же договорились!" Смотрит вопросительно на меня... Я вяло и ненастойчиво пытаюсь остановить Женю. Её позиция мне ближе, чем точка зрения Лины. Рисковать должны обе стороны. И желательно за деньги. Женя вернулась с триумфальной улыбкой: "50 долларов!" Софа рискнула, теперь очередь за мной.

Появляются посетители. Шумно рассаживаются. Гудит ресторанный улей. К работе приступает оркестр. Играют чистенько. Поют эстраду: типичный, любимый стариками, "совок". Публика на оркестр не реагирует, воспринимая его, как декоративный шум. Ни аплодисментов, ни танцев. Народ питается. Одни блюда сменяют другие. Зачем им песни? Приближается перерыв. Лина нервничает. Похоже, что она не рада своей затее. Она человек интеллигентный, журналистка из Одессы (в Америке 14 лет), хлебнувшая всякого, но не потерявшая типичных для нашей интеллигенции проблематичных вопросов: "Так ли я живу? Насколько моральны мои поступки? Какотреагируют близкие и знакомые?" И т. д. в том же духе... Очень хорошая женщина и мне перед ней ужасно неловко. Ведь я сам себе

задаю ту же обойму вопросов. Однако, скоро мой выход. Женя тоже волнуется, но в отличие от нас с Линой, собрана, подтянута и готова к подвигам. Уверена в том, что действует правильно. А делает она вот что: уложив на руку пластинки в виде подноса, сверху прижав их стопкой буклетов с песнями по прозе Исаака Бабеля, решительно двинулась между столами, улыбаясь и что-то растолковывая едокам. Вернулась сияющая. "За тремя столиками тебя знают", - это мне, - Ну, ни пуха!" Оркестр вяло сполз с эстрады. "Пошли обедать," - машинально пронеслось в мозгу. Ох, как непривычно представлять себя самому. Но, что делать? Взяться за гуж... Вскакиваю, перепрыгивая через две ступеньки, на подиум, на ходу регулируя положение стойки с микрофоном и рываю в него: "Здравствуйте! Сегодня у вас в гостях, проездом из Советского Союза (почему проездом?), по дороге в Филадельфию (о, это правда!), гость Америки (Господи, что я несу!), участник Фестиваля Русского Искусства в Чикаго... ну, в общем, это я." Как бы там ни было, вилки уже не звенят, взгляды заинтересованные. "Ladies and gentlemen! I am pleased to welcome you and best wishes from your friends and relatives in Russia!" (Леди и Джентельмены! Я рад Вас приветствовать и передаю наилучшие пожелания от ваших друзей и родственников из России). Мой непере译имый английский адресую сидящим в зале американцам, любителям "русской" пищи.

"Я хочу показать вам несколько моих песен, рассказать, как я попал на фестиваль - всё это за отведенные мне 15 минут. Ресторан носит имя крупного авантюриста начала века Григория Ефимовича Распутина. Я тоже Григорий Ефимович и, наверно, это совпадение толкнуло меня на непостижимую для меня самого авантюру: первый в моей жизни выход на сцену ресторана!" Как пишут газеты: "Оживление в зале". Телеграфно, буквально в двух словах рассказываю о приглашении на фестиваль, о настроении связанном с предстоящей поездкой, пою песенку "Старт". И вот уже сидевшие ко мне спиной разворачиваются на 180 градусов. Здравсьте! Оставлена еда, раздаются аплодисменты, какие-то подбадривающие крики. Не теряя темпа, пою "Письмо в

Чикаго". Какой-то мужчина в черной рубаше за ближайшим столиком аплодирует стоя, вытянув ко мне обе руки. Резко меняю тему и настроение. Пою "Исход" и завершаю блиц-выступление песней "Гамбринус":

Может жизни карусель
Вас забросила в Марсель,
Венский оперный театр выдал Вам аванс?
Нет? Так знайте есть еще
Де Рибаса детище...
Что Вы ждете? Там найдете нас,
И будет шанс.

Забуть воспаленные гланды,
Любить у причала шаланды,
Купить на пятак котрабанды,
Которой биндюжник не пьет...
Приедем это не минус -
Зайти на мгновение в "Гамбринус",
Где пиво в разлив и на вынос,
И сладко так скрипка поет!

Ах, если бы мне подпевали скрипки! Где вы, Борис и Миша?!
Эту песню я уже отвык петь без вас... Мне не хватает ваших
скрипичных пассажей! И-е-эх! Что могу - делаю голосом. Вся
надежда на текст и легко подхватываемую мелодию...

Почему болит в груди?
Виноватых пруд пруди!
Сколько горя видано! Так моим врагам...
Сколько с этой мостовой
Укатило... Что с того?
Как поется: Сердце рвется
К этим берегам.

Разве скрипке нипочем,
Что витает над плечом
Не смычок ореховый и не херувим, -

А душа не из чего
Музыканта нищего...
Будь минуту человеком!
Сядь. Поговорим.

Забудь воспаленные гланды,
Люби у причала шаланды,
Купи на пятак котрабанды,
Которой биндюжник не пьет...
Приедем это не минус -
Зайти на мгновение в "Гамбринус",
Где пиво в разлив и на вынос,
И сладко так скрипка поет!

И вот уже зал скандирует со мной: "Ла-дай-да-да дай, дада-дай да!" Мои 15 минут пролетели, как одна! Сбегаю с подиума. Прощаюсь с залом. Кулис нет, надо уходить в кулуары, в тень, не маячить после прощанья... Мужчина в черном, аплодируя бежит за мной. "Молодец!"- обнимает меня. Вижу лицо вблизи. Нос сломан, шрам над бровью (боксер, что ли?). -Я так люблю эти песни, - говорит. Я так за ними скучаю!", - он очень искренен. "Я Давид, запомни, Давид. Я завтра закрываю ресторан и ты нам поешь весь вечер. Понял?" Отвечаю:"Я завтра буду в Филадельфии, извини..." "Старик, ты не прав. Ты заработаешь кучу денег..." Пребывая в экстазе, не реагирую. А зря... Покупают мои кассеты, пластинки. Женя гордо вручает мне честно заработанные за 15 минут(!) 50 долларов. Вот такой первый ресторанный блин. А жаль, что я не остался на второй. А вот и отголосок того выступления:

Дело не запутано. В штате Иллинойс
Помню, у "Распутина" выпить довелось...
Песенкой побаловать бывших россиян,
За победу вкалывать, как Моше Даян.

Белая скатерка,
Трепетный хрусталь,

Весело и горько
Подпеваает сталь,
Но надежда хилая
На крутой роман,
Между нами, милая,
Целый океан.

В зале не политики. Кушают и пьют.
Выше всякой критики водка "Абсолют".
Им на кой (не зря ли я)? слезы и ОВИР?
И сыны Израиля, и Ицхак Шамир?

Белая скатерка,
Ломятся столы,
С рюмочкой "шестерка",
Крики похвалы.
Вижу, не насилуя,
Буду сыт и пьян...
Между нами, милые,
Водки океан...

В души Ваши с "фомкою" не ломился я,
Но в объятых комкает иммиграция...
И летим, добрея, мы в сказочном пике
С русскими евреями в русском кабаке.

Белая скатерка
Скомкана судьбой.
Вылет из Нью-Йорка,
Празднику - отбой!
Где цвела смородина,
Вымахал бурьян...
Между мной и Родиной
Только океан...

Но , если честно , не пил я там и не ел. Уж бо вно
волновался. Я ведь приезжал за опытом. Вот в следующий раз
непременно пообедаю.

И ещё один день в Нью Йорке

Поездка близится к финишу. Ах, как хотелось закончить её хорошим полновесным концертом. В большом зале, со звукоусилением. И чтоб два отделения. И беседы до и после...

Валя Рохлина постаралась на славу. Договорилась в синагоге на 108 стрит с рэбе. Залог уплачен. Профессиональная афиша на входной двери. И вот наступил этот вечер. Заключительный аккорд.

Народу не много, но мы не будем в убытке, хотя и прибыль не будет впечатляющей. Да Бог с ними, с деньгами, тем более, что в моём кошельке на поясе уже похрустывает, по тем временам, внушительная сумма. Пришли хорошие люди. Сколько знакомых лиц! Бывшие сослуживцы, друзья, друзья друзей, давние неведомые мне поклонники, просто знакомые лица (где-то я их точно видел). Расспросы, расспросы... Через весь зал летит с визгом яркой бабочкой девица. Прыжок! Мою шею обвивают её руки, а бедра - ноги. Да это же Галочка Хесина! Племянница моего друга, подружка моей дочери. "Однако..."- произносит озадаченно один из зрителей. Галочка отрывает от меня счастливое лицо и, не меняя позы, объясняет: "Я так его люблю!" Муж смущенно стоит рядом. Да! Надо жить страстями. Это так увлекательно.

Пришел на концерт Альфред Тульчинский, редактор и издатель русскоязычного еженедельника "Калейдоскоп". По приезду в США я позвонил ему, но встреча не состоялась, а телефонный разговор удовлетворения не принёс. Теперь мне, перед самым отъездом, в возбужденной концертной обстановке, не до разговоров. Во время концерта украдкой я наблюдал за его реакцией. Альфред явно не остался равнодушным, а больше я ничего сказать не могу. Недавно он приезжал в Харьков. Мы договорились встретиться, но теперь я был занят. Не судьба...

Было и необычное знакомство. Живет в Нью Йорке дочь прекрасного актера Сергея Мартинсона. Нас познакомили в антракте. Её друзья пригласили меня к себе, и тот последний

вечер в среде художников и артистов, был завершающей, весьма впечатлившей меня, яркой точкой моего путешествия. Был жаркий вечер и свои песни я чередовал с употреблением ледяных напитков, сидя под струей холодного воздуха из кондиционера. Увлёкшись, я тогда всего этого не замечал, а к утру почувствовал недомогание, принимая его за усталость. Я не жаловался. Подумалось: "Всё равно, без толку. Не менять же билет". Собрался, сконцентрировался и мой друг отвез меня в аэропорт им. Кеннеди. Обнялись, пожали руки. Свидимся ли? Поднимаюсь по трапу и, понимая, что он издали видит меня, вскидываю руку в прощальном приветствии: "Good bye, America!"

Дорога домой

Уже сидя в самолёте, я с каждой минутой убеждался, что у меня жар. Кутаюсь в свою новую кожанную куртку. Меня морозит. Засыпал, просыпался, что-то ел через силу, глотал какие-то домашние таблетки. Всё это смутно помню вплоть до посадки в Москве. Проснулся, когда самолёт, радостно подпрыгивая, катился по бетонной дорожке. Странно... Жара я не чувствовал. Скорее всего, его просто уже не было. Короче: родные стены... С ручной кладью поспешил в багажное отделение. Получение багажа. Плывущие с долгими паузами чемоданы. Мои, помнится, туго обвязаны липкой лентой, и всё же... "Игра в рулетку", - мрачно пошутил один из пассажиров. Придёт- не придёт. Мой чемодан цел, а на сумке разорвана "молния". В карманчике скомканные шорты и две разбитые аудиокассеты. Остальное: блок из десяти кассет, кошелёк-блокнот для кредиток, несколько аккордов гитарных струн - это всё тью-тью... Ещё легко отделался.

Таможню, на удивление, прошел совершенно без проблем, но должен заметить, что это было единственное место, где как-то странно сработал диплом лауреата Русского Искусства в Чикаго. За барьером уже мелькают родные лица. Встречают... Возбуждение быстро сменяется смертельной

усталостью. Впечатления распирают. Всё расскажу, всё покажу. Потом, потом... Ноги не держат. Хочется домой. Вечером поезд. Упал на полку и провалился... Утром - Харьков. Здравствуй, мой Южный вокзал. До дома пешком пять минут... А была ли Америка?

Эпилог

Пустынный берег моря. Песок горячий, вода теплая-теплая... Казантипский залив. Чистота моря - без гарантий. Как пошутил один москвич: "Глотни таблетку бисептола и купайся на здоровье!"

По приезду из Америки, я резко почувствовал необходимость в отдыхе. Сказались серьезные нагрузки, как физические, так и психологические. Куда ехать? Не вопрос. Конечно, к морю. Уже после возвращения пролетел месяц. К нашей скудной пище (не смейтесь, пожалуйста!) почти привык. Организм вначале бунтовал... Но куда он денется?

Компания собралась небольшая. Зато полная психологическая совместимость. На душе тихо и спокойно. Потому-то пребывание здесь плодотворно... Легко поётся и пишется. О чём? Да об Америке, о мироощущении, о себе. Но это уже издержки жанра. Поэтическая песня, она всегда преимущественно о себе...

* Незадолго до отъезда я узнал, что Саша Коган погиб в автомобильной катастрофе, так и не успев толком насладиться американской жизнью.

** Звонка от Наташи не последовало ни на второй, ни на третий день. Перед отъездом я позвонил ей домой. Трубку взяла квартирная хозяйка и, после долгих расспросов сказала, что Наташу два дня назад убили и ограбили в её квартире. Сейчас идёт расследование, но похоже, что грабитель забрался в окно по пожарной лестнице и, встретив сопротивление, убил женщину ударом ножа. Была ещё версия о "длинных руках КГБ", но это только версия...

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ. ПЕСНИ

Всё больше прошлого	5
Беспокойный каверзный и бойкий	6
Волны времени смывают нас	7
Взгляд со стороны	8
Вот жизни детская сорочка	10
Не оставляйте стараний	11
В ресторане	12
Сожаленья	13
Оленёнок-Аленок	14
Весеннее	15
Апрельское	16
В добрый час	18
Валентинка	19
Вот наших песен океан	20
Вот и сани пригодились	21
Веронике Долиной	22
Германское	23
День Св. Валентина	24
Дни рядовыми не бывают	25
Дождик с ветром в обнимочку	27
Письмо для дочери	28
Другу	29
Проблемы больше нет	30
Жили не подрывая устоев	31
В ночь под Новый Год	32
Звезда над дорогой	34
Из вчерашних сновидений	35
Прими меня таким	36
Камыши	37
Крик	38
Моей дочечке	40
Лабиринт	42
Свадебная песня	43
Листок осиновый дрожит	44

Миг у времени взаимы	45
Мир соткан из противоречий	46
Наваждение	47
Увы!	48
В ритме танца	49
Мы, похоже, приплыли	50
На кого оставили Землю, небожители?	51
Наврал погодный бюлетень	52
Ни беспорядка и ни пыли	53
Не препарирую любовь	54
Не успеешь открыть глаза	55
Неволи пуще нет охоты	56
Никто не виноват	58
Новый Год, предвкушенье восторга	59
Ну вот и забрались на горочку	60
Ах, какая дорога была	61
Оранжевые кони	62
Осень 2000	64
Осень 2008	65
От Иерусалима в снегу и дожде	66
Мартовское	67
Парижский этюд	69
Первый сезон охоты	70
Обрывки сна	72
Плач Антонины	73
Под ноги дорогою полгой	75
День грядущий	76
Полотно	77
Премьера. 1945	78
Пройдёт ещё годок	80
Рождество	82
Осенний океан	83
Старый Новый Год	84
Не отдаляйся от меня	85
Торопиться не будем	86
Гостевая московская цыганочка	87

А есть ли варианты	89
Оглянусь	91
Они	92
Точка зрения обывателя	93
Трудно быть мудрецами в стране дураков	95
Право выбора здесь	96
Условны праздники	97
Год огненной собаки	98
Утро	99
Чтобы дни не летели	100
Картина	101
Я- патрон	103
Я старшусь повторов	105
Голиафу - ты Давид	106
Мои шестидесятые	107
Философские куплеты	109
Отголоски классических строчек	110
Старинная дорожная	111
Ну, я такой	112
Танго с секретом	114
"Танго соловья" или как я посетил родной город	116
Кукурузная эпопея	118
Дорожная железнодорожная	120
Жуткая история	121
Грустная история горожанки	123
Ретро	124
День труда	126
Традиция	128
Август наполняет свежим ветром парус	129
Весна	130
Не хочу я пятилетку за четыре года	131
Ветви дней и лет поленья	132
Мелкой дрожью на стекле	133
В сетях	134
И анамнез и хандра	136
Не отыскаться в пузырьрёчке	138
Лови мгновение, художник	139

Диалектика	140
Очередное прощанье с летом	141
Когда нутро не в ударе	142
Что делать	143

ОЧЕРКИ

"Дней прошедших листья вороши"	147
I am just Looking	179

